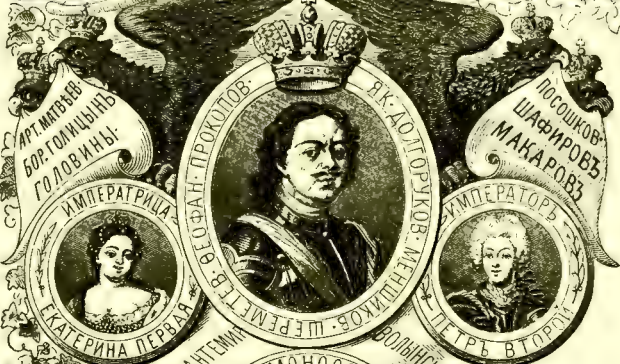

РУССКАЯ СТАРИНА

РЯРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

**ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.**

1917.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLVIII-й. Июль, Августъ, Сентябрь. 1917 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Изъ записокъ Н. В. Исакова. Сообщ. П. Н. Исаковъ	1—22	VIII. Неизданныя письма Н. И. Пирогова. Сообщ. С. Я. Штрайнъ	91—96
II. И. Г. Голзвинъ. Императоръ Николай I. Сообщ. Б. Колубакинъ.	24—32	IX. Матеріалы о Всероссийской Этнографической Выставкѣ и о Славянскомъ Съѣздѣ въ Москвѣ въ маѣ 1867 г.	97—109
III. Александръ Дмитриевичъ Свербеевъ. Елены Пономаревой	33—34	X. Университетъ пятидесятихъ годовъ. (Изъ воспоминаній Н. Леваковского). Сообщ. Н. О. Леваковская	110—118
IV. Ревизоръ. Изъ записной книжки „Русской Старины“. Сообщ. Д. П. Прокурнинъ	35—37	XI. Дневныя записки генерала Патрика Гордона. Сообщ. П. М. Майковъ.	119—128
V. Мимоходомъ. Моя губернаторская эпопея. Сообщ. В. И. Мерцаловъ	38—89	XII. Замятки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П.	129—151
VI. Вел. кн. Алексѣй Александровичъ выражаетъ въ 1892 г. сомнѣніе въ успѣшности карьеры наслѣдника цесаревича Николая Александровича. П.	90	XIII. Воспоминанія И. В. Е. отъ дѣтства до смерти (1841—1869)	152—158
VII. Греческій король Константинъ и императрица Александра Феодоровна. П.	90	XIV. Библиографическій листокъ (на обложкѣ).	

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1917 года.

Подписная цѣна на 1917 годъ — 11 руб., за границу — 13 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VII—IX книжка „Русской Старины“ вышла въ сентябрѣ 1917 года.

Библиографическій листокъ.

Баронъ де-Бай. Франко-русскія мысли. Петроградъ. 1917 г.

Въ этой небольшой по объему, но очень значительной по качеству, книжкѣ приведенъ цѣлый рядъ фактовъ высокаго историческаго интереса о томъ, какъ Германія ведетъ самую энергичную пропаганду внутри революціонной Россіи. Авторъ приводитъ отзывы германской печати объ истинныхъ цѣляхъ нѣмцевъ.

Такъ же поучительно и глубоко разбираетъ авторъ и въ другихъ своихъ книгахъ вопросы объ отношеніяхъ Германіи къ Россіи и ея союзникамъ.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. В. Канцеляріи. Подъ редакціей приватъ-доцента В. Строева. Выпускъ шестнадцатый. Петроградъ. 1917 г.

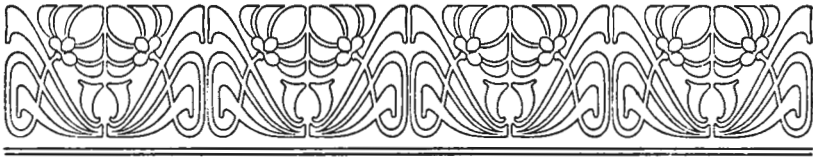
Этотъ томъ обнимаетъ часть документовъ, относящихся къ войнѣ за освобожденіе Германіи 1813 года. Документы приведены въ томъ порядкѣ, какъ они хранились у Аракчеева, съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ и съ обозначеніемъ, какіе изъ нихъ написаны собственноручно историческими лицами.

Тутъ напечатанъ рядъ интересныхъ указовъ императора Александра I разнымъ лицамъ и учрежденіямъ, десятидневные рапорты фельдмаршала кн. Кутузова-Смоленскаго о состояніи войскъ съ 7 дек. 1812 г. по 16 апр. 1813 г., т. е. по день его смерти. Кутузовъ, какъ извѣстно, былъ ревностнымъ противникомъ войны за освобожденіе Германіи. Затѣмъ слѣдуютъ рапорты кн. Барклая-де-Толли, крайняго сторонника энергичнаго веденія войны съ французами. Въ этихъ рапортахъ приведены свѣдѣнія о томъ, какъ союзники затрудняли довольствіе нашихъ войскъ, и какъ наша армія терпѣла нужду во всемъ необходимомъ, какъ въ Варшавскомъ герцогствѣ прусскимъ правительствомъ велась противъ Россіи пропаганда. Въ то же время прусскій генералъ Кнезебекъ имѣлъ наглость совѣтовать нашему правительству замѣнять польскихъ чиновниковъ, какъ неблагонадежныхъ, нѣмцами. Интересны также документы по дѣлу Чичагова и Тучкова.

Добрые пруссаки могли принимать наши ассигнаціи лишь только тогда, когда онѣ были освидѣтельствованы особыми конторами въ Кенигсбергѣ и Берлинѣ, а австрійскій фельдмаршалъ Шварценбергъ только въ виду неотступныхъ и настоятельныхъ представленій нашего интенданта Канкринна приказалъ позволить и не мѣшать нашимъ чиновникамъ въ покупкахъ.

Вотъ каковы были нѣмцы 100 лѣтъ назадъ и каковы они теперь, когда, спустя 100 лѣтъ, они ведутъ войну всѣми незаконными средствами противъ своихъ освободителей. И теперь находятся еще въ Россіи отчаянные нѣмцелюбы.

Ввиду очень значительнаго возвышенія цѣнъ на бумагу и печать подписная цѣна на „Русскую Старину“ въ 1918 году будетъ 18 рублей и за границу 20 рублей.

Изъ записокъ Н. В. Исакова.

(продолженіе) ¹⁾.

VI.

24 сентября, разрушивъ что возможно, отрядъ покинулъ Салтинскую долину. День былъ осенній, прекрасный. Наблюдая за ходомъ артиллеріи и порядкомъ движенія войскъ, я только ночью, усталый и голодный, достигъ лагеря; ночь была лунная, морозная, путь нашъ шель въ гору незамѣтно, въ лагерѣ былъ снѣгъ, все спало крѣпкимъ сномъ, самовара готоваго не было, я спросилъ водки, челоѣкъ отвѣтилъ, что князь приходилъ и взялъ остальную. „Проклятый Дундуковъ“, съ этимъ я завернулъ въ шубу и заснулъ богатырски.

Рано утромъ пришли звать завтракать въ 6 часовъ. На землѣ разостлана скатерть, жареная баранина и размазня: штабъ многочисленный и признательный. Полковникъ Манюкинъ отсюда со своими баталіонами уходилъ въ штабъ-квартиру и потому звалъ на проводы. Передъ выстроенными войсками на барабанахъ лежала доска, на ней—дюжина бутылокъ шампанскаго и стаканы, проводы, какъ слѣдуетъ быть, въ 6 часовъ утра. Когда кн. Воронцовъ пришелъ проститься съ войсками, громкое „ура!“ и шапки въ воздухѣ обозначали, что и уходящіе были не безучастны къ проводамъ. Старикъ, всегда понимавшій и снисходительно смотрѣвшій въ минуты оконченнаго дѣла на нѣкоторое веселое настроеніе, только улыбался и замѣтилъ, что шапки не нужно бросать вверхъ: артиллерійскія лошади могутъ испугаться.

Затѣмъ въ переходъ до привала солнце стало сильно пригрѣвать, и завтракъ и проводы сказались: на привалѣ я заснулъ, какъ убитый. Слышу, Коцебу меня зоветъ, рѣшительно подняться не могу, слышу, онъ говоритъ Аргутинскому: „Нужно его, кажется, оставить“. Аргутинскій однако же

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1907 г., Апрель—Іюнь.

не могъ этого допустить:— „Н. В., что это говорятъ, что вы не можете ѣхать. Правда, любезный, что вы смотрите такимъ гусаромъ, а ѣхать все-таки нужно“. Я встряхнулся, пошелъ къ Коцебу за приказаніемъ, нужно было приготовить для главнокомандующаго и штаба ночлегъ и расположеніе отряда. „Какъ бы поменьше блохъ“, прибавилъ Коцебу. Я поспѣшилъ, нужно было загладить минутную слабость. Все было во-время приготовлено, но много ли было блохъ—не знаю.

Наконецъ, добрались до Темиръ-Ханъ-Шуры. И главнокомандующій со своими глазами, и Аргутинскій съ ранюю, оба нуждались въ отдыхѣ. Осень на Кавказѣ имѣетъ свою прелесть, конецъ всѣмъ передрягамъ, подъ крышу, а тамъ, что Богъ дастъ на будущей годъ.

На другое утро я пошелъ навѣстить Аргутинскаго. Онъ рассказалъ мнѣ сонъ, въ которомъ видѣлъ Семена Воронцова военнымъ, въ сраженіи. Черезъ нѣсколько времени государь дѣйствительно назначилъ его въ Преображенскій полкъ и флигель-адъютантомъ.

Аргутинскій получилъ за экспедицію брилліантовую шпагу, я за ночное движеніе получилъ отъ кн. Воронцова Анну 3 ст., а за штурмъ Салтовъ—Владимира 4 ст.

Главнокомандующій уѣхалъ со своимъ штабомъ, мы остались одни и стали немножко осматриваться на зиму.

Во время экспедиціи было рѣшено всѣ войска въ Дагестанѣ соединить подъ однимъ начальствомъ Аргутинскаго, штабъ-квартиру сдѣлать въ Шурѣ и край назвать Прикаспійскимъ. Кн. Василій Осиповичъ Бебутовъ назначенъ управляющимъ гражданской частью въ Тифлисъ.

Въ Шурѣ было лучше, нежели въ Дербентѣ, больше народу, служащихъ, живущихъ, гостиный дворъ—однимъ словомъ, это былъ русскій небольшой городокъ. Здѣсь стоялъ штабъ Апшеронскаго полка, со своимъ чрезвычайно привѣтливымъ командиромъ кн. Григоріемъ Дмитріевичемъ Орбельяни. Старый кавказецъ, кн. Григорій былъ всѣми любимъ и уважаемъ; у него было 2 брата: Захарій только-что умеръ отъ холеры и Илеко (Илья), который, видимо, шелъ въ гору во мнѣніи Воронцова, былъ ловкій офицеръ, высокій, красивый и отважный. По общему обычаю у кн. Орбельяни было пристанище: у него жилъ Клавдій Ермоловъ и еще кто-то постоянно и, затѣмъ, другіе. Штабъ разросся; два брата Васильевы были адъютантами въ штабѣ, оба семейные, у одного была жена красивая, но чрезвычайно сдержанная, у другого

некрасивая, но забавная. У одного маіора была жена красивая, большая; у одного доктора была жена красивая и любезная. И маіоръ и докторъ имѣли безпрестанно командировки. Командиръ батареи, Годлевскій, представлялъ собою оригинальную личность и пунктъ ежевечернихъ сборищъ, для партіи и ужина. Другой батарейный командиръ—еще молодой человекъ, умный и образованный, съ отличной репутаціей, подполковникъ Лагода. Полковникъ Генеральнаго Штаба Капгеръ, бывшій начальникъ штаба у Бебутова и въ сущности распорядившійся всѣмъ въ Сѣв. Дагестанѣ, остался въ наслѣдство Аргутинскому, который, однако же, зная это, не хотѣлъ имѣть его при себѣ въ той же роли и сказалъ мнѣ: „Вы останетесь при мнѣ, Н. В., по-прежнему“. Нужно было плыть между Сциллою и Харибдою. Александръ Христіановичъ Капгеръ былъ гораздо старше меня, прекрасный человекъ, не безъ свѣтскаго образованія, любилъ женское общество и иногда по цѣлымъ днямъ игралъ въ карты. Онъ зналъ очень хорошо сѣверный Дагестанъ и все, что тамъ прежде дѣлалось, но Аргутинскій избѣгалъ его помощи, ревниво отстаивая репутацію, что имъ никто не руководитъ, какъ это было съ Вас. Осиповичемъ. Къ штабу прибавился еще молодой офицеръ Генеральнаго Штаба, Астафьевъ. Въ Шурѣ былъ аптекарь нѣмецъ, у него была очень хорошенькая жена, Софья Павловна. Астафьевъ на ней впоследствии женился, и я ихъ видѣлъ черезъ 35 лѣтъ на губернаторствѣ въ Оренбургѣ. Кн. Григорій Орбелъяни до сихъ поръ здравствуетъ въ Тифлисѣ, всѣми уважаемый, какъ доблестный представитель стараго кавказскаго времени, кромѣ того, какъ замѣчательный грузинскій поэтъ и чрезвычайно милый и добрый человекъ.

Другіе разошлись: Годлевскій уѣхалъ генераломъ на родину въ Сибирь. Лагода долго ходилъ по Петербургу безъ дѣла, ища мѣста. Жаль,—способный и умный человекъ. Капгеръ впоследствии былъ сенаторомъ, женатый на одной изъ Болугьянскихъ, умеръ въ 70 годахъ. Былъ еще старшій докторъ, Гольмблатъ, нервный нѣмецъ, непоходный.

Несмотря на то, что размѣры расширились, новыхъ служащихъ значительно прибавилось, Кузьмичи и Классовскій удержали свои позиции. Такъ жили мы мирно между собою, осторожно однако же глядя другъ на друга, такъ какъ два штаба сливаются между собою не вдругъ.

Я вспоминаю обо всѣхъ новыхъ сослуживцахъ съ большимъ удовольствіемъ.

Пришло извѣстіе, что большое сборище горцевъ появилось въ Кумухскомъ ханствѣ, въ Мукарскомъ Маголѣ, намъ подвластномъ, и занялъ аулъ его. Кн. Аргутинскій, хотя еле обвязанный, уже чувствовалъ себя хорошо, слѣдовательно, не долго думая, направилъ туда съ разныхъ сторонъ войска, и мы выступили 10 ноября въ зимнюю экспедицію.

Двигались цѣлый день на морозѣ и порядочно страдали отъ холода, въ особенности ночью. На ночь располагались въ сакляхъ, на сѣнѣ, съ горящимъ цѣлую ночь каминомъ, съ порядочнымъ сквознымъ вѣтромъ, безъ оконъ, съ плохо затворяющимися ставнями. Наконецъ добрались до Мукара вечеромъ, оставивъ всѣ вьюки назади. Непріятель засѣлъ въ крѣпкой аулѣ, оборонялся сильно. У насъ были только горныя орудія. Открытый изъ нихъ огонь немного сдѣлалъ. Кумухская милиція пыталась неоднократно штурмовать, стрѣльба была страшная. Аргутинскій не хотѣлъ терять людей въ этой трущобѣ и послалъ своего мирзу Абдурахмана остановить кумухцевъ. Отважный мирза, котораго Аргутинскій рѣдко отъ себя отпускалъ, былъ охотникъ подрасться, къ тому же у кумухцевъ съ мукацами были свои счеты; онъ воспользовался этимъ случаемъ неосторожно и ему камнемъ прошибли голову. Аргутинскій былъ взбѣшенъ: его единственный неоцѣненный человѣкъ былъ унесенъ въ Кумухъ, домой. Рана была опасная, и жаль его было. Абдурахманъ былъ молодецъ и умный. Аулъ не сдавался, ночь холодная; намъ на снѣгу, бивуакомъ, безъ палатокъ, нечего ни ѣсть, ни пить, было скверно. Я видѣлъ у Ермоловыхъ колбасу и видѣлъ, какъ они въ котелкѣ таяли снѣгъ для питья. Хорошо, что я воздержался. Стало брезжить, намъ дали знать, что въ аулѣ стихло, подползли поближе—аулъ пустой, осторожно заняли его, чтобы спасти отъ пожара: всѣ улицы и сакли были полны сѣна и соломы; обиліе было чрезвычайное. Достали сейчасъ барановъ, подоспѣли вьюки, шашлыкъ и чай и крѣпкій сонъ лучшее вознагражденіе за отвратительную ночь. Удивляюсь только, какъ мы не сгорѣли: сѣна людямъ вездѣ было по поясъ, лошадямъ соломы по брюхо, а всѣ курили немилосердно.

Непріятель ушелъ далеко, но войска поставили по ауламъ, а Аргутинскій остался подъ предлогомъ дожидаться, пока все успокоится въ горахъ: онъ любилъ эту жизнь, то въ одномъ аулѣ у хана, то въ другомъ у преданнаго старшины, то какъ придется, поставятъ въ саклѣ кровать, а то и такъ на полу, и затѣмъ нескончаемые разговоры съ лезгинами, въ

особенности пришедшими изъ дальнихъ ауловъ. Его весьма интересовало, что дѣлается въ горахъ, и онъ хорошо зналъ все, благодаря тому, что владѣлъ самъ языкомъ татарскимъ. Чай и трубка и дымъ изъ камина цѣлый день. Потомъ раза два сходятся къ нему штабные: пловъ, баранина за обѣдомъ и ужиномъ, кахетинское тоже. Иногда соскучится, пойдетъ навѣстить своихъ. Весь мой штабъ—два писаря; кое-какъ на полу, на доскѣ ведемъ переписку и пишемъ донесенія въ Тифлисъ. „Какъ это ты дѣлаешь, Н. В., что у тебя дыма нѣтъ?“ удивлялся Аргутинскій, „я не могу никакъ избавиться отъ него“. Все дѣло было въ его безобразной прислугѣ и въ его совершенномъ равнодушіи къ самымъ элементарнымъ удобствамъ жизни. Какъ ему ни нравилось такое скитаніе, однако же нужно было возвращаться въ Шуру и заняться дѣлами края. Кузьмичи—напоминали ему, что это ужъ не Дербентъ.

Возвращаясь въ Шуру, заѣхали навѣстить мирзу Абдурахмана. Отецъ его былъ уста, т. е. врачъ, и мы нашли, что онъ лечитъ сына слѣдующимъ образомъ: самъ поджавши ноги на полу, голову сына положить на колѣни къ себѣ и очень острымъ ножикомъ, который всегда при кинжалѣ, онъ ему скоблить черепъ около раны съ тѣмъ, чтобы сдѣлать края трещины мягче и помочь имъ скорѣе сростись. При такой операціи никто никогда не слышалъ даже вздоха. Консервативная хирургія была въ сильномъ ходу у горцевъ. Ампутаціи они не знали: у многихъ руки и ноги плохо дѣйствовали, но безъ ногъ и безъ рукъ я горцевъ не встрѣчалъ; за то какими страданіями это доставалось.

Заѣхали тоже въ одинъ аулъ, гдѣ жила дочь Алексѣя Петровича Ермолова. Бывшій сардаръ Кавказа въ своихъ походахъ по ауламъ снисходилъ, въ видѣ Юпитера, на ложе красивыхъ женщинъ Чечни и Дагестана.

Мать старшаго изъ трехъ братьевъ Ермоловыхъ кажется была чеченка, а Клавдія и Севера была лезгинка изъ этого аула. Старуха не показывалась, но дочь ея, сестра нашихъ артиллеристовъ, насъ принимала и угощала. Аргутинскій очень дорожилъ расположеніемъ Ермолова, хотя его не зналъ и не видалъ, помогаль деньгами этому семейству. Дочь была большая здоровая крестьянка, замужемъ за простымъ лезгиномъ ¹⁾).

¹⁾ Рѣчь идетъ о Наталіи Алексѣевнѣ Ермоловой, проживавшей въ аулѣ Бол. Казаниши; превосходный портретъ ея акварелью былъ набросанъ княземъ Григоріемъ Григоріевичемъ Гагариннымъ. *Б. Колубакинъ.*

Всѣ эти подробности у меня сохранились въ памяти, я пишу съ замѣтокъ, сдѣланныхъ въ 60 и 70 годахъ, пишу именно 9 и 13 сентября 1882 г., въ деревнѣ, ровно 35 лѣтъ тому назадъ свершившееся въ этотъ день, по случайному совпаденію.

Возвратясь въ Шуру, я отправился въ Тифлисъ на нѣсколько недѣль. Близкій товарищъ Свѣчинъ жилъ при штабѣ въ Тифлисѣ; я у него остановился. Являюсь къ кн. Воронцову; въ большой пріемной его, отдѣленной двойной дверью отъ кабинета, какъ всегда, множество людей всякаго рода, курятъ, шумятъ, толпятся, иногда даже танцуютъ, такъ что, когда старикъ вышелъ, ему было нужно нѣкоторое время, чтобы за дымомъ разсмотрѣть, что тутъ происходитъ. Поздоровавшись со мной со свойственной ему привѣтливостью, онъ въ дверяхъ кабинета проговорилъ, обращаясь назадъ: „Voici, chère amie, Issakoff, qui arrive du Dagestan, il te rancontra mieux que nous comment nous avons passé l'été ensemble et te donnera des nouvelles de notre cher prince Argoutinski, au quel tu t'interesses tant“ ¹⁾. Съ этою фразой въ мою пользу и предназначенной для передачи Аргутинскому въ томъ, что до него касалось, я очутился въ кабинетѣ князя, который пошелъ принимать разныхъ людей. Передо мной была слѣдующая сцена: княгиня сидѣла за письменнымъ столомъ князя и подписывала бумаги. Передъ нею стоялъ П. Е. Коцебу и подкладывалъ ихъ механически по очереди для подписи. Признаюсь, эта сцена была неожиданна. Чужая подпись была возведена въ служебную форму. Дѣло однако же было простое: князю, продолжавшему болѣть глазами, было врачами запрещено читать и писать, а потому бумаги, доложенныя начальникомъ штаба и скрѣпленныя его подписью, предлагались подъ механическую подпись, какъ подъ грифъ, посторонняго лица, незнающаго, что подписываетъ. Княгиня была такимъ лицомъ, отлично выучившимся подражать неузнаваемо подписи князя. За остальное отвѣчалъ начальникъ штаба, и процедуру эту не имѣли нужды держать въ секретѣ, по крайней мѣрѣ между своими.

Въ первую минуту мнѣ казалось, что я попалъ туда, гдѣ мнѣ быть не слѣдовало, но это была минутная мысль. Княгиня стала меня спрашивать, продолжая подписывать. Въ этотъ

¹⁾ Вотъ, милый другъ, Исаковъ, пріѣхавшій изъ Дагестана. Онъ тебѣ лучше насъ расскажетъ, какъ мы вмѣстѣ провели лѣто, и сообщитъ извѣстія о нашемъ дорогомъ князѣ Аргутинскомъ, которымъ ты всегда такъ интересуешься.

же день Воронцовы позвали меня къ себѣ обѣдать, и оба, князь и княгиня, старались показать на мнѣ свое вниманіе и любезность къ князю Моисею Захаровичу.

Жизнь въ Тифлисѣ была та же, что и въ прошедшемъ году: обѣды, пирушки, балы; общество было то же. Кн. Воронцовъ старался все болѣе и болѣе втянуть грузинскихъ дамъ въ европейскій обиходъ, мужчины давно ихъ въ этомъ опередили, изъ нихъ много было военныхъ. Кн. Воронцовъ старался ихъ выдвигать, что не нравилось русскимъ. Сплетни были тѣ же, но жилось весело. Штабъ отчасти поразѣхался, кто въ Петербургъ, кто въ командировки. Мѣсяца два прошло быстро, нужно было возвращаться въ Шуру. Ближайшій начальникъ мой, Николай Ивановичъ Вольфъ, однако же поставилъ условіемъ возвращеніе въ отрядъ, пребываніе въ коемъ считалось всегда въ видѣ награды, ибо давало способъ къ отличіямъ и наградамъ, чтобы я представилъ описаніе края, если желаю возвращенія въ отрядъ. Требованіе опредѣленное, но я не былъ готовъ, не было подъ рукою ничего и никого для справокъ, работа моя была, въ сущности, плохая. Къ веснѣ нужно было спѣшить. Вольфъ, зная отъ бывшихъ въ началѣ экспедиціи не штабныхъ, что я съ Аргутинскимъ поладилъ, не удерживалъ меня, и я по скверной дорогѣ, на перекладныхъ, черезъ Шемаху, Кубу и Дербентъ, доплелся до Шуры.

Въ дорогѣ ничего замѣчательнаго; нѣкоторая привычка обходиться безъ всего, что не крайне необходимо, къ отсутствію всякаго комфорта уже была сдѣлана. День и ночь въ телѣгѣ, заѣзжая кое къ кому изъ начальниковъ частей отдохнуть. Въ Кубѣ Джафаръ - Кули - ага—гостепріимный полковникъ, начальникъ милиціи въ нашемъ отрядѣ, котораго Аргутинскій ласкалъ. Въ Дербентѣ губернаторомъ былъ кн. Александръ Гагаринъ. Бывшая квартира Аргутинскаго преобразилась въ европейское помѣщеніе. При всемъ этомъ долженъ сознаться, что кочевая жизнь большой привлекательности для меня не имѣла: кое-гдѣ уснешь, кое-гдѣ пообѣдаешь. Все еще случались грабежи по этой дорогѣ, хотя уже почтовое сообщеніе было устроено давно. Въ конвой давали какихъ-то оборванцевъ изъ туземцевъ, которые, по одному покидая васъ на каждой верстѣ, на половинѣ дороги оставляли одного на произволь судьбы; дрянъ народъ, на дрянныхъ лошадяхъ, изъ которыхъ хорошія-то породы, карабахскіе жеребцы, хороши подъ попонами на показъ. Какая разница между ними и чеченцами. Лезгины, населяющіе подъ этимъ общимъ именемъ Дагестанъ, дерутся

хорошо подъ закрытіемъ, а въ открытомъ мѣстѣ—не важно. Кавалерія ихъ совсѣмъ плоха. Изъ всѣхъ милицій у насъ только Аварская молодцы, со своимъ начальникомъ Али-ханомъ, заклѣтымъ врагомъ Шамиля, за разореніе Чеха, ихъ родины.

По возвращеніи въ Шуру, отправились мы съ Аргутинскимъ на Мятлинскую переправу, гдѣ на рѣкѣ Койсу выстроены были башни и стояли двѣ роты гарнизона, а оттуда въ Чиръ-юртъ, посмотрѣть на штабъ Нижегородскаго драгунскаго полка, недавно переведеннаго изъ Царскихъ колодцевъ.

Я помѣстился у Михаила Маслова, брата адъютанта Воронцова. Какъ человѣкъ съ большими средствами, онъ построилъ себѣ домикъ уютный и удобный; у него было и тепло и свѣтло и хорошій поваръ и библіотека.

Въ Чиръ-юртѣ насъ занесло позднимъ снѣгомъ, такъ что нѣсколько дней нельзя было пробраться къ полковому командиру, гдѣ жилъ Аргутинскій. Онъ знакомился и бесѣдовалъ съ Круковскимъ. Старый кавказецъ, давно служившій въ линейныхъ казакахъ, Круковскій былъ лихой офицеръ, огромнаго роста, съ огромными бакенбардами въ видѣ бороды. Онъ былъ самыхъ простыхъ привычекъ и незатѣливой обыденной жизни; ѣздилъ, бывало, изъ Чиръ-юрта въ саночкахъ съ ординарцемъ, безъ конвоя, въ Шуру, а застанеть мятель, такъ переночуетъ подъ стогомъ сѣна въ полѣ, и такъ—верстъ 60. Я въ эти дни, помню, прочелъ *mémoires de Casanove* и еще какіе-то мемуары.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи нашемъ въ Шуру пріѣхалъ кн. Александръ Бярятинскій. Онъ былъ назначенъ командиромъ Кабардинскаго полка и начальникомъ Кумыкской плоскости, слѣдовательно, ближайшимъ сосѣдомъ Прикаспійскаго края. Въ своемъ егерскомъ мундирѣ съ аксельбантами и всѣми орденами, которыхъ было множество, онъ явился къ Аргутинскому и очаровалъ его такъ своей любезностью и придворной учтивостью, которая была не безъ лести, что мой Моисей Захаровичъ на другой день часовъ въ 5 утра уже стучалъ ко мнѣ въ окошко. Такъ какъ онъ спалъ днемъ по нѣсколько разъ, то вставалъ очень рано и собирался отдать визитъ кн. Бярятинскому съ пѣтухами. „Какъ ты думаешь, Н. В., я бы могъ теперь отдать князю Бярятинскому визитъ. Онъ человѣкъ боевой, вѣрно встаетъ рано, не по-придворному“. Я насилу его отговорилъ. У кн. Бярятинскаго между прочимъ было и курьезное дѣло для передачи Аргутинскому. Въ Петербургѣ, откуда онъ только, что пріѣхалъ,

ему поручили какого-то полячка, заявившаго въ III-е отдѣленіе, что онъ можетъ указать на лицъ въ войскахъ, которыя сообщаютъ непріятелю всѣ наши намѣренія и приготовленія. Подозрѣніе о такой передачѣ существовало, и потому заявленіе это было принято за серьезное и нужно было сговориться, какъ дѣйствовать. Сговорились такъ: когда кн. Барятинскій получить отъ этого господина списокъ лицъ, то черезъ лазутчика перешлетъ его Аргутинскому съ назначеніемъ ближайшаго дня для ихъ арестованія, какъ на Кумыкской плоскости, такъ и въ Дагестанѣ, одновременно.

Когда лазутчикъ отъ Барятинскаго пріѣхалъ, собрали частныхъ начальниковъ, объявили имъ по секрету въ чемъ дѣло, дали каждому конвой и лицъ, означенныхъ въ списокѣ, приказали арестовать и сдѣлать у нихъ обыскъ. Это было поздно вечеромъ. Ничего ни у кого не нашли, принесли какую-то бумагу, на которой одинъ поручикъ для препровожденія времени учился подписываться, называя себя разными чинами въ будущемъ и кончая: полковникъ Н.Н. и покойникъ Н.Н., дальше онъ не шелъ. Вообще вся эта исторія кончилась пуфомъ. Вѣроятно, этотъ полячокъ, большая каналья, хотѣлъ выслужиться въ Петербургѣ и оговорилъ многихъ, жандармы тоже. Аргутинскій былъ недоволенъ, что его тоже впутали, но послѣдствій серьезныхъ не было.

Правда, что наши намѣренія часто узнавались въ горахъ, и мы, воображая, что можемъ иногда захватить кого-нибудь врасплохъ, убѣждались, что горцы цѣлую зиму готовились насъ встрѣтить. Однако же, поляки служили на Кавказѣ не хуже русскихъ, было много хорошихъ боевыхъ офицеровъ. Правда также, что были изрѣдка офицеры, которые порядочно объяснялись по-татарски, но сношенія для нихъ съ горцами были весьма трудны. Развѣ—какая-нибудь болтовня, зимой, въ баталіонахъ, стоявшихъ по передовымъ ауламъ, гдѣ иногда войска сходились съ жителями на базарахъ. Болтовня въ штабахъ доходила и до темныхъ строевыхъ офицеровъ.

У Шамиля въ горахъ было порядочное число бѣглыхъ солдатъ, они были мастеровые и артиллеристы при пушкахъ, захваченныхъ у насъ въ 1843 г. по разнымъ мелкимъ укрѣпленіямъ. Шамиль цѣнилъ ихъ, старался женить, перетянуть въ магометанство, и тогда этимъ бѣглымъ жилось тамъ хорошо. Нѣкоторые изъ захваченныхъ въ плѣнъ тамъ остались. Не знаю, что съ ними со всѣми сдѣлалось послѣ покоренія Кавказа. Что случилось съ цѣлюю слободою русскихъ, кажется, при

Дарго. Что случилось съ тѣми музыкантами, которыхъ мы ежедневно слышали подъ Салтами играющими вечернюю зорю у непріятеля. Разсказывали, будто бы прежде водились и наши офицеры у Шамиля. При мнѣ такого случая не было. Видѣли тамъ иностранцевъ, англичанъ, кажется. Впослѣдствіи они сдѣлались извѣстны по именамъ. Подозрѣвать своихъ было напрасно.

Кн. Воронцовъ намѣренъ былъ посѣтить весною мусульманскія провинція, проѣхать Дагестанъ и по линіи.

Кн. Аргутинскій поѣхалъ ему навстрѣчу въ Баку. Жители и начальство приготовили ему иллюминацію оригинальную. Нефть начинала вступать въ права гражданства, городъ, террасами построенный, освѣщенъ былъ красиво. Въ портѣ стояло нѣсколько судовъ, отъ берега отчалили лодки съ боченками нефти и, плывя къ судамъ, выбрасывали ее въ море. Съ берега ее зажгли, и такъ какъ лодки были невидимы въ темнотѣ, то суда оказались вдругъ среди огненнаго моря.

Затѣмъ состоялась поѣздка на Бакинскіе огни; въ 14 верстахъ отъ города выстроены какой-то замокъ съ башнями, повсюду проведены трубы изъ-подъ земли. Внутри замка и въ башняхъ пылающая нефть создаетъ что-то волшебное: въ немъ, какъ тѣни, бродятъ индусы—огнепоклонники. Когда-то поселили здѣсь нѣсколько человѣкъ гебровъ, съ тѣхъ поръ огни не переводятся. Этимъ бы слѣдовало ограничиться, но гебры желали угостить сардаря церемоніей поклоненія огню. Въ одномъ изъ помѣщеній замка устроено у нихъ въ родѣ жертвенника, на которомъ наставлено множество маленькихъ бронзовыхъ идоловъ, среди которыхъ я замѣтилъ и солдатскіе мѣдные образа и складни. Начался призывъ въ большія раковины, издававшія нестерпимо рѣжущіе звуки, кувырканыя, пѣніе и подъ конецъ раздача леденца: все это было балаганно, придумано. Зато кругомъ замка было интереснѣе: пастухи продѣлывали въ стѣнахъ замка дырочки, зажигали выходящей изъ нихъ газъ и грѣлись. Намъ показали одинъ колодець, окруженный камнями; я взглянулъ внизъ, тамъ цѣлый адъ огня; покрыли его рогожей на нѣсколько минутъ, газъ скопился, и когда въ колодезь бросили зажженную бумагу, то послѣдовалъ выстрѣлъ, какъ изъ орудія.

Кн. Воронцевъ объѣзжалъ часть края, которую еще не успѣлъ осмотрѣть за время своего управленія. Путешествіе совершалось такимъ образомъ: онъ ѣхалъ въ большихъ низкихъ дрожкахъ, со скамейкой спереди, гдѣ сидѣлъ читающій

ему газеты, или сынъ, или Николаи, или Дундуковъ; за нимъ, въ экипажахъ, весь сопровождающій его штабъ. Кругомъ и около неслись милиція и почетные жители Кубанской и Бакинской области на горячихъ жеребцахъ, затѣмъ различные ханы горскихъ племень Дагестана, увѣряя князя въ своей преданности и поднимая такую пыль, что можно было задохнуться ѣхавшимъ сзади. Я думаю, что князь отвѣчалъ тѣмъ же на всѣ эти заявленія. Какъ дагестанскіе беки, въ случаѣ натиска на нихъ Шамиля, не запнулись бы дѣйствовать противъ насъ, такъ и князь, въ случаѣ нужды, не моргнувъ, повѣсилъ бы любого изъ нихъ, но пока теперь встрѣча была блестящая и онъ всѣмъ улыбался и жалъ руку. Коцебу смотрѣлъ на все скептически, а Аргутинскій былъ въ восхищеніи отъ кн. Воронцова въ это время.

По возвращеніи въ Шуру разрѣшился вопросъ объ арестованныхъ; ихъ освободили, и впослѣдствіи дѣло кончилось ничѣмъ. Новый планъ экспедиціи въ Дагестанъ для овладѣнія Гергебилемъ былъ рѣшенъ, и главнокомандующій выѣхалъ далѣе въ Чирь-юртъ. Круковскій встрѣтилъ насъ со своими драгунами; отъ Шуры впередъ выслана была пѣхота; переѣздъ обезпеченъ отъ непріятельскаго покушенія, на открытомъ 50-верстномъ пространствѣ, и за обѣдомъ у Круковского, послѣдній обратился къ князю, прося позволенія трубачамъ немного поиграть, какъ онъ выразился. Эта музыка и пиръ его были болѣе нежели скромны. Зато на другой день рано утромъ передъ выѣздомъ, сосѣдъ-начальникъ Кумыкской области пожаловалъ въ Чирь-юртъ, чтобы провожать главнокомандующаго. Большая толпа конныхъ черкесовъ и кумыхцевъ внеслась въ большую Чирь-юртскую улицу. Впереди, въ мундирѣ со всѣми орденами, на сильномъ иноходцѣ ѣхалъ кн. Барятинскій, за нимъ бѣлый значекъ и разноцвѣтная толпа на отличныхъ коняхъ, отлично одѣтая и вооруженная, а дальше крытыя дрожки тройкой, отличныхъ гнѣдыхъ лошадей и съ огромной толщины кучеромъ, какъ ѣздитъ государь въ Царскомъ Селѣ. И Круковскій и Барятинскій были оба лихіе офицеры, предпріимчивые и смѣлые, но декорація уже перемѣнялась.

Сдѣлавъ поль-перехода по Кумыкской плоскости съ тѣми же предосторожностями и постоянною джигитовкою все подъѣзжавшихъ изъ разныхъ ауловъ жителей, преданныхъ русскому царю, при чемъ, конечно, вся обстановка была отлично придумана Барятинскимъ, мы остановились было въ Умахской

юртѣ позавтракать, но, къ сожалѣнію всѣхъ голодныхъ, князь спѣшилъ. Что успѣли, захватили со стола, сгибавшагося подъ яствами и виномъ. Затѣмъ переѣзжали горную рѣчку. Мы съ Капгеромъ, какъ были въ коляскѣ, такъ и выѣхали. Сильный напоръ на самой срединѣ опрокинулъ коляску, Капгеръ и человекъ его, сидѣвшій на козлахъ, мгновенно вылетѣли. Къ счастью, человекъ умѣлъ плавать, а Капгера пронесло сажень 15 и прибило къ камнямъ, иначе онъ погибъ бы. Я успѣлъ схватиться за шарниры коляски и удержался на ея боку. Съ берега мнѣ кричали: „брось, брось“, потому что она могла опрокинуться на меня, но я выждалъ, когда подошлѣ конные люди, взяли меня на лошадь и вывезли на берегъ. Эта непрошенная ванна прошла благополучно, но могла намъ съ Капгеромъ обойтись дорого.

Въ Хасавъ-юртѣ, штабъ-квартирѣ кн. Барятинскаго, ждалъ насъ обѣдъ на петербургскій ладъ, съ толстымъ мажордомомъ, съ серебромъ и проч. Обѣдъ длился долго, нѣкоторые изъ приглашенныхъ почетныхъ туземцевъ подпили и одинъ изъ нихъ, болѣе балованныхъ, Гугушевъ, началъ громко ругаться за то, что ему при послѣдней раздачѣ подарковъ достались серебряные часы. Коцебу улыбался кисло, унять его не было возможности. Князь успѣшилъ окончить трапезу и пошелъ сыграть на биллиардѣ партію. Мы разбрелись по палаткамъ выпасться. На другое утро рано выѣхали въ Шуру съ княземъ Аргутинскимъ.

VII.

Когда все было готово къ экспедиціи и подножный кормъ въ горахъ показался, мы выступили въ походъ. Подошли къ Гергебилю и остановились на ночевку надъ нимъ, на высотѣ тысячъ 3 футовъ; съ разсвѣтомъ по горной тропинкѣ спустились. Назначены были двѣ роты пѣхоты и милиціи, съ которыми Аргутинскій поручилъ мнѣ сдѣлать рекогносцировку. На слѣдующій день отрядъ нашъ спустился и расположился лагеремъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ отрядъ кн. Бебутова въ прошломъ году подъ Гергебилемъ. Переднія высоты подъ самымъ ауломъ, при входѣ въ сады, были тотчасъ заняты батареями. Инженерная работа закипѣла, начальникомъ ея былъ полковникъ Ковалевскій, командиръ сапернаго батальона. Въ числѣ офицеровъ инженерныхъ былъ Кауфманъ, Констан-

тинъ Петровичъ, и прїѣхавшій изъ Петербурга для пробы работъ посредствомъ бурава Тотлебенъ ¹⁾).

Изъ артиллеристовъ—всѣ три брата Ермоловы, которымъ Аргутинскій покровительствовалъ въ знакъ уваженія къ Алексѣю Петровичу, который писалъ письма къ нему и хвалилъ его дѣйствія въ Дагестанѣ; Лагода—командиръ батареи, Степанъ Ивановичъ Гурскій—командиръ горной батареи, очень хорошей офицеръ; старый мой товарищъ по конной батарее Николай Дмитриевичъ Кривцовъ. Изъ штаба были Минквицъ, Моллеръ и Ростиславъ Давыдовъ. Ген. штаба Свѣчинъ и бар. Леонтій Николаи ²⁾, братъ секретаря кн. Воронцова. Когда инженеры устроили закрытія и батареи стали дѣйствовать, бросая изъ мортиръ бомбы въ ауль, оказалось нужнымъ окружить ауль и прервать связь горцевъ со скопищемъ непріятели, занимавшаго за садами аулы и за р. Койсу ту же позицію, какъ въ прошедшемъ году. Сначала, кружною дорогою послали Евдокимова съ 2 баталіонами и горными орудіями занять крайній пунктъ на высотахъ Ай-Мекинскихъ подъ ауломъ. Горцы его по ночамъ сильно атаковали нѣсколько разъ. Затѣмъ, нужно было овладѣть садами. Аргутинскій считалъ, что никто не сдѣлаетъ этого лучше, какъ кн. Бяратинскій съ кабардинскими баталіонами, привыкшими драться въ лѣсу.

Кабардинцы должны были спуститься ночью и съ разсвѣтомъ атаковать сады. Аргутинскій послалъ меня вечеромъ къ кн. Бяратинскому узнать, все ли готово. Я нашелъ, что баталіоны уже ушли на позицію. Бяратинскій еще сидѣлъ у себя въ палаткѣ съ Минквицемъ, попивали пуншъ и рассказывали другъ другу самые несбыточные анекдоты. Наконецъ, Бяратинскій снялъ башмаки, надѣлъ личные сапоги, сѣлъ верхомъ и отправился на позицію. Тьма была кромѣшная.

Съ разсвѣтомъ кабардинцы стали подвигаться въ садахъ, непріятель ихъ встрѣтилъ въ значительныхъ силахъ и бой былъ очень жаркій и потери кабардинцевъ очень серьезны: одинъ изъ баталіонныхъ командировъ убитъ, любимецъ Бяратинскаго, нѣсколько офицеровъ убито и ранено, человекъ 130 принесли въ лагерь; въ числѣ ихъ былъ его адъютантъ,

¹⁾ Съ Тотлебенемъ былъ еще молодой тогда Сигиз. Андр. Тидебель, въ семидесятые года—начальн. Никол. инжен. академіи и училища.

²⁾ Баронъ Леонтій Павловичъ—впослѣдствіи генераль-адъютантъ, начальникъ Кавказской гренадерской дивизіи. Скончался въ концѣ 80-хъ годовъ монахомъ въ знаменитомъ Grande Chartreuse близъ Гренобля.

кн. Дмитрій Святополкъ-Мирскій¹⁾ съ прострѣленною насквозь грудью. Работа около раненыхъ началась. Число ихъ не производило хорошаго впечатлѣнiя. Аргутинскiй хмурился, находилъ, что слѣдовало бы избѣжать такой потери. Барятинскiй въ душѣ болѣлъ за своихъ и жалѣлъ нѣкоторыхъ лично. Мирскому онъ обѣщалъ, если доктора найдутъ его положенiе безнадежнымъ, сказать тотчасъ. Онъ его навѣщалъ по нѣскольку разъ въ день, ходилъ за нимъ, какъ за сыномъ, но Мирскiй признавался послѣ, что всякiй разъ, когда онъ входилъ въ первые дни, онъ ожидалъ смертнаго приговора. Мирскiй выздоровѣлъ скоро.

Непрiятель сдѣлался осторожнымъ. Редуты были заложены въ садахъ, и войска, съ пѣсельниками и бубнами впереди баталiоновъ, заняли на другой день линiю посреди садовъ, заложили еще нѣсколько редутовъ и вошли въ сообщенiе съ позицiей Евдокимова, такъ какъ непрiятель свободно могъ проникать въ эти обширные сады. Въ день нашего занятiя садовъ, непрiятель, у котораго за Койсу стояло на горѣ 2 орудiя, слѣдилъ за Аргутинскимъ и на открытой площадкѣ садовъ пустилъ по немъ 2 ядра очень мѣтко. Я ѣхалъ за нимъ. Когда онъ позвалъ меня, и я хотѣлъ подѣхать справа, въ эту минуту ядро справа рикошетомъ попало въ задъ его лошади, второе рикошетомъ же пролетѣло надъ нашими головами. Ясно было, что у непрiятеля знаютъ цвѣтъ лошади Аргутинскаго и его фигуру, имѣютъ хорошую зрительную трубу и хорошаго артиллериста. Все это было нѣсколько удивительно для горцевъ, но вотъ что еще удивительнѣе—ядро ранило лошадь снизу вверхъ въ заднюю лопатку, прошло поверхъ крупа и опустилось на лѣвую лопатку. Лошадь сильно подпрыгнула, но дошла подъ Аргутинскимъ до лагеря версты 3, хромая, и пала только на третiй день. Ядро было, правда, маленькое.

Когда наступала темнота, сообщенiе прекращалось и съ наиболѣе отдаленною позицiей мы переговаривались изъ лагеря доморощеннымъ оптическимъ телефономъ: бумажными шарами со свѣчками внутри, на подобiе пожарныхъ сигналовъ. Горцы пробовали ночью кидаться въ шашки съ гикомъ на наши редуты, но, какъ всегда, здѣсь было больше стрѣльбы и шума, а очень мало дѣла, и войска, привыкшiя къ этому,

¹⁾ Князь Дмитрій Ивановичъ—впослѣдствiи генераль-адъютантъ, Помощникъ Намѣстника на Кавказѣ.

смутить было трудно; если они держались въ порядкѣ, горцы имъ сдѣлать ничего не могли, какъ они ни были дерзки.

Дѣйствіе батарей шло своимъ порядкомъ. Наученные прошлогоднимъ опытомъ, мы запаслись снарядами на долгій срокъ и тратили ихъ съ бережливостью. Ежедневно мы отправлялись въ сады осматривать батальоны въ редутахъ и на батареяхъ. Однажды, помню, идемъ въ садахъ пѣшкомъ со Свѣчинымъ, встрѣчаемъ четверо солдатиковъ, несутъ кого-то въ носилкахъ, но кого—не видно. Свѣчинъ издала спрашиваетъ громко: „Съ какой позиціи?“. „Отъ Евдокимова“—отвѣчаютъ. „Кого несете?“. „Моллерова“,—отвѣчаютъ. „Что, напаваль?“—спрашиваетъ Свѣчинъ, дѣлавшій первую экспедицію, кажется, и относившійся нѣсколько свысока къ бѣдствіямъ войны. Въ эту минуту мы видимъ высовывается изъ носилокъ кулакъ, а затѣмъ голова Моллера. „Я тебѣ дамъ напаваль“, кричитъ Моллеръ, „это ты такъ-то относишься къ убитому товарищу, подожди“. Съ тѣхъ поръ за Свѣчинымъ и Моллеромъ осталось при всякой нашей встрѣчѣ слово „напаваль“. Свѣчинъ былъ добрый и хорошій товарищъ мой еще по Московскому корпусу. Онъ, бѣдный, погибъ въ 1854 г. при началѣ кампаніи въ Азіатской Турціи. Говорятъ: когда онъ возвращался откуда-то съ обѣда верхомъ и вѣзжалъ къ себѣ въ ворота, лошадь испугалась пѣтуха и, сбросивъ его, переломила ему шею. Старикъ-отецъ его еще былъ живъ, почтенный человекъ, какое ему было горе, какъ подумаешь.

Моллеръ впослѣдствіи командовалъ Эриванскимъ карабинернымъ полкомъ на Кавказѣ и заслужилъ съ нимъ Георгія 4 ст. Затѣмъ я его помню женатымъ во второй разъ и дивизионнымъ командиромъ въ Москвѣ. Онъ умеръ въ концѣ 70 годовъ. Хорошій офицеръ и товарищъ.

Ауль былъ окруженъ, но гарнизонъ продолжалъ защищаться. Ночью перестрѣлка въ садахъ доказывала, что горцы пробирались изъ-за Койсу въ ауль и провозили провіантъ, а изъ аула увозили раненыхъ. Чѣмъ должно кончиться дѣло съ Гергебилемъ, ясно не обрисовывалось еще, какъ вдругъ одно случайное обстоятельство его рѣшило. Прямо къ аулу и подъ его обороною выходило Ай-Мекинское ущелье, огромная горная трещина, изъ которой небо было видно, какъ лента, и въ которомъ сверху можно было закидать камнями всякаго проходящаго. Въ немъ текла горная рѣчка и, по обычаю горцевъ, вода изъ нея, поднятая канавой до выхода еще изъ

ущелья, проведена была въ башню, крайнюю въ аулѣ, и тамъ составляла единственный запасъ воды для гарнизона.

Когда подошли батареями и ложементами стрѣлковъ очень близко, замѣтили эту канаву случайно, отъ отблесковъ солнца въ сочившуюся изъ нея воду, что было не легко между одинаковаго цвѣта каменными скалами. Артиллеристы начали упражняться попадать ядрами въ канаву, разбили ее и вода потекла не доходя до башни, слѣдовательно, безопасное пользование водой было прекращено для гарнизона и ночью особые стрѣлки занимались вблизи обстрѣливаніемъ этого мѣста, не допуская ходить за водою. Положеніе уже было тяжелое для гарнизона, когда вдругъ съ мортирной батареи одного изъ Ермоловыхъ бомба попала прямо въ башню, гдѣ былъ резервуаръ воды, и развалила его. Какіе клики радостные прошли по лагерю при этомъ извѣстїи. Несомнѣнно было, что гарнизонъ держаться не можетъ, и ночью въ садахъ наши войска сторожили изъ своихъ редутовъ его бѣгство; но онъ пробрался таки, несмотря на отчаянную стрѣльбу нашу, и на другой день аулъ оказался пустъ.

Успѣхъ былъ серьезный, безъ штурма, счастье было на сторонѣ Аргутинскаго. Онъ послалъ съ донесеніемъ кн. Воронцову близкаго ему человѣка, бар. Леонтія Николаи, который Главнокомандующимъ былъ посланъ съ донесеніемъ къ государю и былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ.

Непрїятель оставался на своей позиціи за р. Койсу, въ теченіе нѣсколькихъ дней. Нужно было спровадить все тяжелое изъ лагеря и попробовать уничтожить разбойничье гнѣздо. Оказалось, что аулъ, какъ всегда, есть гора, истыканная дырками, кое-гдѣ подпертыми деревьями. Сожгли это все, но главное были сады, составляющіе источникъ существованія для населенія: иногда орѣховое дерево составляло все состояніе цѣлаго семейства. Эти сады мы попробовали рубить, на нѣсколькихъ деревьяхъ испортили свой шанцевый инструментъ и бросили.

Пока это дѣлалось, помню, что инженеры и саперы дали обѣдъ или завтракъ. Въ Ай-Мекинскомъ ущельѣ, близъ канавы, которая сыграла такую большую роль при взятїи Гергебиля, въ холодную рѣчку поставили шампанское и чествовали кн. Бяратинскаго, какъ гостя и начальника войскъ, къ Дагестану не принадлежащихъ и имѣвшихъ самое крупное дѣло въ этой экспедиціи.

Настало время однако же оставить аулъ. Нужно было снять нашу линію обложенія съ наименьшею потерей отъ стоящаго вблизи на своей позиціи весьма значительнаго непріятели и все чего-то выжидаващаго. Видимо было, что онъ намѣренъ взять реваншъ, а Аргутинскій былъ твердо намѣренъ не давать ему реванша. Все было заранѣе соглашено. Самый отдаленный пунктъ, которому приходилось пройти всѣ сады, именно редутъ Евдокимова, долженъ былъ сняться въ часъ намаза, когда множество непріятели творить молитву у рѣки, слѣдовательно, находилось внѣ лагеря и безъ оружія. Затѣмъ Евдокимовъ присоединилъ къ себѣ войска слѣдующаго редута, и такимъ образомъ отступавшія войска все усиливались бы, что было необходимо въ виду непріятели многочисленнаго, готоваго черезъ мостъ броситься во всякую минуту въ сады на оплошную или просто слабую часть войскъ.

Такъ и сдѣлалось, но не все; всего не доглядѣли. Баталіоны очень осторожно и незамѣтно спустились съ своей позиціи въ сады, но солдатиковъ трудно отучить не истреблять, что покидаютъ; оставляя, они подожгли туры, и дымъ загорѣвшагося редута замѣтили у непріятели; все, что было въ лагерѣ, бросилось въ сады, что творило намазъ, бросилось въ лагерь за оружіемъ, и безъ боя уже нельзя было снять линіи нашихъ постовъ. Непріатель насѣлъ въ особенности на арьергардъ, на баталіонъ полка Евдокимова, которымъ командовалъ Дмитрій Кузьмичъ Ассѣевъ.

Видя себя сильно атакованнымъ, онъ съ баталіономъ залегъ въ послѣднемъ редутѣ и сталъ отстрѣливаться надъ оврагомъ, отдѣлявшимъ сады отъ нашихъ батарей. Всѣ остальные баталіоны вышли изъ садовъ, перешли благополучно черезъ оврагъ и отправились въ лагерь. Аргутинскій стоялъ на батарее. Инженеры, предвидя атаку непріятели, заложили подъ послѣднимъ редутомъ мину и проволоки были въ двухъ шагахъ отъ Аргутинскаго, это была первая попытка примѣненія минъ къ полевымъ дѣйствіямъ. Идея была Тотлебена. Съ нетерпѣніемъ ожидали они эффекта на горцевъ, но Ассѣевъ изъ редута не трогался, лежалъ и отстрѣливался. Кругомъ въ гущинѣ садовъ залегъ и непріятель. Нельзя было показаться фуражкѣ, чтобы не попасть подъ пулю. Онъ только и ждалъ, что баталіонъ тронется изъ редута, чтобы покончить съ нимъ въ оврагѣ, глубококомъ, покрытомъ кустарникомъ, который приходилось Ассѣеву проходить. Аргутинскій въ нетерпѣнніи посылаетъ своего вѣрнаго гурійца Глахуна и отдаетъ ему приказаніе

по-грузински, чтобы онъ сказалъ Ассѣву, что онъ долженъ сейчасъ же отступать. Храбрый гуріецъ скатился кубаремъ съ батареи, перебѣжалъ оврагъ, вспрыгнулъ въ редуть, подползъ къ Ассѣву и передалъ ему, что князь сердитъ, и что подъ редутомъ заложена мина, которую сейчасъ взорвутъ. Ассѣвъ его выругалъ, съ нимъ и Аргутинскаго: „Какъ выйду отсюда? пусть-ка самъ придетъ старый дунчузъ“ (кабанъ, какъ звали Аргутинскаго горцы). Но заложенная мина на него подействовала. „Ну, какъ эти шальные инженеры вдругъ взорвутъ его, желая показать себя“. Ассѣвъ мигомъ выпрыгнулъ со своимъ баталіономъ въ оврагъ, и непріятель въ тотъ же мигъ бросился въ редуть и въ тотъ же мигъ мина была взорвана. Все, что попало въ редуть, взлетѣло на воздухъ, и горцы были такъ ошеломлены и перепуганы, что безъ выстрѣла убрались восвояси. Ассѣва приняли со всякими почестями, онъ сдѣлалъ свое дѣло молодцомъ и безъ потерь, смѣливо, но долго потомъ не могъ вспомнить безъ нѣкоторой дрожи: „Что, если бы эти шальные инженеры, чертовы перешницы, какъ-нибудь сослѣпа эти проклятыя проволоочки дернули; ужъ эти мнѣ ученые“ и проч. и проч.

Сверхъ ожиданія на другой день непріятель не тревожилъ нашего ухода. Этотъ вчерашній взрывъ научилъ его быть осторожнымъ. Въ полдень, въ жару, мы сдѣлали версть 25 и расположились въ садахъ села Хаджалъ-Махи, недалеко отъ Гергебиля, а декорация быстро перемѣнилась: канавы по садамъ служили ваннами, мѣсто быстро расчищалось, раскидывались палатки и купанье освѣжало послѣ долгаго стоянія подъ Гергебилемъ. Продавцы явились изъ селенія, базаръ былъ оживленъ. Комендатъ укрѣпленія Хаджалъ-Махинскаго поднесъ печеный свѣжій хлѣбъ, котораго мы давно не видали. Все наслаждалось отдыхомъ. Не разъ въ эти первыя минуты, подъ этими великолѣпными деревьями и съ этою холодною, свѣжею водой въ такомъ изобиліи, приходило на мысль: „изъ чего родъ людской враждуетъ и грызется, какъ дикій звѣрь, развѣ Божій міръ тѣсенъ для всѣхъ или дары его не прекрасны“.

Кн. Барятинскій отсюда уходилъ прямо къ себѣ на линію со своими баталіонами. Кн. Аргутинскій вышелъ ихъ поблагодарить. Молодцы кабардинцы были одѣты всѣ одинаково: большіе сапоги, синіе холщевые штаны, мундиры, патронташъ на поясѣ, унизанномъ пуговицами, на ремнѣ за поясницей холщевый мѣшокъ, вмѣсто ранца, фуражка съ козырькомъ. Послѣ экспедиціи они были щеголями, много впрочемъ при-

давала лихости и репутація полка. „Спасибо вамъ, кабардинцы, вы сюда пришли, чтобы лезгинамъ дать острастку, вы ее дали имъ, хорошо служили въ Дагестанъ“ и проч. Князь на это дѣло былъ не мастеръ. Барятинскаго благодарилъ сердечно, хотя не забывалъ, что онъ потерялъ много хорошаго войска въ садахъ.

Въ лагерьъ подъ Гергебилемъ у Барятинскаго былъ всегда накрытъ обѣдъ; въ четырехъ серебряныхъ чашахъ со спиртовыми лампочками были: въ одной баранина, въ другой картофель просто, въ третьей картофель съ лукомъ и т. д., нѣчто въ родѣ сочетаній бинорма Ньютона. Поварь у него былъ французъ Hardis, который между двумя кушаньями выбѣгалъ на курганъ смотрѣть, какъ неприятель стрѣляетъ изъ орудія въ лагерь. Hardis вызывали послѣ обѣда и пили за его здоровье, когда лукъ былъ хорошо изжаренъ. Барятинскій обладалъ юморомъ и большимъ шукарствомъ, но былъ съ сердцемъ человѣкъ. Однажды онъ разсердился, что офицеры часто уѣзжаютъ съ передовой позиціи въ лагерь, и арестовалъ 2 или 3, къ сожалѣнію лучшихъ. Мы сѣли за столъ, онъ ничего не могъ ѣсть, пока ихъ не выпустили. Его серебряная посуда надѣлала разъ намъ хлопотъ: вечеромъ ее мыли и палатку оставили поднятою отъ жары; ночь была лунная, кто-то пробѣжалъ и часовому около палатки показалось, что пробѣгавшій схватилъ одну серебряную вещь, онъ крикнулъ и вслѣдъ выстрѣлилъ; поднялась тревога, цѣпь принялась стрѣлять, пошла потѣха.

Кн. Аргутинскому нравился Барятинскій, при чемъ его социальное положеніе играло въ этомъ не первую роль. „Пойдемъ, Николай Васильевичъ, къ кн. Александру Ивановичу, у него такой хорошій лимонадъ и такіе онъ смѣшные анекдоты рассказываетъ“. И въ самомъ дѣлѣ сейчасъ начнетъ Барятинскій разводить Lemon Drops¹⁾ и рассказывать такія вещи, что я никогда не видалъ Аргутинскаго, заливавшагося такимъ смѣхомъ. Барятинскій былъ на это мастеръ и его тѣшило въ особенности разсмѣшить такого угрюмаго и не знающаго людской жизни человѣка, какъ Аргутинскій, который однако же говаривалъ: „Князь Александръ Ивановичъ хорошій человѣкъ и храбрый офицеръ, но не серьезный“²⁾. Въ этомъ мнѣніи

¹⁾ Лимонныя лепешки.

²⁾ Это опредѣленіе княземъ Аргутинскимъ князя Барятинскаго очень характерно. Для цѣльной натуры князя Аргутинскаго, всецѣло поглощеннаго только дѣломъ, смотрѣвшаго на войну, какъ на великое и серьезное дѣло, князь Барятинскій съ его прихотливыми затѣями и жаждой подвиговъ и отличій могъ казаться только карьеристомъ.

Б. Колубакинъ.

о себѣ Барятинскій былъ виноватъ самъ, потому что слишкомъ иногда балагурилъ, иногда даже былъ страненъ, напр., у него былъ камердинеръ, молодой малый, вхожу разъ въ палатку къ Барятинскому за дѣломъ поздно, слышу хохотъ его, онъ еще въ постели и забавляется тѣмъ, что подставляетъ палецъ камердинеру, который никакъ не можетъ этотъ палецъ поймать.

У непріятеля въ аулѣ и на поляхъ хлѣбъ былъ уже убранъ, жители свободны и, слѣдовательно, сборамъ его и вторженіямъ время благопріятствовало, а потому отрядъ нашъ долженъ былъ оставаться еще въ сборѣ и сдѣлать нѣсколько движеній. Сначала мы зашли заглянуть, что дѣлается въ Салтахъ съ прошедшаго года. Тамъ все оставалось въ полномъ разрушеніи, и жители не возвращались на старое пепелище. Я поѣхалъ осматривать аулъ и будилъ воспоминанія прошедшаго года. Меня нагналъ среди разоренныхъ саклей Глахуна и объяснилъ мнѣ, какъ умѣлъ, что Аргутинскій получилъ отъ главнокомандующаго что-то важное и очень радостное. Поспѣшно возвратившись, я нашелъ Аргутинскаго передъ своей палаткой расхаживающаго и пыхтящаго отъ волненія, а на постелѣ у него золотой эксельбантъ и распечатанный пакетъ. „Вотъ, любезный Ник. Вас., государь меня удостоилъ большою милости. Какъ это у васъ надѣвается, покажи пожалуйста“.

Кн. Воронцовъ, получивъ изъ Петербурга увѣдомленіе о пожалованіи Аргутинскаго генераль-адъютантомъ, послалъ прямо черезъ горы лазутчика, зашивъ ему въ шапку пакетъ и свой эксельбантъ, чтобы скорѣе обрадовать его. И дѣйствительно, эта награда ему была очень по сердцу, никто изъ отдѣльныхъ начальниковъ еще ее не имѣлъ. Кн. Воронцовъ хотѣлъ отличить его, а государь показалъ, что дѣйствительныя заслуги, хотя отдаленнаго и неизвѣстнаго ему человѣка, идутъ наравнѣ съ приближенными къ нему лицами.

Годъ тому назадъ Воронцовъ былъ при отрядѣ, который не взялъ Гергебиля, безъ него Аргутинскій взялъ тотъ же Гергебиль, и Воронцовъ исходатайствовалъ ему награду изъ ряда вонъ, безъ всякой мысли о сравненіи съ собой. Кстати, награда пришла въ Салтахъ, какъ будто напоминая, что ей слѣдовало бы быть еще въ прошломъ году, но тогда ее получилъ Коцебу, какъ начальникъ Главнаго Штаба Кавказской арміи.

Минквицъ, который былъ съ нами, хлопоталъ, чтобы пиръ былъ на весь міръ по этому случаю. Аргутинскій былъ въ духѣ, обѣдъ былъ веселый, и на другой день рано мы высту-

пили. Проклятый Ремеръ, командовавшій батареей за раненаго Лагоду, никакъ не могъ выѣхать съ бивуака. Аргутинскій было разсердился на меня, но это прошло также скоро.

Весь день отрядъ поднимался по горной тропинкѣ все выше и выше. Люди шли гуськомъ, пріостанавливались, отдыхая, орудія—на вьюкахъ, вьючный обозъ—сзади. Все выше и выше. День былъ теплый; къ сумеркамъ сдѣлалось холоднѣе, на горахъ палъ туманъ, затѣмъ—снѣгъ. Уже было совсѣмъ темно, когда мы добрались до Турчидага. Барабанщикамъ приказано было бить, чтобы люди въ этой мглѣ не растерялись. Медленно собирался отрядъ. Когда я пріѣхалъ на обыкновенное лагерное мѣсто Турчидага, палатки штаба уже были поставлены и самовары готовы; палатка Аргутинскаго закрыта, онъ уже спалъ. Я порядочно усталъ и окоченѣлъ отъ холода, но у меня были свѣчи въ палаткѣ, была енотовая шуба и изъ самовара выбивались искры. Мимо меня едва плелись роты, назначенныя въ ночную цѣпь передъ самымъ лагеремъ штаба по обрыву въ нѣсколько тысячъ футовъ, въ шинеляхъ, подбитыхъ вѣтромъ, поверхъ головы еще остатки старой шинели, въ видѣ капюшона. Невольно приходило на мысль, хорошо, что тутъ недосыгаемый обрывъ, иначе что такіе утомленные переходомъ и погодой люди могутъ оберегать—они заснутъ, какъ убитые. Если въ манеркахъ есть вода, то соберутъ изъ мѣшковъ сухарныя крошки и этимъ поужинаютъ на сонъ грядущій. Пока придутъ ротные котлы, если есть заранѣе заготовленный кизякъ, то успѣютъ въ ротахъ сварить кашу только къ утру. Сколько разъ случалась ночью въ лагерѣ фальшивая тревога, въ особенности послѣ утомительнаго перехода. Въ ночной цѣпи, на постахъ, солдатъ дремлетъ отъ утомленія, ему приснится непріятель, онъ крикнетъ во снѣ ура, другой со сна выстрѣлитъ, и пошла потѣха, вся цѣпь кругомъ лагеря начинаетъ стрѣлять немилосердно, воображая, что гдѣ-нибудь нападаетъ непріятель. Бывало, мой вѣрный урядникъ Уваровъ бросается въ палатку: „ваше высокоблагородіе, на уру бросается“. „Кто“. „Онъ, ваше высокоблагородіе“. Онъ—это значитъ непріятель. Одинъ опытный начальникъ еще въ Чечнѣ меня научилъ никогда при тревогѣ не выходить изъ палатки иначе, какъ совсѣмъ одѣтымъ. Во-первыхъ, выходишь готовымъ, во-вторыхъ, есть время проснуться совсѣмъ и обдуматься. Я такъ всегда и дѣлалъ. Выйдешь, бывало, ночь свѣтлая, луна великолѣпная, отдашь себѣ отчетъ, какъ стоитъ лагерь, гдѣ можетъ быть

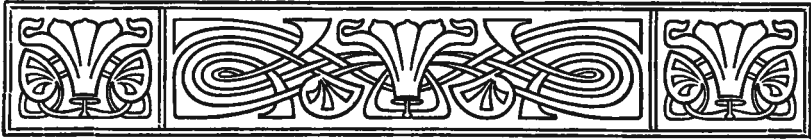
вѣроятное нападеніе и по большей части вернешься, чтобы опять заснуть.

Нельзя сказать, чтобы тогдашніе кавказскіе солдаты не натерпѣлись бы вдоволь всего, въ ожиданіи, когда наступитъ день и въ головахъ у него поставятъ копеечную свѣчку и то еще, если убитый останется въ нашихъ рукахъ, а сколько живыхъ, раненыхъ дорѣзано немилосердно горцами.

Въ этомъ движеніи я нагналъ арбы, шедшія подъ прикрытіемъ въ ближайшій госпиталь въ Курагъ. На одной изъ нихъ лежалъ въ горячкѣ бѣдный Кривцовъ, старый товарищъ. Я поговорилъ съ нимъ еще немного. Черезъ нѣсколько дней онъ умеръ въ Курагѣ. Жаль его, хорошій былъ артиллерійскій офицеръ. Огромнаго роста, онъ на своей батарее, очень близкой къ аулу Гергебилю, ходилъ все безъ фуражки, говоря, что его рыжіе волосы незамѣтны изъ аула и меньше шансовъ быть убитымъ. Умный, образованный человѣкъ, но безъ матеріальныхъ средствъ и безалаберный, не зналъ, что изъ себя сдѣлать. Жаль, погибъ даромъ, и сколько такихъ погибло въ Кавказской 70-лѣтней войнѣ.

Сообщилъ **П. Н. Исаковъ**.

(Окончаніе слѣдуетъ).

И. Г. Головинъ.

Императоръ Николай I по характеристикѣ его современника,
эмигранта-публициста И. Г. Головина.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ ¹⁾).

Первый успѣхъ сдѣлалъ Николая смѣлѣе и еще болѣе несговорчивымъ и въ послѣдующихъ, менѣе важныхъ событіяхъ онъ дѣйствовалъ уже съ большей рѣшительностью. Во время холернаго бунта онъ пріѣхалъ въ коляскѣ на Сѣнную площадь и приказалъ столпившимся мужикамъ молиться Богу. Мужики моментально поскидали шапки. Николай приказалъ имъ стать на колѣни, что они сейчасъ же исполнили. Этотъ знаменательный эпизодъ изъ жизни государя запечатлѣнъ изображеніемъ акварелью и масляными красками, но слѣдуетъ лишь напомнить, что Николай обратился къ толпѣ со словами: „Ужъ не французы ли вы?“, и что всѣ выходы на площади были заняты войсками.

Въ Новгородѣ, послѣ бунта военныхъ поселеній, онъ явился одинъ передъ возставшими поселенцами, имѣя при себѣ только шпагу, и площадной бранью привелъ ихъ къ порядку. „Ругательство то же, что масло къ кашѣ“, говоритъ русскій мужикъ, и въ этотъ день Гольштейнъ стоилъ Романа. Но наказанія, которыя послѣдовали за бунтомъ, по жестокости не уступали эксцессамъ, которымъ предавались бунтовщики. Если военно-поселенцы сдирали кожу со своихъ офицеровъ, то нѣкоторые изъ нихъ были приговорены къ полученію 12.000 палокъ ²⁾).

¹⁾ Въ книжкѣ Апрель—Май—Іюнь помѣщено начало.

²⁾ Это наказаніе иначе называлось „прогнаніемъ сквозь строй“ и заключалось въ слѣдованіи между двумя шеренгами солдатъ съ прутьями, отъ которыхъ онъ по пути и получалъ удары. Головинъ однако забываетъ, что это наказаніе, занесенное къ намъ изъ любезной Пруссіи, особенно процвѣтало при Александрѣ I, на котораго Головинъ однако не нападаетъ, что дѣлаетъ его въ извѣстной степени пристрастнымъ къ Николаю I. Историкъ Н. К. Шильдеръ характеризовалъ Александра I не даромъ тремя словами: „Александръ—это шпиритены подъ розами“. *Б. Колубакинъ.*

Однажды, во время смотра поднялась буря. Николай поблѣднѣлъ и вдругъ стремительно нахлобучилъ фуражку до ушей. „Съ Богомъ не станешь спорить, не свой братъ“, замѣтили солдаты ¹⁾).

Упрямство и жестокость не есть сила характера. Человѣкъ по истинѣ сильный, сознающій свою силу, неизбѣжно кротокъ. До вступленія на престолъ Николай уже былъ настолько слабъ, насколько и жестокъ; у солдатъ своей бригады онъ рвалъ усы и бакенбарды, а въ пріемной у Александра онъ дрожалъ, не смѣя ни войти, ни уйти, и съ братомъ Михаиломъ, толкая другъ друга, Николай оспаривалъ право войти въ кабинетъ императора первымъ.

Одного солдата изъ инженерныхъ войскъ приговорили къ прогнанію сквозь строй. Николай, бывший тогда начальникомъ инженеровъ, прибавилъ отъ себя число ударовъ, назначенныхъ солдату; его адъютантъ М... П... замѣтилъ, что не слѣдовало ничего измѣнять въ приговорѣ, такъ какъ несчастный все равно умретъ. Николай согласился съ этимъ доводомъ, но адъютантъ ²⁾ былъ пораженъ тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ онъ подписалъ смертный приговоръ. Даже Неронъ плакалъ, подписывая смертный приговоръ. Недостаткомъ просвѣщенія и недостаткомъ энергіи слѣдуетъ объяснить провалъ тѣхъ хорошихъ начинаній, которыя Николай задумалъ при своемъ вступленіи на престолъ. Онъ хотѣлъ уничтожить чины, ввести гласность при разборѣ судебныхъ дѣлъ, а слово „адвокатъ“, которое нужно было ввести, уже пугало его. Скорѣе по невѣжеству, чѣмъ изъ боязни помѣщиковъ, Николай не подымаетъ вопроса объ освобожденіи крестьянъ.

Мучаясь своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ, Николай лѣзетъ изъ кожи, чтобы прослыть за русскаго, на примѣръ, онъ часто называетъ императрицу—„бабой“. Захватъ какъ-то разъ съ императрицей въ казармы Преображенскаго полка, онъ сказалъ солдатамъ: „Это, кажется, впервые послѣ Елизаветы, что баба-царица посѣтила казармы“. У него претензія не только походить на Петра I, но даже превзойти его. Онъ хочетъ быть національнѣе Петра и сохранить всѣ обычаи, которые тотъ искоренялъ съ такой жестокостью.

¹⁾ Не любившій Николая I, но честный и добросовѣстный Филипсонъ въ своихъ воспоминаніяхъ о военной службѣ на Кавказѣ, будучи свидѣтелемъ высадки Николая у Новороссійска въ сильнѣйшую бурю, сопровождаемую вѣтромъ бора, говоритъ о мужествѣ Николая и удивительномъ его спокойствіи.
Б. Колубакинъ.

²⁾ Не былъ ли это Мусинъ-Пушкинъ. *Б. К.*

Одному купцу онъ замѣтилъ: „я видѣлъ тебя съ бородой; зачѣмъ ты обрился? Не слѣдуетъ бросать дѣдовскихъ обычаевъ!“ Затѣмъ, по странному противорѣчію, указомъ 1837 года онъ запретилъ чиновникамъ носить бороду „по жидовской или французской модѣ“; очевидно, онъ тутъ билъ на остроуміе, но забывалъ, что если Петръ сбрилъ бороду невѣжеству, то самъ онъ сбиривалъ бороду цивилизаціи. Зато усы были дарованы всей арміи ¹⁾. Однажды Николай вернулся изъ путешествія съ небольшими усами. Императрицѣ понравилось это новшество и она пожелала, чтобы онъ сохранилъ усы. Чтобы угодить женѣ, Николай заставилъ всю армію носить усы. „Сначала я противился“, говорилъ Михаилъ Павловичъ, „но разъ государю это угодно, то я отрощу себѣ бороду въ цѣлый аршинъ“. Онъ сдержалъ свое слово и подалъ этимъ примѣръ придворнымъ.

Что можетъ быть національнѣе прически „à la jeune France“, которую одновременно называютъ прической à la швейцарск? Но стоило ей быть принятой модой во Франціи, чтобы и Николай и дворъ подняли ее на смѣхъ. Встрѣтивъ на улицѣ нѣкоего Яковлева, одѣтаго и причесаннаго по парижской модѣ, государь велѣлъ ему подойти, посадилъ въ экипажъ, привезъ во дворецъ, гдѣ представилъ его императрицѣ, сказавъ: „представляю тебѣ самага элегантнаго человѣка моего государства“. „Пройдитесь, молодой человѣкъ“, приказалъ онъ Яковлеву. Достаточно насмотрѣвшись на него, Николай велѣлъ ему пойти и выбриться. Придворные еще долго рассказывали этотъ анекдотъ, приводя его какъ примѣръ остроумія государя; впрочемъ, когда они стали замѣчать, что слушатели только пожимаютъ плечами, они стали его опровергать, но было уже поздно! Чтобы подражать царю, одна аристократка призвала къ себѣ извѣстнаго въ Петербургѣ француза-куафера; его ввели въ гостиную, и хозяйка представила его своимъ гостямъ говоря: „милостивые государыни и государи, вотъ что называется прической à la швейцарск“. Парикмахеръ, рассказывавшій мнѣ этотъ инцидентъ, прибавилъ, что хотя его подмывало показать имъ нѣчто другое, но его остановилъ примѣръ его соотечественника въ Москвѣ, котораго жестоко высѣкли люди одного князя за то только, что онъ предсталъ безъ сюртука, когда ихъ сіятельства, князь съ супругой, случайно зашли въ его магазинъ.

¹⁾ До того времени только легкой кавалеріи было разрѣшено носить усы. И это разрѣшеніе носить усы было сочтено особой милостію.

Примѣчаніе Головина.

Николаю менѣ повезло съ графомъ Самойловымъ: ему почему-то страшно не понравился костюмъ, только-что полученный графомъ изъ Парижа, и онъ велѣлъ его воспроизвести на сценѣ Московскаго театра. Графъ пригласилъ актера къ себѣ, расхвалилъ его игру и подарилъ три бриллиантовыя пуговицы, которыя дали возможность актеру купить себѣ домъ на окраинѣ Москвы.

Послѣ Петра, Николай болѣе всего хочетъ походить на Наполеона, и если это ему не удастся, то не изъ недостатка желанія. Такъ какъ въ побѣдахъ онъ не могъ подражать Наполеону, то пришлось подражать въ мелочахъ. На Кавказѣ солдатъ, не желая сдаться черкесамъ, взорвалъ крѣпость. Государь приказалъ, чтобы имя этого героя первымъ упоминалось на каждой перекличкѣ и фланговой солдатъ роты долженъ былъ отвѣтить за него: „погибъ во славу русскаго оружія“¹⁾. Не желая проводить параллели изъ-за уваженія къ памяти великаго человѣка, беремъ только одинъ примѣръ изъ жизни Наполеона. Одинъ авторъ написалъ на него ядовитый пасквиль. Наполеонъ сдѣлалъ его офицеромъ, сказавъ: „пусть ваша шпага поработаетъ за меня такъ же успѣшно, какъ ваше перо работаетъ противъ меня“.

На-ряду съ этимъ представимъ себѣ Николая, идущаго въ сумеркахъ высматривать по выставкамъ книжныхъ магазиновъ, не выставлена ли книга Александра Дюма— „Mémoires d'un maître d'armes“, и когда онъ видитъ эту книгу въ рукахъ принца Дарштатскаго, только-что приѣхавшаго въ Петербургъ, онъ говоритъ: „Прошу Васъ принять къ свѣдѣнію, что въ моемъ государствѣ нельзя читать запрещенныхъ книгъ“. Въ другой разъ, увидавъ у наслѣдника престола книгу „Слова вѣрующаго“ и узнавъ, что она куплена въ книжномъ магазинѣ Белизара, онъ приказываетъ предать его суду. Несчастный книгопродавецъ откупился цѣной золота, но лишился званія придворнаго поставщика.

¹⁾ Этотъ солдатъ—извѣстный герой Архипъ Осиповъ, Тенгинскаго полка, а укрѣпленіе—Михайловское, на берегу Чернаго моря, вблизи Туапсе. И упоминаніе имени Архипа Осипова продолжается въ Тенгинскомъ полку и по настоящее время.

Гибель этого укрѣпленія, какъ и многихъ другихъ на томъ же берегу, на такъ называемой Черноморской береговой линіи, произошла вслѣдствіе ложной идеи пользы этихъ укрѣпленій, которыя учреждались все же по требованію Николая, сознавашаго поздно ихъ бесполезность и вредъ.

Б. Колубакинъ.

Цивилизація—смертельный врагъ Николая; свобода для него ненавистна, а потому Франція, воплощающая и то и другое, служитъ постояннымъ предметомъ его злобы. Насколько отношенія Франціи къ Россіи были дружескими во время реставраціи, настолько они сдѣлались враждебными послѣ революціи¹⁾. При воцареніи Людовика-Филиппа Николай выразилъ мнѣніе, что ему было бы пріятнѣе видѣть на тронѣ наполеоновскаго солдата. Когда извѣстіе о июльской революціи достигло Петербурга, Николай привѣтствовалъ посланника слѣдующими словами: „Ваши Бурбоны—индюки, которыхъ слѣдуетъ въ третій разъ прогнать изъ Франціи“. Однажды, запершись съ княземъ Ливеномъ, онъ продиктовалъ приказъ о томъ, чтобы всѣ русскіе въ 24 часа покинули Парижъ и запрещеніе входа въ русскіе порты всѣмъ судамъ подъ трехцвѣтнымъ флагомъ. Двѣ недѣли спустя министръ финансовъ ему доложилъ, что благодаря этому запрещенію въ торговлѣ произошла остановка. „Въ такомъ случаѣ отмѣнить запрещеніе“, съ невозмутимымъ спокойствіемъ изрекъ геній. Николай былъ всегда грубъ въ своихъ отношеніяхъ къ Людовику-Филиппу; отношенія же французскаго короля, наоборотъ, всегда отличались изысканной вѣжливостью, были предупредительны и полны вниманія. Всѣмъ извѣстенъ надменный отвѣтъ царя на сердечное письмо Людовика-Филиппа, въ которомъ онъ сообщалъ о своемъ восшествіи на престоль.

Въ скоромъ времени Николай отозвалъ своего посла и замѣнилъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ. Говорили, что это было сдѣлано въ видахъ экономіи и что такимъ же образомъ было поступлено и съ Англіей и съ Австріей. Но Бруновъ и Медемъ были уполномоченными министрами, а Киселевъ всего только повѣреннымъ въ дѣлахъ. „Франція недостойна имѣть у себя моего посланника“. Но кто проигралъ отъ подобнаго распоряженія? Прежде всего интересы русскихъ представлены во Франціи не такъ, какъ слѣдуетъ; а затѣмъ, чѣмъ же объ-

¹⁾ Это нерасположеніе къ Франціи у Николая являлось во многомъ результатомъ также же и его исключительной любви къ нѣмцамъ, что раздѣлялось вообще императорскимъ домомъ, начиная съ Петра III. При Александрѣ I ихъ также было много, и такой русскій человекъ, какъ Ермоловъ, недаромъ „просился въ нѣмцы“. Но никогда еще въ нашей исторіи не было такого преобладанія нѣмцевъ, какъ при Николаѣ I, для котораго нѣмецкое имя и происхожденіе было лучшей рекомендаціей. „Онъ нѣмецъ, и мнѣ этого довольно“, написалъ Николай на одной резолюціи.

Б. Колюбакинъ.

яснить такое высокоомѣрие?¹⁾ Назначая Палена въ Парижъ, Николай ему сказалъ: „Я могу Васъ поддержать сто тысячной арміею, въ крайности двумя стами тысячъ штыковъ, но не болѣе“. Между тѣмъ эти двѣ цифры, сами по себѣ скромныя, не давали права на высокоомѣрие. Николай однажды сказалъ: „Людовикъ-Филиппъ, очевидно, не можетъ разстаться ни съ Тьеромъ, ни съ Гизо“.—„Иначе и не можетъ быть“, отвѣтилъ ему одинъ изъ его министровъ, „одинъ изъ нихъ его правая рука, а другой—лѣвая“.—„Но, судя по тому, какъ идутъ дѣла во Франціи“, сказалъ Николай, „у французскаго короля двѣ лѣвыя руки“.

Во время путешествія по Финляндіи Бенкендорфъ какъ-то сказалъ Николаю: „А вѣдь іюльская революція произошла благодаря цивилизаціи“.—„Я самъ начинаю приходить къ убѣжденію“, отвѣтилъ Николай, „что цивилизаціи нужно ставить предѣлы; человекъ съ образованіемъ никогда не пожелаетъ подчиниться необразованному начальнику“. И вмѣсто того, чтобы дать развитіе и образованіе высшимъ чинамъ своего государства, онъ хочетъ всѣхъ держать въ невѣжествѣ. Но Господь Богъ не допуститъ подобнаго злодѣянія!—заключаетъ Головинъ²⁾).

Однажды, послѣ обѣда, въ Аничковскомъ дворцѣ, въ кругу своихъ приближенныхъ, Николай выразился такъ: „Свобода прекрасная вещь, но что съ ней сдѣлали по ту сторону Рейна“.

„А вы-то сами, В. В., какъ съ ней поступали?“, спрашиваетъ Головинъ.

Николай былъ готовъ на всякія жертвы, лишь бы только не имѣть никакихъ сношеній съ Франціей. Нѣсколько разъ

¹⁾ Александръ I, несмотря на связи въ Германіи и дружбу съ прусскимъ королевскимъ домомъ, все же понялъ, что съ 1815 года интересы Россіи требуютъ союзныхъ отношеній, во всякомъ уже случаѣ дружескихъ съ Франціею. Но Николай—представитель чистаго абсолютизма—приносилъ этому Ваалу все въ жертву и даже прямые интересы управляемой имъ страны. Отсюда и ошибочная политика всего его царствованія.

Б. Колюбакинъ.

²⁾ Здѣсь необходимо напомнить, что Головинъ писалъ въ 1845 году и слѣдовательно надѣялся, что система Николая когда-нибудь остановится, но она не останавливалась ни минуты и шла такъ до его смерти, давъ извѣстные плоды въ эту злополучную войну 1853—55 годовъ, когда мы, исключая Кавказа, все время несли одни пораженія. Можно ли было праздновать недоброй памяти Крымскую кампанію и оборону Севастополя, когда слѣдовало ограничиться въ сущности однѣми панихидами; мы не говоримъ о геройствѣ войскъ, но вѣдь героизмъ не спасло отъ пораженія. *Б. Колюбакинъ.*

онъ хотѣлъ заставить всѣхъ русскихъ выѣхать изъ Парижа. Адмиралъ Чичаговъ, получивъ приказаніе выѣхать, отвѣтилъ, что императоръ Александръ Павловичъ разрѣшилъ ему жить во Франціи. Николай вычеркнулъ его изъ числа членовъ Государственнаго Совѣта, на что адмиралъ отвѣтилъ присылкой грамотъ, дающихъ ему право на полученіе 50.000 р. годового дохода. Благородный рыцарь предпочелъ бѣдность подчиненію безмысленнымъ приказаніямъ.

Для Парижа не выдавали паспортовъ, а потому всѣ русскіе бывали тамъ контрабандой. Но такъ какъ запрещенный плодъ всегда слаще, то всѣ устремляются въ Парижъ. Сановники, посѣщающіе Парижъ, ни въ комъ случаѣ не представляются ко двору, а самые крупные сановники и вовсе объѣзжаютъ этотъ городъ погибели. Такъ на примѣръ графъ Воронцовъ, одесскій генераль-губернаторъ (Михаилъ Семеновичъ) во время своего послѣдняго путешествія во Франціи не поѣхалъ далѣе Руана, куда и выѣзжали его привѣтствовать власти и русскіе вельможи¹⁾. Затѣмъ договоръ 15-го іюля, по словамъ русскаго дипломата, заключенъ съ цѣлью дать щелчокъ французскому правительству; но выходка эта дорого стоила Россіи и не принесла ей никакихъ выгодъ. Франціи хватило такту не оскорбляться грубыми выходками своихъ друзей—недруговъ, а Россіи такъ-таки и не удалось завязать всеобщую войну противъ Франціи. Но почему у Николая такое остервененіе противъ царствующей нынѣ во Франціи династии? Іюльская революція, явившаяся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ поползновенія на конституцію, гарантированную самими союзниками, оказала огромную услугу монархизму; между тѣмъ въ іюльской революціи нужно винить только русское правительство и отнюдь не Францію. Жестокость Николая по отношенію къ полякамъ заставляетъ сердце обливаться кровью. Усмиреніе, добытое позорной цѣной преслѣдованій, не можетъ удовлетворить русскихъ. Недаромъ Пушкинъ, въ порывѣ патріотизма, сказалъ:

„Celui qui tombe dans la lutte est sacré,

Nous n'avons jamais foulé nos ennemis terrassés!“

Если Александръ могъ уважать права покоренныхъ имъ народовъ, почему же Николай этого не можетъ? Если онъ не

¹⁾ Фактъ нѣсколько странный для либеральнаго вельможи, какимъ былъ Михаилъ Семеновичъ, и вѣроятно только страхъ неудовольствія государя вынудилъ къ тому графа Воронцова, не лишеннаго честолюбія.

Б. Колюбакинъ.

можетъ человѣчно царствовать въ Польшѣ, организовать свободное и просвѣщенное правительство, то пусть лучше откажется отъ Польши! *Порядокъ, царящій въ Варшавѣ, хуже всякой анархіи.* Мы уже не живемъ въ эпоху завоеваній варваровъ и „горе побѣжденнымъ“ не должно находить себѣ мѣсто!

Зачѣмъ натравливать брата на брата? Зачѣмъ съ сынами своего отечества и друзьями независимости обращаться хуже, чѣмъ съ военноплѣнными, строже, чѣмъ съ преступниками? Кремль былъ отомщенъ Прагой; если идти дальше,—дойдешь до ауто да'фе. Если галльскій пѣтухъ только кричалъ, если французскій орелъ, прикрывая Польшу, все-таки немного и помялъ ее своими когтями, то развѣ не слѣдовало именно Россіи, на долю которой выпала слава ея покоренія, эту самую Польшу возстановить? ¹⁾

Недавнія преслѣдованія католиковъ и евреевъ разрушили единственную свободу, которую допускало здѣсь русское правительство, а именно свободу вѣроисповѣданія. Уніаты (католики, у которыхъ богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ) силой были присоединены къ православію. Дѣтей, рождающихся отъ смѣшанныхъ браковъ, теперь обязаны крестить въ православную вѣру, тогда какъ прежній законъ требовалъ, чтобы сыновей крестили по вѣрѣ отца, а дочерей—по вѣрѣ матери. Внушеніе, подкупъ, насиліе—все примѣняется, только чтобы увеличить число православныхъ. У польскихъ священниковъ не хватило энергіи, которая была у святыхъ мучениковъ. Священниковъ, которые свою вѣру ставили выше правительства, смѣнили священниками, которые были приверженцами государя. Но что заставило Николая прибѣгнуть къ такимъ жестокостямъ? Ненависть ли къ католичеству или ненависть къ Польшѣ? Считаютъ, что Николай довольно равнодушенъ къ вопросамъ религіи и во всемъ полагается на оберъ-

¹⁾ Какъ отраднo въ наше время читать взглядъ на польскій вопросъ русскаго просвѣщеннаго публициста тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, по рожденію, связямъ и образованію чeлoвѣка лучшаго русскаго общества. Какъ еще тогда—въ 40-ые годы понимался польскій вопросъ широко, мудро и благородно лучшими русскими людьми?! Этой розни нашей съ Польшей тогда, какъ и въ послѣдующее при Александрѣ II время, много способствовали нѣмцы. Германская политика сильно и тогда вмѣшивалась въ наши внутреннія и внѣшнія дѣла, направляя ихъ въ русло своихъ интересовъ. Наше отношеніе къ Франціи и Польшѣ и было такое, какое болѣе всего устраняло Германію. Прямо, кажется, невѣроятно, чтобы мы, наконецъ, теперь, уже разъ навсегда, свергли это тлетворное для Россіи иго германизма.

Б. Колубакинъ.

прокурора Святѣйшаго Синода, который, въ свою очередь, во всемъ довѣряется директору департамента иностранныхъ вѣроисповѣданій—*Скрипицыну* и *могилевскому губернатору Эмелгардту*, остервененіе котораго противъ католичества доходитъ до фанатизма и можетъ лишь быть приравнено къ ненависти, питаемой къ бѣлорусскимъ помѣщикамъ бывшимъ генераль-губернаторомъ княземъ Хованскимъ.

Бѣдныхъ евреевъ подвергаютъ всевозможнымъ униженіямъ. Въ Мстиславлѣ у евреевъ нашли и отобрали контрабанду; евреи предались эксцессамъ, прогнали роту инвалидовъ, ранили нѣкоторыхъ и вернули свои товары. Государь приказалъ забрать въ солдаты черезъ cadaго десятаго челоуѣка. Евреи заволновались, прибѣгли къ интригамъ, не пожалѣли большихъ денегъ, благодаря чему власти старались уменьшить вину и спасти виновныхъ. Чтобы разъ навсегда покончить съ контрабандой, Николай приказалъ все снести на разстояніи 50 верстъ отъ границы, обративъ всю мѣстность въ пустыню, и бѣдные евреи лишились своего Эльдорадо. Не довольствуясь этой жестокой мѣрой, онъ къ жестокости прибавилъ еще и глумленіе, приказавъ евреямъ носить русскую одежду. Возможно ли перечислить всѣ жестокости, которымъ подвергалась въ это злополучное время масса невинныхъ? Возможно ли перечислить всѣ акты жестокости Николая?

Нѣкто Н..., въ частномъ письмѣ¹⁾, посланномъ по почтѣ, рассказывалъ объ убійствѣ купца, совершенномъ будочникомъ и о которомъ всѣ открыто говорили въ Петербургѣ. Вдругъ ночью, къ спавшему рядомъ со своей беременной женой Н.... врывается полиція и арестуютъ его; жена злополучнаго Н.... отъ страха преждевременно родить, а онъ три года проводитъ въ ссылкѣ.

Крупный богачъ Яковлевъ проигрываетъ въ Англійскомъ клубѣ сто тысячъ. Отдается распоряженіе объ отправленіи его въ ссылку въ Вятку и приказаніе только потому не приводится въ исполненіе, что отецъ его жертвуетъ другую сотню тысячъ на богоугодныя заведенія, во главѣ которыхъ, по странной

¹⁾ Очевидно, Головинъ, не желая подводить подъ удары правительства упоминаемыхъ лицъ, не называетъ ихъ, а ставитъ только буквы. Нѣкоторыя фамиліи намъ удалось опредѣлить. Осторожность Головина, писавшаго въ 1843 и 45 годахъ, понятна при подозрительности и произволѣ, царившихъ въ эти годы при Николаѣ I, годы наиболѣе тяжкіе его царствованія, хотя апогея реакція достигла послѣ 1848 года, когда прошли революціонно-освободительныя теченія по всей Средней Европѣ.

Б. Коллюбакинъ.

игрѣ судьбы, состоялъ одновременно начальникъ тайной полиціи, вреднѣйшимъ изъ учреждений, подобнаго которому едва-ли нашлось бы мѣсто въ Китаѣ или Японіи.

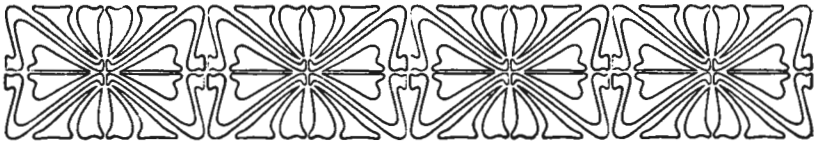
Кологировъ недостойнымъ обманнымъ образомъ былъ вызванъ изъ Парижа, разжалованъ въ солдаты и сосланъ на Кавказъ за то, что принималъ участіе въ іюльской революціи. „Ты любишь военное дѣло, такъ послужи-ка мнѣ на Кавказѣ“, сказалъ ему Николай. Раньше чѣмъ вызвать его изъ Парижа, мать его заранѣе спрашивала ему помилованіе, но государь отвѣтилъ, что требуетъ выполненія лишь одного условія— поступленія на службу, которой оказалась служба.... солдата.

Господина Д... постигла та же участь потому только, что онъ поступилъ въ Алжирскій военный легіонъ, къ чему его вынудило безденежье.

Одинъ шпіонъ высокой марки, разговорившись съ господиномъ Б..., курляндскимъ барономъ, который въ Парижѣ посѣщалъ политическія собранія, донесъ на него русскимъ властямъ, которыя и выслали его во Владиміръ.

Собщ. **Б. Колюбакинъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Александръ Дмитріевичъ Свербеевъ.

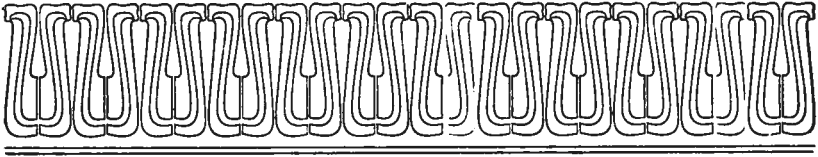
(† Мая 1917 г.).

Послѣднія слова умирающаго Гладстона были: „доброта, доброта и одна доброта“. Съ этимъ завѣтомъ—живущимъ и выводомъ всей своей жизни великій англійскій дѣятель сошелъ въ гробъ. Въ своей, богатой событіями, вліяніемъ и почетомъ жизни онъ убѣдился, что внутреннимъ двигателемъ и внѣшнимъ проявленіемъ отношеній человѣка къ ближнимъ и къ обществу должна быть не сила, какъ-бы велика она ни была, не польза, какъ-бы она ни была понимаема, а именно „доброта“, т.-е. та любовь, о которой такъ пламенно говорилъ апостоль Павелъ. Сила даетъ себя знать, покуда существуетъ, польза—преходяща и часто опровергается и искажается жизнью, но доброта не переживаетъ себя и свѣтитъ и грѣетъ въ воспоминаніяхъ, даже тогда, когда тотъ, кто ее проявлялъ, смежилъ очи на вѣкъ.

Въ нижнемъ этажѣ большого дома въ Петроградѣ на Фурштатской ютится небольшая квартира, недавно опустѣвшая, гдѣ постоянно безъ шума и треска теплился очагъ такой доброты. Это было обиталище сенатора Александра Дмитріевича Свербеева, прошедшаго долгій жизненный путь въ дипломатіи, администраціи и судебномъ вѣдомствѣ и скончавшагося 85 лѣтъ. Коренной москвичъ по рожденію и воспитанію, дружески связанный съ представителями лучшихъ завѣтовъ людей 40 годовъ, онъ умѣлъ сохранить и въ „чопорномъ холодномъ Петербургѣ“, гдѣ, по словамъ одного писателя, „улицы всегда сыры, а сердца всегда сухи“, всѣ миляя свойства и бытовія привычки стараго москвича. Его домъ, очень скромно, но разумно обставленный, и его сердце были одинаково гостепріимны и осуществляли равенство задолго до того, какъ изъ него сдѣлали избитый и неискренній лозунгъ.

Это сердце не дѣлало различія между людьми, которые къ нему обращались, не наклеивало ярлыковъ и не ставило перегородокъ, которыя такъ часто раздѣляютъ узкихъ и самомнящихъ людей другъ отъ друга. Оно видѣло не „сановниковъ“, не „начинающихъ жизнь людей“, не „служителей искусства“, не „народныхъ учителей“, а горячо отзѣвалось всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, кто нуждался въ поддержкѣ, утѣшеніи или просто въ душевномъ отдыхѣ. Въ этомъ домѣ въ опредѣленные дни за скромной, но обильной трапезой сходились люди разныхъ общественныхъ положеній и возраста, соединяемые общей симпатіей къ привѣтливому хозяину, на добромъ, чисто русскомъ лицѣ котораго свѣтилась тихая радость сознанія, что онъ служитъ центромъ общихъ симпатій и уваженія людей, сближенію которыхъ онъ любилъ радостно содѣйствовать. Типичный представитель того барства, которое описано Тургеневымъ, Гончаровымъ и Толстымъ, онъ соединялъ въ себѣ спокойное достоинство разносторонне образованнаго европейца съ искренностью, простотою и терпимостью неспорченнаго русскаго человѣка. Любившіе его видѣли въ его лицѣ достойнаго сына той старой Россіи, въ простотѣ которой видѣлись ея мощь и широта, въ хлѣбосольствѣ—неисчерпаемое богатство ея нѣдръ, въ радушіи и добротѣ, въ пѣснѣ, словѣ и молитвѣ—чуялась вѣковѣчная мудрость, соединенная съ глубокою вѣрой; той старой Россіи, отъ которой съ затаенною надеждой многіе ждали обновленія устарѣлаго западнаго міра. Уходъ человѣка, который такъ напоминалъ собою эту Россію, нынѣ подвергаемую сомнѣнію и отрицанію, долженъ вызвать грустный отголосокъ въ душѣ не только тѣхъ дѣтей деревни, способностямъ которыхъ онъ, почуявъ въ нихъ искру Божію, своею заботою открылъ широкую житейскую дорогу, но и въ душѣ всѣхъ знавшихъ его доброту и любовавшихся ею.

Елена Пономарева.

РЕВИЗОРЪ.

(Изъ записной книжки „Русской Старины“).

Въ началѣ 60 годовъ прошлаго столѣтія, городъ Мариуполь ничѣмъ не выдавался изъ числа подобныхъ ему маленькихъ уѣздныхъ городовъ, но по своему географическому положенію, находясь на берегу Азовскаго моря, въ богатой хлѣбородной мѣстности, заселенной нѣмецкими колоніями, представлялъ центръ скупки и экспорта зерна за границу.

Городъ жилъ исключительно урожаями, что составляло, такъ сказать, альфу и омегу его существованія. Фабрикъ, заводовъ или какихъ-либо другихъ промысловъ, могущихъ быть предметомъ эксплуатаціи,—не существовало, и вся дѣятельность городского населенія заключалась, болѣе или менѣе, въ общей причастности къ хлѣбному дѣлу, дававшему заработокъ въ теченіе осени на весь годъ.

Преобладающій элементъ мѣстныхъ жителей были греки, предки которыхъ вышли изъ Крыма и Анатолиі въ 1779 г., на основаніи грамоты императрицы Екатерины II, при непосредственномъ содѣйствіи крымскаго митрополита Игнатія, человѣка энергичнаго, умнаго, любившаго свой народъ и принимавшаго живое участіе при его переселеніи. Прахъ Игнатія и по настоящее время находится въ подпольномъ склепѣ Мариупольскаго собора, гдѣ ежегодно, въ день своего основанія въ Мариуполь, греки служатъ панихиду.

До причисленія города въ уѣздъ Екатеринославской губерніи и до открытія гласнаго судопроизводства, весь округъ греческой колоніи находился въ вѣдѣніи греческаго судьи, избираемаго „по вольнымъ голосамъ“, соединявшаго въ себѣ функціи—полицейской, судебной и административной власти, въ окончательной формѣ безъ права апелляціи. А такъ какъ выборный по своей малограмотности и неопытности въ знаніи

законовъ не отвѣчалъ занимаемому положенію, то по необходимости находился въ полной зависимости секретаря, правившаго дѣлами по личному усмотрѣнію и, конечно, не въ ущербъ собственныхъ интересовъ.

Взятка играла первенствующую роль, а справедливость тонула въ беззастѣнчивомъ и пристрастномъ произволѣ судебного разбирательства. Неправда и беззаконіе прочно свили гнѣздо въ судѣ.

Обыватели, въ слѣпой покорности своей судьбѣ, должны были утѣшаться извѣстными житейскими, выработанными вѣками, правилами: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“, мирились съ вопіющимъ зломъ, какъ съ непоправимымъ, совершеннымъ. Но жизнь, иногда, точно смѣясь, выбрасываетъ на поверхность человѣческой мути неожиданная по своей необычности явленія, и людямъ въ полномъ недоумѣніи, при видѣ загадочнаго, необъяснимаго, приходится только поражаться и разводять руками, что и случилось въ Мариуполѣ.

Однажды, утромъ, на улицѣ обыватели увидѣли судью и секретаря съ полуобритыми головами, закованныхъ въ кандалы, какъ арестанты, въ сопровожденіи военнаго конвоя шедшихъ по улицѣ; не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ и въ удивленіи и ужасѣ спрашивали другъ друга о причинѣ такого страннаго и непонятнаго явленія.

Догадкамъ не было конца.

Одни говорили, что судья зарѣзалъ свою жену, другіе— что въ судѣ нашли станокъ для печатанія фальшивыхъ кредитокъ; но въ общемъ никто ничего точно не могъ сказать, и, въ то же время, всѣ сознавали, что случилось что-то необыкновенное, непонятное.

Событіе это, какъ выходящее изъ ряда мирной обывательской жизни, молніей облетѣло городъ, шаромъ прокатилось по базару и захлестнулось непроницаемой тайной. Но какъ всякая тайна имѣетъ свой предѣлъ, то и взволнованные обыватели къ удивленію своему узнали, что судью и секретаря арестовалъ и отправилъ въ острогъ прѣхавшій по высочайшему повелѣнію ревизоръ изъ Петербурга.

Передавали, что произошло это такъ: рано утромъ, въ греческій судъ вошелъ офицеръ въ гвардейской формѣ, съ портретомъ государя на шеѣ и приказалъ сторожу немедленно вызвать въ судъ— судью, секретаря и воинскаго начальника. Когда названные лица явились, офицеръ, объявивъ себя реви-

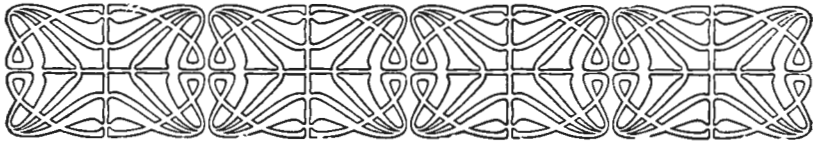
зоромъ изъ Петербурга, потребовалъ именно тѣ дѣла, которыя вопіяли своей несправедливостью, быстро ихъ разсмотрѣлъ и, указавъ на отсутствіе уликъ обвиненія и на пристрастное оправданіе виновныхъ, приказалъ вызвать барабанщика, цирюльника, обречь судьбѣ и секретарю затылки, заковать и отправить въ острогъ.

Произошло это такъ неожиданно и быстро, что растерявшійся воинскій начальникъ, исполняя приказанія ревизора, не осмѣлился, или забылъ спросить у него документы, и когда все было кончено, вспомнилъ о самомъ главномъ и пріѣхалъ въ гостиницу, гдѣ остановился послѣдній.

Ревизоръ сидѣлъ въ номерѣ за бутылкой водки; на стулѣ висѣлъ офицерскій мундиръ; на столѣ лежалъ свертокъ бумаги, связанной шворкой. На предложеніе дать документы, удостоверяющіе его личность,—улыбнулся и молча вынулъ изъ кармана свидѣтельство старшаго военнаго писаря Симферопольскаго пѣхотнаго полка...

Случай этотъ извѣстенъ многимъ старожиламъ Мариуполя, и, рассказывая о немъ, они смѣясь прибавляютъ: по дѣламъ была ворами и мука.

Д. Проскурнинъ.

МИМОХОДОМЪ.

Моя губернаторская эпопея.

(продолжене)¹⁾.

„Лѣсъ рубятъ—щепки
лѣтятъ“.

Въ моей служебной дѣятельности (болѣе 50 лѣтъ) было одно обстоятельство, которое совершенно съ моей стороны безвинно отразилось крайне тяжело на мнѣ и моемъ семействѣ. Хотя тк. обр. это обстоятельство касалось лично меня, но оно представляетъ и общій интересъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, которое будетъ, быть можетъ, не бесполезно для характеристики начала 80-хъ годовъ.

Уже 4 года я состоялъ Управляющимъ Омскою контрольною палатою, когда въ концѣ 1875 г. послѣдовало назначеніе новаго генераль-губернатора Западной Сибири генераль-адъютанта Казнакова, бывш. кievскаго губернатора, профессора академіи генеральнаго штаба и преподавателя военныхъ наукъ покойному императору Александру III и вел. князю Владиміру Александровичу. Назначеніе это вызвало большую тревогу во всѣхъ военныхъ и гражданскихъ учрежденіяхъ гор. Омска, подчиненныхъ генераль-губернатору и командующему войсками округа, такъ какъ изъ Петербурга о генералѣ Казнаковѣ получены были вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія, какъ объ опытномъ администраторѣ, человѣкѣ твердаго, рѣшительнаго характера и замѣчательно трудолюбивомъ. Всѣ ясно сознавали, что съ порядками, существовавшими при прежнемъ генераль-губернаторѣ, благодушномъ и лично безукоризненно-честномъ А. П. Хрущовѣ, не только нужно будетъ разстаться, но придется, пожалуй, кой за что и поплатиться. Одни только чины контрольной палаты, какъ учрежденія, не подчиненнаго генераль-губернатору, оставались покойны, а я лично, конечно, былъ озабоченъ тѣмъ, будетъ ли новый начальникъ края относиться къ представленіямъ мѣстнаго кон-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль—іюнь 1917 г.

троля благожелательно, или же по примѣру своихъ предшественниковъ будетъ мирволить и во что бы то ни стало защищать подчиненныя учрежденія. Во всякомъ случаѣ я рѣшилъ быть осторожнымъ и держаться какъ можно дальше отъ административнаго міра и его новаго представителя.

Но вышло совсѣмъ иначе. Уже на первомъ представленіи, когда всѣ гражданскія учрежденія собрались въ генераль-губернаторскомъ домѣ, всѣми было замѣчено, что только ко мнѣ одному Казнаковъ обратился съ привѣтствіемъ: „радъ познакомиться съ Вами“, а затѣмъ задалъ очень щекотливый вопросъ о томъ, правильно ли учрежденія ведутъ казенное хозяйство и распоряжаются казенными деньгами? Я отвѣтилъ, что въ общемъ казенное хозяйство велось правильно, но конечно бывали отступленія отъ существующихъ правилъ, которыя однако же, благодаря благосклонному отношенію бывшаго начальника края, генер.-ад. Хрушова, къ контрольной палатѣ, всегда немедленно устранялись.

Но на этомъ генераль Казнаковъ не остановился. Вскорѣ я сталъ получать отъ него приглашенія на завтраки и обѣды, послѣ которыхъ мы уединялись въ кабинетъ и подолгу обсуждали разныя дѣла, связанныя съ казеннымъ интересомъ, напр. о передвиженіи военныхъ командъ пѣшимъ порядкомъ отъ Омска до Томска, на протяженіи болѣе 900 верстъ, или на пароходахъ по р.р. Иртышу, Оби и Томи, о томъ, гдѣ быть Сибирскому университету—въ Омскѣ или Томскѣ, о заготовкѣ для войскъ полушубковъ въ Шатровской волости Курганскаго уѣзда и проч. Къ этимъ интересамъ Казнаковъ относился въ высшей степени осторожно и каждое дѣло изучалъ всесторонне, чтобы не ввести казну въ убытокъ.

Я съ удовольствіемъ долженъ сказать, что взгляды его по казенно-хозяйственнымъ дѣламъ вообще совпадали съ желаніями и требованіями государственнаго контроля, за исключеніемъ одного крайне серьезнаго вопроса, о которомъ будетъ сказано ниже.

Черезъ 2 года нашей совмѣстной службы Казнаковъ обратился ко мнѣ съ просьбой дать ему изъ состава контрольной палаты двухъ чиновниковъ: одного для занятія должности предсѣдателя Тобольскаго губернскаго суда, а другого для завѣдыванія бухгалтеріей главнаго управленія Западной Сибири и всѣми хозяйственными операціями этого учрежденія. Я предложилъ старш. ревизора, кандидата правъ Казанскаго университета Дорофеева, и старшаго же ревизора Крымскаго,

который, хотя и не получилъ высшаго образованія, но обладалъ большимъ опытомъ, знаніемъ и пониманіемъ законовъ и былъ безукоризненной нравственности. Особенно благодаренъ былъ мнѣ Казнаковъ за Крымскаго, который въ теченіе года съ небольшимъ успѣлъ привести хозяйство управленія въ полный порядокъ, уплативъ поставщикамъ и магазинамъ болѣе или менѣе значительные старые долги за канцелярскія принадлежности, дрова и проч. и приобрѣтая всѣ необходимые матеріалы на наличныя деньги.

Вопросъ, по которому я разошелся во мнѣніи съ генераль-губернаторомъ, заключался въ предположеніи его ввести въ Западной Сибири вольную почту по главному тракту на протяженіи болѣе 2.000 верстъ. Въ одно изъ нашихъ свиданій на раутѣ у губернатора Цытовича, Казнаковъ завелъ разговоръ объ этомъ предположеніи, предусматривая блестящія перспективы, когда оно осуществится. Онъ говорилъ, что при введеніи вольной почты казна будетъ имѣть сбереженіе въ своихъ расходахъ по этой части не менѣе 200 тыс. руб., которые онъ будетъ настоятельно просить на университетъ, среднія и низшія школы, что самое передвиженіе почтъ и эстафетъ ускорится значительно, а объ удобствахъ проѣзжающихъ и говорить нечего: прежде всего въ лошадяхъ никогда недостатка не будетъ и проѣзжающимъ не придется сидѣть по нѣсколько часовъ на станціяхъ, какъ нынѣ, въ ожиданіи, когда-то придутъ обратныя лошади и когда-то ихъ выкормятъ; затѣмъ вмѣсто нынѣшнихъ станціонныхъ избъ (такъ назыв., пятистѣнныхъ) будутъ построены солидные домики, комнатъ въ 5—4, наконецъ чрезъ каждую станцію пассажиры найдутъ буфеты съ холодной и горячей пищей. А при сибирскихъ морозахъ и непогодахъ для путешественниковъ это будетъ огромнымъ благодѣяніемъ. Въ заключеніе онъ просилъ меня сказать мое „откровенное“ мнѣніе. Я отвѣчалъ, что и лицевая сторона медали не совсѣмъ такова, какъ онъ ее нарисовалъ, именно въ отношеніи экономіи, которую будто-бы получить казна, что весьма сомнительно, скорѣе нужно ожидать новыхъ и значительныхъ жертвъ казны, что же касается удобствъ для путешественниковъ, то сомнѣнія нѣтъ—они весьма важны. Но въ этой медали есть и обратная сторона—интересы крестьянъ, которые и будутъ принесены въ жертву одному или двумъ предпринимателямъ; они несомнѣнно обогатятся, а крестьяне попадутъ къ нимъ въ тяжелую кабалу, какъ это случилось на пермско-вятскомъ

трактъ вольной почты, эксплуатированной Михайловымъ, и то же готовилось Восточной Сибири заманчивыми предложеніями канскаго купца Тимоф. Вас. Савенкова, однако же скоро понятыми генераль-губернаторомъ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ и рѣшительно имъ отклоненными. Дальнѣйшей бесѣдѣ нашей помѣшалъ кто-то изъ гостей, и Казнаковъ наскоро мнѣ сказалъ, что онъ передъ отъѣздомъ въ Сибирь обѣщалъ барону Веліо (впослѣдствіи главноупр. почтъ и телегр.) непремѣнно возбудить вопросъ о вольной почтѣ и долженъ былъ это сдѣлать, что уже и сдѣлалъ. На это я успѣлъ ему сказать, что всѣми зависящими отъ меня средствами постараюсь противодѣйствовать осуществленію этого проекта.

Послѣ этого разговора и въ виду того, что проектъ о вольной почтѣ былъ отосланъ уже въ министерство, я ускорилъ окончательную разработку заблаговременно собраннаго обширнаго матеріала по этому дѣлу и составленіе объяснительной къ нему записки.

Въ февралѣ 1877 г., испросивъ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ для представленія личныхъ объясненій по „чрезвычайно важному для Сибири государственному вопросу“, я немедленно по прибытіи въ Петербургъ явился къ бывш. тогда товарищу государств. контролера М. Н. Островскому, который встрѣтилъ меня довольно таки недовѣрчиво: „ну, какой такой у васъ чрезвычайной важности государственный вопросъ?“ Но я не смутился такимъ пріемомъ и попросилъ позволенія вкратцѣ объяснить, что такое вольная почта, которую генераль-губернаторъ желаетъ ввести въ Запад. Сибири. Островскій пожелалъ меня выслушать, но предупредилъ, что у него свободна только четверть часа, такъ какъ ему нужно торопиться въ Государств. Совѣтъ. Мой докладъ тянулся однако же болѣе получаса, и несмотря на это Островскій не только не торопилъ меня, но, видимо заинтересовавшись предметомъ, задалъ нѣсколько вопросовъ для болѣе точнаго разясненія того или иного обстоятельства.

Когда кончился мой докладъ, Островскій сказалъ, что это дѣйствительно очень серьезное дѣло, что вѣроятно у меня приготовлена подробная записка, которую я долженъ завтра представить государств. контролеру, „только обратите вниманіе, куда онъ положить ее и чѣмъ прикроетъ“. Замѣтивъ, вѣроятно, на моемъ лицѣ нѣкоторое удивленіе, онъ прибавилъ, что „Самуилъ Алексѣевичъ“ (Грейгъ), необычайно разсѣянный

человѣкъ и „очень нерѣдко положить какую-либо спѣшную бумагу на свой громаднѣй письменнѣй столѣ, заваленнѣй книгами, брошюрами, пакетами съ докладами, записками Госуд. Совѣта, да потомѣ и самѣ не можетѣ найти и чиновники дня по 2 по 3 ищутѣ, пока откопаютѣ въ какой-нибудь синей папкѣ или между записками Гос. Совѣта. Да еще: постарайтѣсь докладѣ Вашѣ сократить до minimum'a, такѣ какѣ завтра будетѣ не мало представляющихѣ“.

Дня черезѣ 3 послѣ представленія госуд. контролеру я былѣ вызванѣ въ Контроль директоромѣ канцеляріи Мицкевичемѣ, которѣй объявилѣ, что С. А. Грейгѣ осталсѣ очень доволенѣ моею запиской и предполагая представитѣ меня къ наградѣ, поручилѣ ему узнать, что было бы мнѣ пріятнѣе получить—чинѣ статскаго совѣтника или орд. Владиміра 3 ст. Я отвѣтилѣ, конечно, благодарностью за вниманіе и заявилѣ, что чинѣ стат. сов. я получу чрезѣ годѣ за выслугу лѣтъ и потому конечно предпочитаю орденѣ.

О дальнѣйшей судьбѣ моей записки изѣ Госуд. Контроля я свѣдѣній не получалѣ; но самѣ генералѣ Казнаковѣ мнѣ сообщилѣ, что проектѣ его о вольной почтѣ въ Госуд. Совѣтѣ провалилсѣ, встрѣтивѣ сильныя возраженія товарища госуд. контролера Островскаго, снабженныя массой цифровыхѣ данныхѣ, относительно которыхѣ министрѣ внутреннихѣ дѣлъ, защищавшій проектѣ, не могѣ представитѣ никакихѣ объясненій. „Конечно, прибавилѣ Казнаковѣ, вольная почта, въ томѣ основательномѣ освѣщеніи, какое дано ей Контролемѣ, не можетѣ быть признана учрежденіемѣ полезнымѣ для края, скорѣе—наоборотѣ, и я думаю, что это предпріятіе придетсѣ оставить“.

Несмотрѣ на то, что Казнакову было хорошо извѣстнѣ мое непосредственнѣе участіе въ этомѣ дѣлѣ, онѣ нисколько не измѣнилсѣ въ отношеніи ко мнѣ и по прежнему былѣ любезенѣ и внимателенѣ. Тѣмѣ не менѣе я не могѣ отдѣлаться отѣ подозрѣнія, что Казнаковѣ питаетѣ ко мнѣ неудовольствіе и только искусно скрываетѣ его. Подозрѣніе это однако же оказалось несправедливымѣ.

Мѣсяца чрезѣ два послѣ описаннаго сообщенія Казнаковѣ пригласилѣ меня къ себѣ и, безѣ всякаго предварительнаго объясненія, предложилѣ принятѣ должность томскаго губернатора. Неожиданность предложенія смутила меня, и я подумалѣ, что томскій губернаторѣ Супруненко, вѣроятно, скоро-

постижно умеръ. Но Казнаковъ на высказанное мною предположеніе отвѣтилъ, что С. живъ и здоровъ, но управлять Томскою губерніей не можетъ. Я понялъ значеніе этого отвѣта, такъ какъ зналъ, что Супруненко, при всѣхъ его безукоризненныхъ служебныхъ и нравственныхъ достоинствахъ, былъ довольно слабого характера и не обладалъ тѣмъ, что называется инициативой, оттого и все управленіе губерніей шло рутинно по бывшимъ примѣрамъ и по внушеніямъ мѣстнаго триумвирата, о которомъ будетъ рѣчь впереди. Конечно, я не высказалъ Казнакову этихъ мелькнувшихъ въ головѣ соображеній, а заявилъ, что затрудняюсь принять его предложеніе потому, съ одной стороны, что я, чиновникъ Госуд. Контроля, совершенно неизвѣстенъ министру внутреннихъ дѣлъ, никто тамъ меня не знаетъ и я никого не знаю, а съ другой—принявъ предложеніе, я перебилъ бы дорогу тѣмъ, которые представляются прямыми кандидатами на губернаторское мѣсто, и при этомъ я назвалъ двухъ вице-губернаторовъ и трехъ членовъ совѣта главнаго управленія. На это Казнаковъ возразилъ, что онъ беретъ на себя обязанность ознакомить министра внутреннихъ дѣлъ (въ то время—Л. С. Макова) во всей полнотѣ съ моею личностью; относительно же указанныхъ мною кандидатовъ Казнаковъ рѣшительно забраковалъ четырехъ, изъ коихъ двое, хотя и очень способные люди, но предаются, какъ это всѣмъ извѣстно, нѣкоторымъ излишествамъ, что не можетъ, конечно, внушать къ нимъ ни уваженія, ни довѣрія; двое же *другихъ, правда, честные и способные чиновники, но совершенно замкнутые кабинетные дѣятели, мрачные мизантропы, на все смотрятъ съ точки зрѣнія Уложенія о наказаніяхъ и готовы чуть не всѣхъ посадить на скамью подсудимыхъ. Нѣтъ, такіе не могутъ быть губернаторами. Губернаторъ долженъ быть доступенъ и доброжелателенъ и долженъ памятовать, что не общество для него, а онъ—для общества. Наконецъ о пятомъ кандидатѣ Ев. А. Заборовскомъ Казнаковъ выразился, какъ о знатокѣ крестьянскихъ дѣлъ, и отпустить его отъ себя онъ не можетъ.

Въ заключеніе онъ сказалъ, что въ Томскѣ въ скоромъ времени должно совершиться въ высшей степени важное историческое событіе—постройка зданія Сибирскаго университета, котораго Сибирь страстно желала болѣе 50 лѣтъ, при чемъ очень многіе города, правительственныя и общественныя учрежденія и многія частныя лица жертвовали и жертвуютъ

значительныя денежныя суммы, разныя коллекціи, цѣнныя образа, церковную утварь и проч. Съ своей стороны и правительство признало, что наступило время дать удовлетвореніе всѣмъ этимъ желаніямъ и надеждамъ сибирскаго населенія и рѣшило ассигновать необходимыя суммы какъ на постройку зданія университета, такъ и на его содержаніе. Предлагая мнѣ занять должность губернатора, съ которою будетъ соединено и предсѣдательствованіе въ комитетѣ по постройкѣ университетскихъ зданій, Казнаковъ руководился, по его словамъ, увѣренностью, что это дѣло будетъ находиться не только въ чистыхъ, но и достаточно твердыхъ и умѣлыхъ рукахъ, такъ какъ изъ нѣсколькихъ моихъ контрольных постановленій о начетахъ на окружное инженерное управленіе онъ убѣдился, что строительная часть мнѣ довольно знакома, и кромѣ того ему извѣстно, что принадлежавшій мнѣ въ Омскѣ небольшой, но очень хорошій домъ былъ выстроенъ подъ непосредственнымъ моимъ руководствомъ. Все это, по словамъ Казнакова, представляло бы ему гарантію, что комитетъ подъ моимъ предсѣдательствомъ не былъ бы игрушкой въ рукахъ архитектора и не допустилъ бы тѣхъ печальныхъ явленій, которыя неизбѣжно сопровождаютъ почти каждую постройку казеннаго зданія, въ родѣ перерасходовъ, растратъ, подлоговъ, сдѣлокъ съ подрядчиками и, какъ слѣдствіе всего этого—непрочности зданія. И для поясненія своей мысли Казнаковъ привелъ позорную исторію постройки технологическаго института въ Харьковѣ.

Поблагодаривъ Казнакова за предложеніе и лестное мнѣніе о моихъ скромныхъ силахъ, я сказалъ, что рѣшить вопросъ столь важный и сложный немедленно не могу, такъ какъ необходимо обсудить его съ моею женою, и что дня чрезъ 2 я сообщу о своемъ рѣшеніи.

Я зналъ, конечно, что въ дореформенной губерніи, какою была въ то время Томская, процвѣтали старинныя язвы, какъ-то: казнокрадство, вымогательство, взяточничество, nepотизмъ, подлоги, утрата въ судахъ дѣлъ и проч. и проч., и зналъ также, что борьба съ этимъ зломъ очень и очень трудна; но желаніе съ одной стороны въ возможной степени облегчить населенію бремя правительственной опеки, а съ другой—оправдать довѣріе Казнакова относительно постройки университетскаго зданія, вмѣстѣ съ тѣмъ соблазнъ (признаюсь чистосердечно) выдвинуться изъ заурядной чиновной толпы на видный постъ—побудили меня принять предложеніе Казнакова, тѣмъ

болѣе, что онъ далъ мнѣ рѣшительное обѣщаніе добиться измѣненія штатовъ губернскихъ и уѣздныхъ учреждений, такъ какъ нищенское содержаніе чиновниковъ было главною причиною указанныхъ выше прискорбныхъ явленій въ служебной сферѣ. Одною только я не принялъ въ соображеніе— политической стороны положенія дѣлъ въ Россіи и Сибири. Съ этою стороною я вовсе не соприкасался и очень мало ее зналъ. Здѣсь я разумѣю собственно ссыльныхъ государственныхъ преступниковъ семидесятихъ годовъ, а не политическихъ поляковъ, сосланныхъ въ 1864 г. Отношеніе правительства къ этимъ послѣднимъ уже немало времени становилось болѣе и болѣе мягкимъ и даже благосклоннымъ, въ виду корректнаго поведенія поднадзорныхъ поляковъ въ Западной Сибири. Нѣкоторымъ правительственнымъ учрежденіямъ было даже разрѣшено принимать ихъ на службу по вольному найму, чѣмъ широко пользовались казенныя и контрольныя палаты, а также уѣздные и губернскіе суды, и только въ губернскихъ правленіяхъ и полиціи служба ссыльныхъ поляковъ не признавалась удобною. Нѣкоторыя этой категоріи лица съ высочайшаго соизволенія приняты были даже на штатную государственную службу (Новогонскій, Боровскій, Думитрашко, Жеромскій и пр.). Что же касается государственныхъ преступниковъ, сосланныхъ въ 70 годахъ въ Зап. Сибирь подъ надзоръ полиціи, то всѣ указанія объ нихъ министерства внутреннихъ дѣлъ сообщались мѣстнымъ администраціямъ секретными циркулярами и въ мѣстномъ контролѣ, конечно, не были извѣстны.

Назначеніе мое состоялось въ февралѣ 1880 года, а 12 апрѣля, по настоятельному желанію Казнакова, я былъ уже въ Томскѣ.

Первыя впечатлѣнія были очень тяжелыя. Начать съ того, что въ Томскѣ не было казеннаго дома для губернатора и его канцеляріи, и никто изъ ближайшихъ сотрудниковъ губернатора не позаботился заблаговременно пріискать мнѣ хотя бы временную квартиру. Пришлось расположиться въ гостиницѣ Крюгера, переполненной пріѣзжими жильцами, и немедленно въ первый же день вступить въ должность. Къ этому побудило полученное мною сообщеніе, что по формальному разрѣшенію городской полиціи разграбленъ чайный складъ (болѣе тысячи ящиковъ чая) умершаго купца Мутовкина, бывшаго комиссіонеромъ кяхтинскаго купца Лушникова. Приказавъ полиціймейстеру Гомбинскому представить мнѣ дѣло

по этому складу, я увидѣлъ, что по прошенію вдовы Мутовкиной, составленному ссыльнымъ адвокатомъ Косачемъ, полиція, во избѣжаніе будто-бы убытковъ для Лушникова, но безъ указанія на законъ, уполномочила Мутовкину продолжать исполненіе комиссіонерскихъ операцій умершаго мужа. Подлинное постановленіе было подписано помощникомъ полиціймейстера Плотниковымъ, приставомъ Никольскимъ и пропущено стряпчимъ Мицкевичемъ. Воспользовавшись этимъ, зять Мутовкина, разорившійся купецъ Андреевъ, и ссыльный адвокатъ Косачъ, какъ мнѣ было уже извѣстно, стали систематически спаивать до безчувственнаго состоянія Мутовкину и затѣмъ вывезли изъ ея каменной кладовой всѣ 1.053 ящика байховаго чая, цѣнностью болѣе 100.000 руб., размѣстивъ ихъ по нанятымъ ими амбарамъ въ разныхъ частяхъ города, и ожидали только открытія навигаціи, чтобы сплавить чаи по разнымъ городамъ и пристанямъ рѣкъ Оби и Иртыша и схоронить такимъ образомъ, какъ говорится, концы въ воду.

На вопросъ мой Гомбинскому, зналъ ли онъ объ этомъ постановленіи полиціи и какъ могъ допустить такое беззаконіе и дневной грабежъ—онъ наивно отвѣтилъ, что онъ въ гражданскихъ дѣлахъ несвѣдуецъ, а спеціально знаетъ только уголовную часть. Я замѣтилъ Гомбинскому, что, прослуживъ по полиціи около 20 лѣтъ, онъ обязанъ былъ знать, что довѣренность есть актъ только *личный* и что со смертію Мутовкина сила данной ему довѣренности прекращалась и никто—ни вдова, ни дочь, ни зять—не имѣли права воспользоваться заключавшимися въ ней полномочіями. Полиція же обязана была немедленно принять мѣры къ охранѣ торговыхъ книгъ, документовъ и всего имущества, какъ собственнаго умершаго Мутовкина, такъ и его довѣрителя Лушникова. На это Гомбинскій уже ничего не отвѣтилъ и стоялъ совершенно уничтоженный. Отпустивъ его, я приказалъ позвать Плотникова. Вошелъ красивый мужчина, лѣтъ 50, высокаго роста съ военною выправкою. Объясненіе съ нимъ было короткое.

— Изъ военныхъ? спросилъ я его.—Точно такъ, Ваше-ство, изъ старшихъ военныхъ писарей.—Сколько взялъ по дѣлу Мутовкина?—500 р. далъ Андреевъ.

— А приставъ Никольскій сколько получилъ?—300 р.

— Ну, вы знаете, что теперь слѣдуетъ?

— Точно такъ, Ваше-ство,—и подалъ заранѣе приготовленное прошеніе объ отставкѣ.

Вслѣдъ за нимъ вошелъ приставъ Никольскій, молодой чело­вѣкъ, лѣтъ 23, блѣдный, сильно взволнованный.

— Правда ли, что вы взяли по дѣлу Мутовкина 300 р.?

— Простите; большая жена, новорожденный ребенокъ, непосильные расходы на лѣкарства, доктора... соблазнился. Но я уже возвратилъ эти деньги Андрееву; показываетъ росписку:— Въ возвратъ ссуды 300 руб. получилъ эту сумму отъ г. Никольскаго сполна. Купецъ Андреевъ.

— Хорошо, я принимаю во вниманіе ваше раскаяніе, но требую, чтобы въ 24 часа, считая съ 8 час. завтрашняго утра, всѣ 1.053 ящика были свезены и сложены въ амбаръ Мутовкина; затѣмъ вы должны амбаръ замкнуть, запечатать, приставить къ нему караулъ; привести также въ извѣстность и все прочее имущество Мутовкина, о всемъ этомъ составить въ присутствіи благонадежныхъ; понятыхъ протоколъ, который и представить мнѣ.

Къ вечеру слѣдующаго дня все было исполнено, а вскорѣ послѣ этого новый комиссіонеръ Лушникова, купецъ Козловъ, заявилъ мнѣ, что имъ принято имущество его довѣрителя все сполна.

Такъ благополучно была разрушена смѣло задуманная Косачемъ и Андреевымъ крупная панама.

Не буду рассказывать о менѣ важныхъ дѣлахъ, во множествѣ накопившихся въ 7-мѣсячный промежутокъ между отъѣздомъ моего предшественника и вступленіемъ моимъ въ управленіе, такъ какъ управлявшій въ это время вице-губернаторъ Дмитріевъ-Мамоновъ ¹⁾ по текущимъ дѣламъ большею частью ограничивался резолюціями „доложить по пріѣздѣ губернатору“.

Упомяну здѣсь, что черезъ день по пріѣздѣ я назначилъ общее представленіе чиновниковъ, при чемъ произнесъ обычную въ такихъ случаяхъ рѣчь о честномъ и усердномъ исполненіи долга, о памятованіи, что не общество существуетъ для чиновниковъ, а чиновники—для общества, о доброжелательномъ и чуждомъ всякаго высокомерія и нетерпѣливости служебномъ отношеніи чиновниковъ ко всѣмъ сословіямъ и особенно къ крестьянству и проч. Въ заключеніе я прибавилъ, что за прошедшее я не судья, но если это прошедшее станетъ дѣйствительнымъ и послѣ моего предупрежденія, то, конечно, я приму необходимыя мѣры.

¹⁾ Впослѣдствіи признанный графомъ, какъ прямой потомокъ извѣстнаго фаворита императрицы Екатерины II.

Вскорѣ случилось происшествіе, сильно взволновавшее весь городъ. Въ самую великую пасхальную заутреню три солдата пробрались тайно въ кабакъ, находившійся вблизи казармъ, (куда, какъ впоследствии оказалось, сидѣлецъ-еврей постоянно по ночамъ пускалъ солдатъ), страшно перепились и стали буйствовать, и когда сидѣлецъ началъ ихъ выгонять, то остервенившись убили его, его жену, шестерыхъ дѣтей и няню-христіанку. Преступники захвачены были полиціей на мѣстѣ преступленія и арестованы.

Объ этомъ происшествіи я донесъ по телеграфу Его Величеству государю императору, министру внутреннихъ дѣлъ и генераль-губернатору, присовокупивъ, что къ слѣдствію при-ступлено.

На другой день только и разговоръ было, что объ этомъ происшествіи: а вечеромъ въ клубѣ ко мнѣ обратился по поводу того же событія упомянутый выше триумвиратъ: вице-губернаторъ Дмитріевъ-Мамоновъ, начальникъ жандармскаго управленія полков. Александровъ и управляющій контр. палатою Стеблинъ-Каменскій, и узнавъ, что я уже отправилъ мои рапорты, настойчиво совѣтовали послать дополнительные представленія о томъ, что Томскій батальонъ, къ которому принадлежатъ солдаты-убійцы, совершенно деморализованъ и что безусловно необходимо смѣнить воинскаго начальника и командира батальона, которые своимъ болѣе чѣмъ небрежнымъ отношеніемъ къ служебному долгу довели ввѣренную имъ часть до распушенности, угрожающей жителямъ города огромной опасностью. Я отвѣтилъ этимъ господамъ что, конечно, цѣню мотивы, побудившіе ихъ преподать мнѣ такой совѣтъ, но въ настоящемъ случаѣ предпочитаю остаться при той мѣрѣ, какая уже принята, надѣясь, что слѣдствіе выяснитъ истинное положеніе дѣлъ въ батальонѣ; на будущее же время, если встрѣтится надобность, я непременно обращусь къ нимъ о сообщеніи мнѣ ихъ официальнаго заключенія по тому или иному вопросу, а не клубнаго заявленія.

Больше эти господа съ своими непрошенными совѣтами ко мнѣ не обращались.

Въ концѣ апрѣля мною было получено высочайшее повелѣніе объ учрежденіи Комитета по возведенію зданій Сибирскаго университета, подъ моимъ предсѣдательствомъ, изъ слѣдующихъ членовъ: вице-губернатора Дмитріева-Мамонова, профессора Казанскаго университета Флоринскаго и Томскаго городского головы Цыбульскаго и строителя зданій профес-

сора архитектуры Арнольда. Въстѣ съ тѣмъ тогда же присланъ былъ утвержденный проектъ университетскихъ зданій со смѣтой и доставленными чертежами.

Учрежденіе университета „въ странѣ мятелей и снѣговъ на берегу широкой Томи...“ несомнѣнно представляется историческимъ событіемъ огромнаго значенія. Сибирь, какъ уже сказано выше, болѣе 50 лѣтъ употребляла самыя энергичныя мѣры къ благопріятному рѣшенію вопроса объ университетѣ: посылала въ Петербургъ депутаціи, вела обширную агитацію въ газетахъ, жертвовала значительныя суммы на постройку университетскихъ зданій, жертвовала разныя цѣнныя коллекціи, церковную утварь и проч. Но все было напрасно, и всегда получался одинъ и тотъ же отвѣтъ: „въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, не представляется въ настоящее время возможнымъ“ удовлетворить ходатайство Сибири. Только благодаря Кознакову вопросъ о Сибирскомъ университетѣ наконецъ разрѣшился благопріятно. Онъ прямо заявилъ, что приметъ предложенную ему должность генераль-губернатора Зап. Сибири только въ томъ случаѣ, если будетъ дано твердое обѣщаніе, что университетъ будетъ наконецъ учрежденъ и сверхъ того будутъ ассигнованы необходимыя суммы для открытія нѣсколькихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которыхъ въ то время на всю Сибирь было всего 4 классическихъ гимназій, 1 реальное училище, 1 кадетскій корпусъ и 3 духовныхъ семинаріи. Обѣщаніе было дано, и тогда же было приступлено къ разсмотрѣнію конкурсныхъ проектовъ, лежавшихъ безъ движенія въ Техническо-строительномъ комитетѣ нѣсколько лѣтъ. Къ сожалѣнію, подъ давленіемъ того же „затруднительнаго положенія государственнаго казначейства“ предпочтенъ былъ довольно слабый проектъ архитектора Бруни, только изъ-за того, что смѣта на возведеніе всѣхъ зданій исчислена была имъ въ 650 т. руб., между тѣмъ какъ на осуществленіе проекта проф. Эрн. Ив. Жиберы, въ высокой степени талантливаго и практичнаго, требовалось до 1 мил. 200 т.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣйствій комитета, нахожу небезполезнымъ кратко коснуться здѣсь общаго характера возложенной на комитетъ задачи. Сооруженіе огромнаго зданія въ такихъ центрахъ, какъ Петербургъ, Москва, Кіевъ, Одесса сводится къ вопросу о деньгахъ, т.-е. если имѣются деньги, то подъ рукой находятся и всевозможныя матеріалы, и рабочія руки, и всякія техническія приспособ-

собленія и пр. Но не то въ такихъ незначительныхъ городахъ, какъ Томскъ (около 40 т. жит.), гдѣ строительныя потребности крайне ограничены, и потому не было тамъ ни строительныхъ складовъ, ни лѣсныхъ дворовъ, ни какихъ-либо техникумовъ, а биржа труда существовала только на Черемшинской пристани, гдѣ сосредоточивались чернорабочіе исключительно для погрузки и выгрузки товаровъ и чаевъ, и на другія работы не шли. При такомъ положеніи и въ виду огромныхъ размѣровъ разныхъ матеріаловъ, требовавшихся для дѣла, напр. кирпича 15 мил., лѣсу до 30 тыс. бревень, до 1.000 кубовъ бутовой плиты, Комитетъ поставленъ былъ въ необходимость организовать свои собственныя предпріятія. Какъ онъ справился съ этою задачей, видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Наканунѣ перваго засѣданія Комитета пришелъ ко мнѣ инженеръ-технологъ Даниловъ, съ которымъ я былъ нѣсколько знакомъ, лѣтъ 10 назадъ, по службѣ моей въ Красноярскѣ, и заявилъ, что доставшійся ему по смерти отца капиталъ онъ рѣшилъ употребить на постройку завода въ Красноярскѣ для выдѣлки кирпича *машиннымъ* способомъ и уже приобрѣлъ въ Москвѣ у Шликейзена всѣ необходимые для этого дѣла аппараты, которые придутъ сюда, т.-е. въ Томскъ, чрезъ недѣлю на первомъ пароходѣ. Теперь же освѣдомившись, что Комитетъ несомнѣнно встрѣтитъ затрудненіе въ приобретеніи необходимаго ему огромнаго количества кирпича, онъ, Даниловъ, предлагаетъ—не угодно ли Комитету воспользоваться его услугами по поставкѣ кирпича въ какомъ бы ни потребовалось количествѣ и по опредѣлившейся уже цѣнѣ (10 р. за тыс. на мѣстѣ и 2 р. за перевозку), при чемъ въ случаѣ согласія и заключенія контракта онъ остановилъ бы свою машину здѣсь и немедленно приступилъ бы къ постройкѣ завода на отведенномъ Комитету городскомъ участкѣ и съ правомъ пользоваться предоставленнымъ Комитету лѣснымъ матеріаломъ изъ дачъ Кабинета Е. В.

Выслушавъ это предложеніе, я отвѣтилъ, что нахожу его, съ одной стороны, заслуживающимъ полнаго вниманія, но съ другой—по новизнѣ дѣла я не могу высказать никакого своего мнѣнія и завтра же передамъ въ Комитетъ для всесторонняго разсмотрѣнія его, Данилова, записки. На это Даниловъ съ нѣкоторою живостью заявилъ, что онъ былъ уже у трехъ членовъ Комитета: Дмитріева-Мамонова, Флоринскаго и архитектора Арнольда, которые вполне одобрили предложеніе и

выразили увѣренность, что Комитетъ его приметъ и заключить контрактъ. Что касается Захарія Михайловича Цыбульскаго, то ему, Данилову, не удалось его видѣть.

При обсужденіи въ засѣданіи Комитета предложенія Данилова о поставкѣ машиннаго кирпича и о заключеніи съ нимъ 3-лѣтняго контракта указанныя три лица дѣйствительно горячо настаивали на полномъ удовлетвореніи ходатайства Данилова въ виду твердой его увѣренности, что заводъ его будетъ поставлять неограниченное количество кирпича, гарантируя свое обязательство залогомъ и неустойкой. Но съ такимъ рѣшеніемъ вопроса не согласился Цыбульскій, по слѣдующимъ основаніямъ. Во 1-хъ, Комитету высочайше повелѣно выстроить университетскія зданія вчернѣ срочно, въ теченіе 3 лѣтъ. Исполнить это онъ долженъ и можетъ только способами вѣрными, испытанными, т.-е. выдѣлкой такъ называемаго „подпяточного кирпича“, для чего имѣются на-лицо всѣ необходимыя данныя: обширная отведенная городомъ площадь для завода, потребное количество лѣса изъ дачъ Каб. Е. В. для сараевъ и для обжига кирпича и необходимое число опытныхъ глинятовокъ и кирпичныхъ мастеровъ. Живая сила лучше обезпечиваетъ, чѣмъ залогомъ и неустойки.

Во 2-хъ, машинное производство кирпича началось еще весьма недавно за границей и едва-ли не находится еще лишь въ стадіи опытовъ. Если г. Даниловъ намѣренъ попытаться осуществить здѣсь такое предпріятіе, это касается его лично, его рискъ можетъ увѣнчаться успѣхомъ, а можетъ и не увѣнчаться; но Комитету связывать свою свободу дѣйствій съ несуществующимъ еще предпріятіемъ представляется, по его, Цыбульскаго, мнѣнію, недопустимымъ,—

и въ 3-хъ, говорятъ, что обязательство Данилова обезпечено залогомъ и неустойкой и въ случаѣ его неисправности Комитетъ можетъ купить кирпичъ на его счетъ. Формально это такъ, но въ дѣйствительности Комитетъ остался бы безъ кирпича, потому что въ Томскѣ на всѣхъ его 11 заводахъ, вырабатывающихъ до 2 мил., весь кирпичъ впередъ законтрактованъ и свободнаго на продажу въ сколько-нибудь значительныхъ количествахъ нѣтъ.

Расширить свое производство эти заводи не могутъ, потому что занимаютъ крайне ограниченныя площади и владѣльцы ихъ не обладаютъ для такого расширенія достаточными средствами. Въ виду всего этого Цыбульскій высказался за отклоненіе ходатайства Данилова и за устройство

своего собственнаго завода. Защитники Данилова не возражали. Я, съ своей стороны, присоединился къ мнѣнію Цыбульскаго, и тогда рѣшено было строить свой заводъ, пригласивъ для управленія имъ извѣстнаго специалиста П. В. Михайлова, построившаго вмѣстѣ съ своимъ компаніономъ С. П. Петровымъ изъ религіознаго усердія („Бога для“) безвозмездно болѣе 20 каменныхъ и деревянныхъ церквей въ селеніяхъ Томской губерніи.

Это первое засѣданіе Комитета, продолжавшееся около 5 часовъ, явно показало, что мнѣ и Цыбульскому предстоитъ нелегкая борьба со сплоченнымъ большинствомъ, рѣшившимъ ставить всякія препятствія, и что для пользы и ускореннаго хода дѣла мнѣ многое придется брать на свою личную отвѣтственность.

Думаю, что такъ бы оно было и на самомъ дѣлѣ, еслибъ неожиданно не случилось обстоятельство, которое совершенно спутало карты упомянутыхъ господъ. Вотъ въ чемъ дѣло:

Несмотря на то, что Комитетъ отклонилъ ходатайство Данилова о кирпичномъ подрядѣ, Даниловъ немедля началъ постройку завода и чрезъ мѣсяць пустилъ въ ходъ свои машины. Сначала дѣло пошло дѣйствительно хорошо, но чрезъ 2 недѣли надъ заводомъ разразилась катастрофа: толстая чугунная шестерня, въ которую упирался громаднѣйшій валъ глиномятнаго цилиндра, разлетѣлась на 3 части, одна изъ нихъ пробила бревенчатую стѣну, а двѣ зарылись въ земляной полъ. Запасной шестерни не было; Шликейзенъ изъ Москвы отвѣтилъ, что и у него нѣтъ и что нужно заказать новую отливку за границей. Такимъ образомъ операція перваго года у Данилова была потеряна и онъ понесъ значительный убытокъ. Несмотря однако же на это, онъ былъ чрезвычайно доволенъ, что Комитетъ не заключилъ съ нимъ контракта, сознавая, что въ противномъ случаѣ онъ былъ бы разоренъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ катастрофа съ заводомъ Данилова, почти предсказанная Цыбульскимъ, была большимъ конфузомъ для Дм.-Мамонова, Флоринскаго и Арнольда, и они стали потомъ гордо осторожниѣе въ выраженіи своихъ мнѣній и желаній, но нельзя не упомянуть, что они стали и значительно равнодушнѣе къ дѣлу Комитета. Еще въ засѣданія они являлись всегда по приглашенію, на постройку же заходили какъ-нибудь случайно по пути на нѣсколько минутъ. Да и когда было заниматься постройкой? Дм.-Мамоновъ, страстный игрокъ, дни и ночи проводилъ за картами; Флоринскій, получая 6 т. собственно за

1½ мѣсяца участія своего въ занятіяхъ Комитета, посвящаль свое время акушерской практикѣ. Наконецъ Арнольдъ велъ свою линію, застрачивая поставщиковъ и выискивая на сторонѣ частныя работы. Еще меньшимъ вниманіемъ этого тріо пользовался построенный одновременно съ Даниловскимъ заводъ Комитета, никто изъ нихъ не посѣтилъ его, а между тѣмъ заводъ сослужилъ большую службу, безостановочно работая и подготавливая огромное количество превосходнаго кирпича для операціи каждаго года.

Изъ прочихъ операцій нахожу нужнымъ упомянуть о слѣдующихъ:

1) *О льсной.* Кабинетъ Е. В. предоставилъ Комитету льсной участокъ въ Оешинской волости, расположенный по р. Оби. По расчету архитектора Комитету необходимо было на балки, доски, бруски и проч. не менѣе 30 тыс. бревенъ разной длины и толщины. Операцію эту отлично исполнили крестьяне Оешинской волости цѣлымъ обществомъ. Въ половинѣ іюля плоты были пригнаны къ университетскому берегу, оставалось только выкатать ихъ изъ воды.

Такъ какъ мнѣ экстренно было необходимо выѣхать въ Барнаулъ, гдѣ возникла между жителями паника по случаю крайне злокачественнаго дифтерита, поражавшаго и дѣтей и взрослыхъ, при чемъ трупы по 7—8 дней оставались въ домахъ неубранными, а нѣкоторые обыватели стали уже выселяться изъ города и могли разнести заразу въ другія мѣстности,— то я формальнымъ письмомъ обратился къ Флоринскому съ предложеніемъ озаботиться принятіемъ мѣръ къ возможно скорой выгрузкѣ бревенъ на берегъ, пользуясь благоприятной теплой погодой; на расходы же по этой операціи я приложилъ талонъ въ 3 т. руб.

Пробывъ въ отъѣздѣ около мѣсяца, я по возвращеніи въ Томскъ узналъ, что плоты не выгружены, Флоринскій уѣхалъ въ Казань и что въ моемъ кабинетѣ лежитъ письмо его съ талономъ на 3 т. руб. Въ письмѣ Флоринскій заявилъ, что такъ какъ катали заявили за выгрузку бревна цѣну по 11 коп. съ бревна, каковую онъ призналъ чрезмѣрно высокой, и такъ какъ поздней осенью цѣны, *втроятно*, будутъ ниже, то онъ не нашель возможнымъ исполнить мое порученіе. Грѣшный человѣкъ!... мысленно я обозвалъ Флоринскаго мелочникомъ и тупицей: изъ-за какихъ-нибудь 400 или 500 руб. оставлять нѣсколько мѣсяцевъ плоты въ Томи, которая какъ горная

рѣка подвержена нерѣдкимъ паводкамъ, и погубить всю лѣсную операцію Комитета,—это было въ высшей степени неразумно.

Положеніе было крайне серіозное: наступила вторая половина августа и предстояло скорое окончаніе навигаціи, вслѣдствіе чего всѣ вольные рабочіе сосредоточились на пристани, гдѣ и днемъ и ночью шла лихорадочная погрузка товаровъ и чаевъ, отъ другихъ работъ особенно отъ катальныхъ, рабочіе рѣшительно отказывались, а между тѣмъ изъ Бійскаго округа приходили свѣдѣнія, что въ верховьяхъ Томи начались дожди, которые не предвѣщали ничего хорошаго; грозила большая опасность плотамъ.

Въ виду этого я рѣшился на мѣру, если и неполнѣ законную, то вполнѣ достигшую цѣли и спасшую наши плоты. Придя въ арестантскую роту, я приказалъ собрать всѣхъ до 250 арестантовъ во дворѣ и, поздоровавшись, обратился къ нимъ съ такою рѣчью: „Вотъ, я снова хочу дать вамъ работу на вольномъ основаніи, какъ прежде, т.-е. какая цѣна вольнымъ, такая же и вамъ. Работа—выгрузка плотовъ изъ воды на берегъ. Потребуется до 200 человѣкъ дней на 8—12. Конечно я позабочусь, чтобы рабочіе были сыты и чтобы имъ было гдѣ согрѣться отъ холодной воды и вѣтра“.

Предложеніе понравилось, и всѣ арестанты съ благодарностью выразили желаніе стать на работу, ручаясь, что не будетъ ни побѣговъ, ни прогуловъ. Но такъ какъ въ общемъ числѣ арестантовъ было немало людей слабыхъ и болѣзненныхъ, которыхъ было бы опасно пустить въ водяную работу на вѣтру, то я прибавилъ, что и они будутъ взяты для поддержанія костровъ, самоваровъ въ палаткахъ и для помощи комитетскому обозу по отвозкѣ выкатанныхъ на берегъ бревенъ на университетскій дворъ.

Въ двѣ недѣли дружною работою арестантовъ всѣ бревна были выкатаны на берегъ и затѣмъ срезаны къ постройкѣ университетскихъ зданій, и такимъ образомъ лѣсная операція Комитета закончилась вполнѣ благополучно. Но не такъ закончились лѣсныя дѣла для нѣкоторыхъ жителей изъ Томска: дня черезъ три ожидавшійся паводокъ дѣйствительно обрушился огромнымъ валомъ на берега Томи, сорвалъ немало лодокъ и плотовъ, разметалъ массу дровъ, повредилъ пристани и проч. Убытки были весьма значительны.

2. *О бутовой плитѣ.* Въ одно изъ засѣданій Комитета архитекторъ Арнольдъ доложилъ, что назначенная по смѣтѣ на фундаменты Заварзинская бутовая плита по тщательномъ

испытаніи оказалась негодною, такъ какъ подъ давленіемъ большихъ грузовъ пилоновъ и стѣнъ она неизбѣжно подвергнется разрушенію ко вреду зданія, при этомъ онъ демонстрировалъ кубической вершокъ этой плиты, дѣйствительно превратившейся въ порошокъ подъ дѣйствіемъ положеннаго на него аппарата съ соотвѣтственной по расчету тяжестью. Конечно, Комитетъ отказался отъ Заварзинской плиты и постановилъ поискать камень болѣе твердой породы. Тогда выступилъ Дмитріевъ-Мамоновъ и отъ имени арестантской роты, попечителемъ которой онъ состоялъ, заявилъ, что въ 3 верстахъ отъ Томска, по рѣкѣ Ушайкѣ находятся залежи кварца, въ которыхъ рота желала бы добывать плиту по 12 руб. за кубическую сажень. Комитетъ принялъ это предложеніе, съ одной стороны потому, что цѣна была дешевле смѣтной на 3 р., а съ другой—онъ желалъ предоставить арестантской ротѣ выгодное занятіе, которое въ значительной степени могло улучшить ея продовольственную часть. Увы! предпріятіе это кончилось полнымъ фіаско. Вотъ какъ Дмитріевъ-Мамановъ приступилъ къ осуществленію подряда: объявивъ арестантамъ, что вмѣсто всѣхъ городскихъ работъ они будутъ всѣ теперь работать на выломкѣ порохомъ бутовой плиты на Ушайкѣ, онъ спросилъ, кто изъ арестантовъ умѣетъ производить взрывы камня? Выступилъ молодой арестантъ Скачковъ и заявилъ, что онъ знаетъ, какъ это дѣлается: сначала нужно молъ просверлить дыру, а затѣмъ положить зарядъ пороха и поджечь. Дмитріевъ-Мамоновъ удовольствовался этимъ объясненіемъ и приказалъ смотрителю выдать Скачкову фунтовъ 5 пороха и отпустить съ нимъ нѣсколько человѣкъ съ ломами и молотками на Ушайку. Когда довольно глубокая дыра была пробита, Скачковъ и поступилъ по своему рецепту:—насыпалъ пороху и поджегъ; получился, конечно, неизбѣжный результатъ—взрывомъ Скачковъ былъ убитъ. Этотъ печальный экспериментъ Дмитріева-Мамонова происходилъ во время моего объѣзда губерніи для ревизіи мѣстныхъ учрежденій, и я узналъ объ немъ только по возвращеніи въ Томскъ. Конечно дальнѣйшія услуги Дмитріева-Мамонова и попечительствуемой имъ арестантской роты были прекращены, и операція съ бутовою плитою была исполнена инымъ путемъ, по моему непосредственному указанію.

Операція эта была настолько сложна и повлекла настолько важныя для Комитета послѣдствія, что представляется необходимымъ подробно объяснить ходъ этого дѣла.

Мнѣ было извѣстно, что на городской дачѣ Басандайкѣ (въ 9 верст. отъ Томска) находится обширная залежь мелкозернистаго гранита, во многихъ мѣстахъ обнаженнаго и расщеливагося и слѣдовательно удобнаго для выломки. Остановившись на мысли, что лучшаго камня для забутки фундамента и желать не надо, и принявъ во вниманіе удобство доставки плиты на большихъ лодкахъ (паузкахъ) сплавомъ *внизъ по теченію* рѣки, я рѣшился взять эту операцію въ свои руки на свою личную отвѣтственность, въ виду того, что уже было потеряно два мѣсяца изъ-за эксперимента Дмитріева-Мамонова и кромѣ того было опасеніе, что три несговорчивыхъ члена постараются поставить какіе-либо тормозы и время затянется въ бесплодныхъ преніяхъ, и что со стороны города не встрѣтятся препятствія къ разрѣшенію ломки камня на Басандайкѣ, я немедленно вызвалъ кр-на Якова Павлова, единственнаго въ Томскѣ подрядчика по горнымъ работамъ, и предложилъ ему взять выломку и доставку камня. Павловъ отвѣтилъ, что, предвидя возможность такого предложенія, онъ заблаговременно осмотрѣлъ залежи гранита на Басандайкѣ и нашель, что верхній пласть гранита какъ въ обнаженіяхъ, такъ и въ покрытыхъ землею мѣстахъ, дѣйствительно весь расщелялся глубиною отъ 5 до 8 вершковъ и легко поддается выломкѣ; но затѣмъ подъ этимъ слоемъ гранитъ находится въ состояніи монолитности, ломать его можно только порохо-стрѣльными или динамитными работами, а такія работы производятся очень медленно, требуютъ много рабочихъ рукъ и должны быть ведены подъ постояннымъ руководствомъ опытнаго штейгера. Смѣтная цѣна 15 р. была назначена на Заварзинскую плиту и цѣна эта сходная, можно и сбавить, потому что камень тамъ мягкій, разламывается ломами и доставка ближе. Въ заключеніе Павловъ сказалъ, что готовъ взять этотъ подрядъ съ обязательствомъ приступить чрезъ 3 дня къ работѣ, такъ какъ люди и инструменты у него готовы, но просить къ смѣтной цѣнѣ прибавить 1 р., т.-е. за кубъ 16 руб. Зная Павлова, по рекомендаціи Цыбульскаго, какъ вполне добросовѣстнаго человѣка, я согласился на его условія и просилъ дать въ принятіи подряда подписку, которую онъ тутъ же у меня въ кабинетѣ и написалъ.

Я считалъ это дѣло конченнымъ, такъ какъ рѣшился переплату сверхъ смѣты за 1 тысячу кубовъ одной тысячи руб. взять на свою личную отвѣтственность въ томъ случаѣ, если бы Государственный Контроль не призналъ это распоряженіе

правильнымъ и обратилъ переплаченную сумму въ начеть. Но случилось обстоятельство, неожиданное и крайне непріятное, которое при малѣйшемъ колебаніи съ моей стороны могло зловредно отразиться на всѣхъ дѣлахъ Комитета. Дѣло вотъ въ чемъ:

Не прошло и двухъ часовъ, какъ возвратился ко мнѣ Павловъ, блѣдный, разстроенный, заявивъ, что онъ отказывается отъ подряда, и сталъ убѣдительно просить не погубить его и возвратить его подписку. Не понимая, отчего въ его, казалось, добровольномъ и обдуманномъ рѣшеніи произошла вдругъ такая переменна, я просилъ его успокоиться и подробно объяснить—въ чемъ дѣло? И вотъ что рассказалъ Павловъ:

„Когда онъ вышелъ изъ моей квартиры, то у подъѣзда его встрѣтилъ поджидавшій тамъ Пинегинъ, у котораго М. М. жилъ въ домѣ, и сказалъ, что архитекторъ велѣлъ сейчасъ же явиться къ нему. Какъ только онъ вмѣстѣ съ Пинегинымъ вошелъ въ комнату, М. М. спросилъ: „ты былъ у губернатора на счетъ бутовой плиты? сколько взялъ за кубъ?“ Павловъ отвѣтилъ, что условились за 16 р. и что онъ далъ уже подписку, а завтра будетъ заключенъ контрактъ. На это М. М. съ необыкновеннымъ азартомъ закричалъ: „болванъ! а меня-то ты забылъ! да если меньше 28 р. кубъ, я тебя разорю. Пошелъ вонъ!“.

Ошеломленный такимъ пріемомъ, Павловъ отправился къ своему компаніону по горнымъ подрядамъ, отст. статскому совѣтнику Шестаковскому, и, обсудивъ съ нимъ это дѣло, пришелъ къ заключенію, что отъ подряда нужно отказаться, такъ какъ онъ человѣкъ маленькій, бороться съ такимъ притязательнымъ архитекторомъ не можетъ, и увѣренъ, что онъ пустилъ бы его съ семьей по міру“.

Конечно, я постарался успокоить Павлова, объяснивъ во первыхъ, что нѣтъ никакой необходимости уничтожать законную подписку, данную добровольно и вполне обоснованную, во вторыхъ, что не одинъ только архитекторъ будетъ принимать плиту; напротивъ, я буду постоянно слѣдить самъ лично и чрезъ нашего нарядчика работъ Федора Глѣбовича Курганскаго за ходомъ этого дѣла, и наконецъ, въ третьихъ, и я и Захарій Михайловичъ Цыбульскій всегда сумѣемъ защитить его, Павлова, отъ несправедливыхъ покушеній М. М. Въ заключеніе я поручилъ Павлову явиться завтра въ Комитетъ и твердо безбоязненно повторить предъ мною и членами

все, что онъ мнѣ разсказалъ. Павловъ видимо пріободрился и отвѣтилъ: „слушаю“.

На слѣдующій день въ засѣданіи Комитета я прежде всего призналъ нужнымъ ознакомить членовъ съ тою мѣрою, которая уже предпринята мной по заготовкѣ бута, и заявилъ, что вслѣдствіе полной неудачи бутовой операціи г. Дм.-Мамонова, сопровождавшейся гибелью арестанта Скачкова, и вслѣдствіе бесполезной потери уже двухъ мѣсяцевъ рабочаго времени, опасаясь, что въ слѣдующемъ году по недостатку плиты фундаментъ не будетъ выведенъ въ полномъ по смѣтѣ размѣрѣ, я остановился на мысли, что на фундаментъ можетъ быть употребленъ мелкозернистый гранитъ, въ изобиліи находящійся на городской дачѣ „Басандайкъ“ и такъ какъ представитель города, нашъ уважаемый сотрудникъ Зах. Мих. Цыбульскій, удостовѣрилъ, что со стороны города препятствій нѣтъ и быть не можетъ, то я вызвалъ единственнаго въ Томскѣ подрядчика по горнымъ работамъ Якова Павлова и договорился съ нимъ о выломкѣ и доставкѣ къ университетскому участку всего полного количества плиты, по 16 руб. за кубъ, въ чемъ и отобралъ отъ него подписку, которую я и предъявилъ Комитету. Что касается переплаты противъ смѣты по 1 р. за кубъ, то въ случаѣ несогласія г.г. членовъ принять участіе въ могущемъ послѣдовать начетѣ Государств. Контроля, начтенную сумму я приму на свой счетъ.—Наконецъ я объяснилъ, что считалъ это дѣло благополучно конченнымъ, какъ вдругъ случилось совершенно неожиданное обстоятельство: въ 10 часовъ вечера снова явился ко мнѣ Павловъ и сказалъ, что онъ отказывается отъ подряда и проситъ возвратить его подписку. Причины такой перемѣны его рѣшенія взять подрядъ Павловъ объяснить здѣсь самъ лично; при этомъ я позвонилъ и приказалъ ввести Павлова.

Когда онъ вошелъ, я спросилъ: былъ ли онъ согласенъ на поставку для Комитета 1.000 куб. по 16 р. и далъ ли собственноручную въ томъ подписку? Павловъ твердо отвѣтилъ: да, согласенъ и далъ вотъ ту самую подписку, которая мнѣ здѣсь предъявлена, и желаю заключить контрактъ. Затѣмъ на вопросъ: отчего онъ, придя ко мнѣ въ 10 часовъ ночи, выразилъ желаніе отказаться отъ подряда и просилъ возвратить подписку? Павловъ разсказалъ буквально все то, что говорилъ онъ мнѣ наканунѣ и что выше изложено въ кавычкахъ.

Разсказъ Павлова произвелъ подавляющее впечатлѣніе: Дм.-Мамоновъ, Флоринскій и М. М. сидѣли блѣдые, потупивъ

глаза, и звука не издали ни противорѣчія, ни даже какого-либо сомнѣнія. Одинъ только Цыбульскій заявилъ, что если Госуд. Контроль сдѣлаетъ начеть, то, признавая съ своей стороны правильность и главное своевременность моего распоряженія, онъ проситъ разрѣшить ему принять участіе въ уплатѣ той суммы, которая можетъ быть начтена Контролемъ.

Считая этотъ непріятный эпизодъ исчерпаннымъ, такъ какъ М. М. противъ показанія Павлова ничего не возражалъ и не отрицалъ, а молчаливо какъ бы призналъ его справедливость, я предложилъ Комитету обсудить вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли заключать контрактъ отъ имени всего Комитета или же только отъ меня лично, какъ предсѣдателя. На этотъ вопросъ всѣ единогласно отвѣтили: отъ всего Комитета. О переплатѣ противъ смѣты 1.000 руб. за бутовую плиту я просилъ управлявшаго контр. палатою А. Г. Левина довести до свѣдѣнія госуд. контролера, который призналъ, что эта переплата вызвана дѣйствительною необходимостью, и распоряженіе Комитета утвердилъ.

Хотя такимъ образомъ про покушеніе М. М. на крупную поживу можно съ полнымъ правомъ сказать „сорвалось“, но опасеніе, что болѣе такихъ покушеній не будетъ, вовсе не устранялось. Напротивъ, слѣдовало ожидать, что въ расчетѣ на нашу небольшую опытность въ строительныхъ дѣлахъ и въ надеждѣ на защиту Флоринскаго, выбору котораго М. М. обязанъ былъ своимъ назначеніемъ строителя, онъ не остановится и впредь въ дальнѣйшихъ поползновеніяхъ къ удержанію работъ и матеріаловъ и заведетъ насъ въ дебри, изъ которыхъ и выйти благополучно будетъ нельзя. Въ виду этого я послалъ телеграмму министру народ. просвѣщенія А. А. Сабурову съ подробнымъ изложеніемъ инцидента „М. М.—Павловъ“ и просилъ или уволить М. М. и назначить другого на его мѣсто, или же исходатайствовать высочайшее соизволеніе на освобожденіе меня отъ предсѣдательства въ Комитетѣ. Отвѣтъ министра былъ таковъ: М. М. увольняется отъ должности строителя, о назначеніи другого будетъ сообщено особо, а вслѣдъ за телеграммой директоръ департамента увѣдомилъ письмомъ, что выборъ строителя министр нар. пр. предоставляетъ мнѣ.

Конечно, довѣріе министра было лестно, но отвѣтственность, сопряженная съ этимъ порученіемъ, немало смущала меня. Съ одной стороны неудачный выборъ Флоринскимъ М. М., а съ другой—издавна установившаяся репутация разныхъ

инженеровъ, какъ „половинщиковъ казны“, невольно внушали опасеніе, что и мой выборъ могъ быть неудаченъ, что отозвалось бы неблагопріятно на интересахъ строительнаго комитета, а также несомнѣнно и на моей служебной карьерѣ. Но такъ или иначе возложенную на меня задачу нужно было рѣшить. Мѣстные инженеры-архитекторы (ихъ было трое) по разнымъ причинамъ были совсѣмъ непригодны для постройки университетскихъ зданій; въ другихъ губерніяхъ Сибири архитекторы были не лучше томскихъ. Пришлось ѣхать въ Петербургъ и тамъ искать строителя. Испытавъ неудачу въ переговорахъ съ двумя-тремя архитекторами, запрашивавшими отъ 15 до 20 тыс. въ годъ, съ обязательствомъ при этомъ со стороны Комитета не вмѣшиваться въ пріемку матеріаловъ и обязательно принимать шаблоны и детальныя чертежи, я обратился къ директору Строительнаго училища (что нынѣ Институтъ гражданскихъ инженеровъ) Бернгардту, который посоветовалъ мнѣ въ выборѣ строителя не останавливаться на болѣе или менѣе уже извѣстныхъ архитекторахъ, такъ какъ они обошлись бы слишкомъ дорого, а взять кого-либо изъ недавно кончившихъ Институтъ воспитанниковъ, находящихся въ положеніи помощниковъ. Для такихъ еще неустроившихся архитекторовъ важно, съ одной стороны, пріобрѣсть обезпеченное самостоятельное положеніе, а съ другой—связать свое имя съ постройкой зданія Сибирскаго университета. Поблагодаривъ Бернгардта за добрый совѣтъ, я попросилъ его указать кого-либо изъ его недавнихъ учениковъ. Бернгардтъ назвалъ архитектора Нарановича, какъ основательно подготовленнаго теоретически и вполне нравственнаго молодого человѣка. Черезъ нѣсколько дней Нарановичъ по моему ходатайству былъ утвержденъ строителемъ зданій университета и чрезъ 2 мѣсяца прибылъ къ мѣсту службы и немедленно принялся за дѣло.

Первая его заслуга предъ Комитетомъ состояла въ томъ, что онъ обнаружилъ шурфъ, который былъ вырытъ въ числѣ 9 для изслѣдованія грунта, а затѣмъ по распоряженію Арнольда заложенъ фундаментомъ. Обходя зданіе и провѣряя рулеткой стѣны, Нарановичъ обратилъ вниманіе, что въ одномъ мѣстѣ фундаментъ далъ небольшой прогибъ или провѣсъ. Не допуская мысли, чтобъ опытные каменщики на лицевомъ фасадѣ сдѣлали при кладкѣ такую грубую ошибку, и предположивъ, что прогибъ случился уже послѣ кладки, Нарановичъ приказалъ фундаментъ разобрать, при чемъ и былъ обнаруженъ

затерявшійся шурфъ глубиною 5 саж.; онъ былъ засыпанъ стружками, щепой и небольшими обрѣзами, на которыхъ собственно и производилась кладка бутовой плиты. Конечно эта небрежность, быть можетъ и несосвѣтъ невинная, была немедленно устранена: Нарановичъ устроилъ обратную разгрузную арку, во всю ширину шурфа возвелъ столбъ до подошвы фундамента и уже на немъ задѣлалъ разобранный фундаментъ.

Не могу не упомянуть, что Нарановичъ сразу поставилъ себя въ совершенно правильныя отношенія къ Комитету: онъ заявилъ, что считаетъ своею прямою обязанностію только техническую сторону дѣла, всѣ же хозяйственныя операціи составляютъ, по его мнѣнію, непосредственную компетенцію Комитета. Это крайне упрощало дѣло: Комитетъ заготовлялъ подрядомъ или наличною покупкой разные матеріалы и поставлялъ на постройку, а строитель безпрепятственно принималъ ихъ и только въ двухъ случаяхъ забраковалъ небольшое количество камней, предназначенныхъ для колоннъ на главномъ подъѣздѣ. Вообще постройка зданій университета при Нарановичѣ шла все время успѣшно и безъ всякихъ осложненій, даже и въ тѣхъ, правда, рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ нѣсколько терялся и не зналъ, какъ поступить. Въ этихъ случаяхъ я всегда приходилъ къ нему на выручку и устранялъ затрудненія, какъ это видно, напр. изъ слѣдующаго:

1) Вблизи постройки на сравнительно тѣсномъ пространствѣ вырыто было 10 творильныхъ ямъ для приготовления известковаго раствора и когда, въ началѣ лѣтней кампаніи, водовозы, числомъ до 50, подвезли свои бочки, стараясь скорѣе вылить въ ямы воду, чтобы снова спѣшить на Томъ за водой, произошла такая свалка, что по крайней мѣрѣ часа на два остановилась вся работа. Сначала мы надѣялись, что мало-по-малу установится необходимый порядокъ, но надежда не осуществилась; съ водовозами не было никакого сладу, каждый стремился перегнать другого, чтобы привезти лишнюю бочку и заработать на ней лишнія 40 к. Въ виду такого положенія и во избѣжаніе убытковъ для Комитета (каждый часъ рабочаго времени стоилъ 60 р.), я рѣшился обойтись безъ этой дикой орды, устроивъ собственную водоподъемную машину. Меньше чѣмъ чрезъ мѣсяць сильный насосъ съ двумя передачами, приводимый въ дѣйствіе двумя парами собственныхъ комитетскихъ лошадей, былъ готовъ, и въ изобиліи снабжалъ по желобамъ всѣ работы, гдѣ требовалась вода.

2) По плану постройки должны были быть устроены на противоположныхъ концахъ зданія двѣ амфитеатральныя аудиторіи съ пролетами въ 20 арш. Слѣдовательно, балки для перекрытія такихъ пролетовъ должны были имѣть не менѣе $2\frac{1}{2}$ арш., т.-е. на задѣлку концовъ въ стѣны приблизительно по 12 вершковъ, а толщина балокъ была назначена по смѣтѣ въ $\frac{3}{4}$ аршина въ отрубѣ. При такихъ размѣрахъ эти балки вѣсили каждая не менѣе 100 пудовъ, и когда первую балку стали поднимать по устроеннымъ Нарановичемъ желобамъ съ катками на неподвижныхъ осяхъ, то оказалось, во-первыхъ, что безъ пролома стѣнъ поднять балку изъ перваго этажа во второй и слѣдующій было невозможно, а во-вторыхъ, что движеніе балки по каткамъ вызвало сильное сотрясеніе еще сырыхъ неокрѣпнувшихъ стѣнъ, что могло, конечно, представлять значительную опасность для зданія.

Устранивъ этотъ неудобный способъ подъема, я остановился на мысли о возможности поднимать балки снаружи зданія посредствомъ приспособленія, называемаго „Журавлемъ“. Мысль эту я сообщилъ нашему нарядчику Э. Г. Курганскому, объяснивъ ему техническія подробности этого сооружения. Этотъ умный практикъ чрезвычайно удачно выполнилъ задачу—устроивъ огромную составную мачту съ поперечнымъ подвижнымъ рычагомъ, который приводился въ движеніе сильною лебедкою. Всѣ эти семисаженныя балки (всего 400 шт.) благополучно были подняты и уложены на стѣны амфитеатральныхъ аудиторій.

4) Одной изъ важныхъ строительныхъ операций, предстоявшихъ Комитету, было приготовленіе на всѣ зданія оконныхъ переплетовъ, дверей и половыхъ досокъ.

На эту работу Комитетъ случайно приобрѣлъ до 4-хъ тысячъ толстыхъ сухихъ досокъ (плахъ), а подрядчикъ Измайловъ поставилъ 60 человекъ столяровъ. Комитетъ надѣялся, что купленнаго матеріала будетъ вполнѣ достаточно до конца строительнаго сезона; но уже въ половинѣ лѣта Измайловъ заявилъ, что досокъ остается немного и скоро столярамъ нечего будетъ дѣлать.

Положеніе было крайне затруднительное: готовыхъ досокъ у Комитета было болѣе 10 тыс., но сырыхъ, которыхъ въ дѣло употребить было нельзя, купить же сухихъ было негдѣ. Сосредоточивъ все вниманіе на этомъ затрудненіи, я скоро нашелъ выходъ изъ него. Основываясь на томъ явленіи, что въ закрытомъ помѣщеніи нижній слой воздуха всегда холоднѣе,

чѣмъ верхній, я проектировалъ 4-хъ-этажную сушилку, въ которой теплота отъ установленныхъ печей распредѣлялась приблизительно такъ: внизу $t^{\circ} 22 - 25^{\circ}$, а вверху до 90° . Въ нижнемъ этажѣ доски проваливались, а затѣмъ перемѣщаемыя въ верхніе этажи онѣ просушивались *постепенно* и почти не расщеливались.

4) Еще одну крупную операцію удалось мнѣ устроить крайне выгодно и благополучно: это—распиловку до 10 тыс. бревенъ на доски, бруски и рѣшетины. Сначала вызваны были вольные пильщики, но явилось ихъ всего 8 паръ, больше въ городѣ не осталось, всѣ разошлись по деревнямъ, явившіеся же, зная, что конкуренціи не будетъ, запросили несуразную цѣну за каждый разъ по 20 коп., т.-е. въ 4 раза болѣе нормальной цѣны. Вслѣдствіе этого я рѣшился использовать трудъ арестантовъ городской тюрьмы, въ которой находилось болѣе 800 человекъ.

Между ними оказалось до 40 чел. настоящихъ пильщиковъ, которые и стали съ удовольствіемъ на работу, а глядя на нихъ, постепенно явились еще многіе желающіе работать, такъ что образовалась артель въ 100 паръ подъ наблюдениемъ опытнаго тюремнаго надзирателя.

Работа закипѣла, и къ концу зимы все предназначенное къ распиловкѣ количество бревенъ было превращено въ подѣлочный матеріалъ и свезено на университетскій дворъ. Арестанты остались крайне довольны заработкомъ, который и былъ имъ записанъ въ расчетной книжкѣ.

и 5) Не могу не упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве, которое могло принести большой вредъ Комитету и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи, но замѣченное вовремя быстро было прекращено. Оно состояло въ слѣдующемъ:

Расчетъ съ рабочими производился обыкновенно за каждыя двѣ недѣли по субботамъ. Въ качествѣ оправдательныхъ къ ассигновкамъ документовъ служили требовательныя вѣдомости, которыя по моему распоряженію составлялись, на основаніи ежедневныхъ отмѣтокъ табелиста, бухгалтеромъ Ольшевскимъ. Но въ одну изъ моихъ поѣздокъ для ревизіи губерніи, дѣлопроизводитель Д. Р. поручилъ составленіе вѣдомости не Ольшевскому, а ученому садоводу С., а самую ассигновку для полученія денегъ изъ казначейства приказалъ написать на свое имя. Въ первыя двѣ недѣли во время моего отсутствія изъ Томска такое нарушеніе порядка одинъ разъ

удалось; но вторичная попытка не имѣла успѣха. Я возвратился изъ поѣздки утромъ рано, именно въ расчетную субботу и немедленно потребовалъ изъ канцеляріи комитета ассигновку съ требовательною вѣдомостью. Разсматривая вѣдомость, я прежде всего обратилъ вниманіе на графу „рабочіе дни“, въ которой рѣшительно противъ всѣхъ болѣе 500 рабочихъ выставлена была цифра 12, что указывало, будто-бы всѣ безъ исключенія рабочіе находились въ теченіе 12 дней на работахъ, при чемъ не было ни прогуловъ, ни заболѣваній. Такая необыкновенная исправность рабочихъ, изъ числа которыхъ многіе по воскреснымъ днямъ неизбѣжно предавались кутежамъ и въ понедѣльникъ уже не являлись на работу,—вызвала сомнѣніе въ правильности дѣйствій Д. Р. и С.

Въ виду этого, перечеркнувъ крестообразно ассигновку на имя Д. Р. и сдѣлавъ на ней надпись „не числить“, я приказалъ составить ассигновку на мое имя, а затѣмъ по полученіи въ казначействѣ денегъ отправился въ строительную контору лично раздать рабочимъ плату за двѣ недѣли. Приступивъ къ раздачѣ, я прежде чѣмъ выдать деньги спрашивалъ каждаго вызваннаго по списку рабочаго, сколько дней онъ работалъ, не было ли прогуловъ и сколько ему причитается. Результаты такихъ опросовъ получились крайне интересные.

Вызываю перваго стоявшаго въ спискѣ каменщика 1-й руки Анкудинова, которому за 12 дней было показано въ спискѣ 30 р. Молчаніе. Повторяю громко: „Петръ Анкудиновъ“. Вышелъ изъ заднихъ рядовъ рабочій и заявилъ, что онъ однопоревенецъ Анкудинова и знаетъ, что мѣсяца три назадъ Анкудиновъ по болѣзни былъ совсѣмъ уволенъ Комитетомъ отъ работъ и отправленъ на родину, гдѣ вскорѣ и умеръ отъ грудной болѣзни. При дальнѣйшихъ вызовахъ рабочіе большею частью заявляли, что работали всѣ 12 дней, что и подтвердилось отмѣтками табелиста, но многіе чистосердечно признались, что по 2, а иногда и по 3 дня прогуливали; нѣкоторые находились въ больницѣ по недѣлямъ и болѣе, а между тѣмъ показаны работавшими по 12 дней. Всего излишне было показано къ выдачѣ болѣе 500 р., которые, въ случаѣ замедленія моего возвращенія, конечно, не попали бы въ казначейство на возстановленіе кредита, а очутились бы въ карманѣ Шестакова, требовательная же вѣдомость была бы вполне очищена расписками получателей, большею частью неграмотныхъ.

Когда разошлись всѣ рабочіе и въ конторѣ остались только главныя дѣйствующія лица, т.-е. Д. Р. и С. и сверхъ того бухгалтеръ Ольшевскій и табелистъ (фамиліи не помню), я обратился къ Д. Р. съ вопросомъ: извѣстно ли ему, что по высочайшему повелѣнію право установить порядокъ дѣлопроизводства въ Комитетѣ предоставлено мнѣ, что составленіе требовательныхъ вѣдомостей, свѣренныхъ съ отмѣтками табелиста, возложено мною на Ольшевскаго, и если ему все это извѣстно, то на какомъ основаніи онъ дозволилъ себѣ отмѣнить мое распоряженіе.

Д. Р., совершенно растерявшійся, сталъ извиняться, утверждая, что онъ рѣшилъ поручить С. составленіе вѣдомости по требованію В. М. Флоринскаго, который изъ Казани прислалъ письмо и настаивалъ въ немъ непремѣнно занять С. работой въ канцеляріи, пока по садоводству ему нечего дѣлать, и что составленную С. вѣдомость, къ сожалѣнію, онъ подписалъ, не читая.

Съ С. объясненіе было непродолжительно: только на первый вопросъ онъ признался, что кромѣ общаго списка рабочихъ онъ получилъ отъ бухгалтера и всѣ отмѣтки табелиста; но этими отмѣтками въ бѣловой вѣдомости не пользовался, а проставилъ всѣмъ по 12 рабочихъ дней, при чемъ подстрочнаго примѣчанія о смерти Анкудинова не замѣтилъ; въ черновомъ же списокѣ (для себя) табельныя отмѣтки были указаны. На дальнѣйшіе вопросы С. ничего болѣе не отвѣтилъ.

При такомъ положеніи дѣла я объяснилъ:

во-первыхъ, Д. Р. что В. М. Флоринскій имѣетъ извѣстныя права и значеніе, какъ членъ Комитета, *только во время своего пребыванія въ Томель*, при отсутствіи же его въ права и обязанности члена Комитета вступаетъ онъ, Д. Р.: такимъ образомъ Флоринскій изъ Казани распоряжаться дѣлами Комитета права не имѣетъ и приведенная выше ссылка Д. Р. представляется вполнѣ неосновательною. Въ виду этого я предложилъ Д. Р. ни въ какомъ случаѣ не касаться установленнаго мною порядка.

и во-вторыхъ, С.—что совершенное имъ покушеніе на подлогъ съ явно-корыстною цѣлью, не осуществившееся только по независѣвшимъ отъ него причинамъ, ставитъ меня въ необходимость предложить ему подать завтра же прошеніе объ увольненіи отъ службы Комитету, или быть привлеченнымъ къ слѣдствію и суду по обвиненію въ указанномъ выше преступленіи.

Шестаковъ предпочелъ первое.

Но эта жалкая „панاما“ на этомъ не кончилась, а имѣла слѣдующее продолженіе:

Въ половинѣ сентября, т.-е. недѣли чрезъ три послѣ описаннаго случая, по городу въ нѣсколькихъ мѣстахъ разбросаны были подметныя письма, въ которыхъ было сказано: „губернаторъ, если ты не прогонишь Ольшевскаго, то тебѣ—пуля“. Полицеймейстеръ собралъ по городу нѣсколько такихъ писемъ, писанныхъ однимъ, повидимому, дѣтскимъ почеркомъ, и заявилъ, что онъ надѣется раскрыть, кто авторъ этого угрожающаго произведенія, если я разрѣшу ему вытребовать изъ мужской и женской гимназій ученическія тетрадки. Я согласился, но предупредилъ, что разслѣдованіе должно быть произведено совершенно секретно.

Чрезъ нѣсколько дней полицеймейстеръ принесъ подметныя письма и тетрадку ученицы 2 класса С. и объяснилъ, что сличеніе почерковъ неотразимо доказало, что письма и записи тетрадки писаны одною и тою же рукою, что въ виду этого онъ обратился къ начальницѣ гимназій съ просьбою о содѣйствіи къ раскрытію истины, что г-жа Фризель вызвала дѣвочку С., которая сначала повторяла, что она ничего не знаетъ, а потомъ расплакалась и призналась, что дѣйствительно 3 или 4 письма написаны ею по приказанію отца.

Выслушавъ докладъ полицеймейстера, я сказалъ, что дѣло нужно прекратить съ одной стороны потому, что Ольшевскій тутъ ни при чемъ, а съ другой угроза С. вообще не серьезна: кто намѣренъ убить, не станетъ предупреждать, а затѣмъ для С. достаточнымъ наказаніемъ будетъ то общее презрѣніе за то, что онъ рѣшился своего ребенка пустить на путь шантажа. Но вышло не по-моему. Какъ-то узналъ объ этомъ инцидентѣ новый генераль-губернаторъ генераль Мещериновъ, очень встревожился и потребовалъ отъ меня подробныхъ свѣдѣній.

По разсмотрѣніи моего донесенія по этому предмету, Мещериновъ сообщилъ, что онъ не можетъ согласиться съ моимъ мнѣніемъ о прекращеніи дѣла; напротивъ, считая Шестакова вреднымъ для высочайше вѣреннаго ему края, предложилъ мнѣ выселить С. изъ предѣловъ Западной Сибири.

Такъ, вслѣдъ за М. М. архитекторомъ закончилъ свою карьеру и второй избранникъ Флоринскаго, повидимому, не обладавшаго талантомъ выбирать хорошихъ помощниковъ.

Заканчивая повѣствованіе объ участи моемъ въ постройкѣ зданій университета, въ заключеніе нахожу не лишнимъ упомянуть, что за мое время главное зданіе *вчернѣ*, какъ и требовалось по смѣтѣ, было вполнѣ закончено, а два корпуса ботанической и инспекторской закончены чистою отдѣлкою, и въ нихъ уже помѣщались семьи Нарановича и Бѣлявскаго, и сверхъ того на послѣдній 4 годъ наготовлено было огромное количество оконныхъ переплетовъ, дверныхъ полотень, мѣдныхъ и желѣзныхъ приборовъ и болѣе 3.000 великолѣпныхъ изразцовъ, приобрѣтенныхъ мною въ Пермской губерніи для голландскихъ печей.

Но не пришлось мнѣ довести это дѣло до конца вслѣдствіе семейной катастрофы, о которой будетъ сказано ниже.

Переходя теперь къ изложенію моей административной дѣятельности, нахожу необходимымъ повторить, что Томская губернія въ то время находилась въ дореформенномъ положеніи и что присущія этому положенію разныя неблаговидныя явленія широко процвѣтали въ ней. Особенно отличались въ этомъ отношеніи: губернское правленіе, казенная палата, уѣздные суды и полиція. Отраднымъ исключеніемъ представлялись только во 1-хъ) врачебная управа, которою руководилъ д-ръ Маткевичъ, широко образованный человѣкъ и замѣчательный окулистъ; и во 2-хъ) губернской судъ, личный составъ котораго по образованію и нравственнымъ качествамъ вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію.

Неудовлетворительное состояніе перечисленныхъ выше учреждений вызывалось, главнымъ образомъ, нищенскими окладами содержанія чиновниковъ, изъ коихъ старшіе, одни—негласно пристраивались къ крупнымъ, многомилліоннымъ конкурсамъ, отъ которыхъ къ концу не оставалось ничего кромѣ десятковъ пудовъ исписанной бумаги (Гороховскій конкурсъ), другіе—всячески покровительствовали богатымъ скопцамъ и бывшимъ откупнымъ героямъ, а нѣкоторые—просто дѣлали займы, конечно, безъ отдачи, т.е. брали замаскированныя взятки; прочіе же чины (*dii minore*) или добывались какихъ-либо постороннихъ занятій (страх. агентуры и проч.) или прибѣгали къ недозволеннымъ способамъ увеличенія своихъ средствъ.

Признавая, съ одной стороны, что суровыя наказанія за разныя проступки и преступленія, подобныя указаннымъ выше, почти никогда не достигаютъ цѣли, побуждая только изошряться въ способахъ хоронить концы въ воду, я сграничился

примѣненіемъ высшаго административнаго взысканія только къ утратѣ умышленной дѣль слѣдственно-уголовныхъ и вексельныхъ, что издавна составляло специфическое зло Томской губерніи. Мой циркуляръ по этому предмету имѣлъ несомнѣнный успѣхъ, такъ какъ въ теченіе трехъ лѣтъ моего управленія только одно вексельное дѣло было умышленно скрыто, за что подкупленный чиновникъ и понесъ заслуженную кару.

Съ другой стороны, такое положеніе дѣла, конечно, не могло быть признаваемо нормальнымъ и прямо указывало на необходимость увеличенія содержанія чиновниковъ, т.-е. на измѣненіе крайне устарѣвшихъ штатовъ¹⁾. Въ виду этого при первомъ же пріѣздѣ въ Петербургъ я подробно доложилъ министру внутр. дѣлъ графу Лорисъ-Меликову о крайне неудовлетворительномъ матеріальномъ положеніи чиновниковъ Томской губерніи и просилъ разрѣшенія внести проектъ увеличенія штатовъ. Министръ отвѣтилъ, что онъ вполне признаетъ справедливость моего ходатайства, но, въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, онъ впередъ знаетъ, что министръ финансовъ рѣшительно не согласится ни на какое увеличеніе, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время уже опредѣлился полный неурожай въ поволжскихъ губерніяхъ, что вызоветъ огромныя затраты казны на обсѣменение полей, а быть можетъ и на продовольствіе жителей.

Примѣчаніе. Измѣненіе штатовъ послѣдовало чрезъ 6 или 7 лѣтъ.

Не болѣе счастливъ былъ я и у другого министра графа Воронцова-Дашкова. Я доложилъ ему, что административныя и судебныя учрежденія Томской губерніи крайне обременены разборомъ многочисленныхъ аграрныхъ споровъ и уголовныхъ преступленій, происходящихъ въ районѣ вѣдомства кабинета его величества. Во многихъ случаяхъ путемъ инструментальнаго измѣренія администраціей было установлено, что межваніе Алтайскаго округа въ 20-хъ годахъ прошедшаго столѣтія было произведено до такой степени неправильно, что даже страны свѣта на планахъ показаны обратно (S вмѣсто N) или вовсе не показаны, а живыя урочища, находившіяся въ дѣйствительности далеко отъ двухъ сосѣднихъ участковъ, нанесены на планъ какъ граничныя. Это вызывало множество

¹⁾ Окружный (уѣздный) судья получалъ 50 р. въ мѣсяць, члены суда и стражій по 37 р. 50 к., столоначальники по 28 р., помощники еще меньше, о канцелярскихъ чиновникахъ и говорить нечего.

Въ полицейскихъ учрежденіяхъ такіе же оклады.

недоразумѣній и даже безпорядковъ. Не говоря уже о томъ, что старожилы постоянно захватывали свободныя, т. е. кабинетскія земли, но они продавали эти земли новоселамъ, въ видѣ пріемныхъ приговоровъ по 125 руб. съ семейства и съ обязательствомъ отпирать вмѣсто нихъ дорожную повинность. Устранить такое положеніе возможно только путемъ новаго межеванія, назначивъ для этого 4 партіи по числу уѣздовъ, въ коихъ находятся земли кабинета (всего свыше 40 милліоновъ десятинъ), и можно надѣяться, что въ теченіе 10 лѣтъ все было бы приведено въ должный порядокъ.

Выслушавъ мой докладъ, графъ сказалъ, что все это было бы желательно, но для осуществленія такого предпріятія въ настоящее время нѣтъ средствъ.

Совершенно по инымъ мотивамъ отнесся отрицательно къ моему представленію министръ финансовъ Бунге. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ:

Туркестанскій генераль-губернаторъ Кауфманъ обратился ко мнѣ съ просьбой сдѣлать распоряженіе о производствѣ обыска у томскаго купца Егора Петровича Исаева и объ отсылкѣ къ слѣдователю, полковнику Путинцеву, всѣхъ документовъ, касающихся постройки и оборудованія въ городѣ Ходжентѣ заводовъ Исаева виннаго и стекляннаго. При этомъ генераль Кауфманъ объяснилъ, что въ 1880 году кокандцы, тогда еще пользовавшіеся самостоятельностью, совершили разбойничій набѣгъ на гор. Ходжентъ и ограбили у разбѣжавшихся жителей имущество, узнали скотъ и лошадей, а всѣ строенія разрушили, въ томъ числѣ сожгли оба завода Исаева.

Но воспользоваться добычей кокандцамъ не удалось, такъ какъ командированный подъ предводительствомъ полковника Скобелева казачій отрядъ настигъ ихъ, разбилъ наголову, отобралъ награбленное и наложилъ крупную контрибуцію. На счетъ этой контрибуціи генераль Кауфманъ призналъ справедливымъ вознаградить пострадавшихъ отъ набѣга жителей, о чемъ населеніе Ходжента и было оповѣщено, съ предупрежденіемъ однако, что убытки должны быть показаны въ размѣрѣ ихъ дѣйствительной стоимости и съ приложеніемъ, по возможности, оправдательныхъ документовъ.

Впослѣдствіе этого объявленія управляющій ходжентскими заводами Исаева въ прошеніи своемъ заявилъ, что сооруженіе виннаго завода обошлось въ 17 т. р., а стекляннаго— 5 тыс. р.

На этомъ прошеніи ген. Кауфманъ положилъ такую резолюцію:

„Винные заводы не значатся въ спискѣ тѣхъ *полезныхъ* предприятий, на устройство которыхъ сдѣланъ былъ мною вызовъ желающихъ, и потому назначать вознагражденіе за винный заводъ Исаева, непризнаваемый мною полезнымъ для края, не нахожу возможнымъ. За стеклянный же заводъ вознагражденіе назначаю въ суммѣ, опредѣлившейся по провѣркѣ документовъ и согласно ходатайству просителя, т.-е. 5 тысячъ руб.

Когда резолюція стала извѣстна Исаеву, онъ прислалъ изъ Томска прошеніе, въ которомъ заявилъ, что управляющій его заводами по неопытности и неимѣнію *вѣсъ*, относящихся къ заводамъ, документовъ, неправильно опредѣлилъ оцѣнку ихъ: винный заводъ—въ 17 тыс., а стеклянный—въ 5 тыс. Напротивъ, по книгамъ и документамъ главной его, Исаева, конторы значится, что постройка съ оборудованіемъ виннаго завода обошлась всего въ 12 тыс., а стекляннаго—въ 38 тыс., въ каковой суммѣ (всего 50 тыс.) онъ и проситъ выдать ему вознагражденіе.

Въ виду такого рѣзкаго противорѣчія въ заявленіяхъ по одному и тому же предмету, генераль Кауфманъ поручилъ полковнику Путинцеву произвести формальное слѣдствіе, а меня просилъ, какъ сказано выше, сдѣлать распоряженіе о производствѣ обыска въ главной конторѣ Исаева въ Томскѣ.

Обыскъ, произведенный полицеймейстеромъ Чижомъ, вполне подтвердилъ явную несостоятельность домогательства Исаева, такъ какъ найденные въ его главной конторѣ подлинныя счета и другіе документы во всемъ соотвѣтствовали заявленію управляющаго ходжентскими заводами, опредѣлившаго ихъ стоимость въ 17 т. и въ 5 тыс. Но вмѣстѣ съ тѣмъ при обыскѣ были обнаружены какіе-то странные документы (счета, расписки, отчеты и др.), по которымъ стоимость стекляннаго завода исчислялась Исаевымъ уже не въ 5 тыс. и не въ 38 тыс., а равнялась будто бы 175 тыс. руб.!.....

Объясненіе этой странности заключалось въ оттискѣ письма (въ копировальной книгѣ) Исаева къ управляющему Томскою казенною палатою А. и отвѣтъ послѣдняго Исаеву.

Исаевъ сообщилъ, что генераль-губернаторъ Кауфманъ приказалъ произвести слѣдствіе о заводахъ, и онъ, Исаевъ, не знаетъ, что теперь дѣлать?! На это А. отвѣтилъ слѣдующее:

„Любезный другъ Егоръ Петровичъ. Заводы въ жизни чело­вѣка горять единожды, и нужно быть дуракомъ, чтобъ при такой оказіи не счистить съ казны сотни двѣ тысячи. Хотя ты заявилъ за стеклянный заводъ только 38 тыс., но теперь смѣло заявляй, что ты предположилъ заводъ расширить и сдѣлать уже обширную подготовку (машины, специалисты-мастера и проч.) и немедленно составляй соотвѣтственные документы“.

(Подписано). Твой весь А.

Обсудивъ это новое и совершенно неожиданное обстоя­тельство (письмо А.), я пришелъ къ заключенію, что не имѣю права скрыть предъ министромъ финансовъ, что высшій пред­ставитель финансовыхъ интересовъ въ губерніи внушаетъ зар­вавшемуся бывшему откупному герою Исаеву, что казну нужно ограбить на 200.000 руб., и научаетъ, какъ это слѣдуетъ сдѣ­лать, а именно—составить подложные документы.

Поэтому, въ виду разрѣшеннаго мнѣ пріѣзда въ Петер­бургъ, я рѣшилъ документально ознакомить министра финан­совъ Бунге съ крайне предосудительною дѣятельностью Ги­лярова, настоятельно вызывающею необходимость строгой всесторонней ревизіи.

Докладъ мой министру продолжался всего четверть часа, при чемъ Бунге предложилъ мнѣ только одинъ вопросъ: „дѣйствительно ли это письмо собственноручное А.“? Оставляя въ сторонѣ грубость и несуразность этого вопроса, я отвѣтилъ, что письмо несомнѣнно собственноручное и что въ этомъ можно хоть сегодня удостовѣриться въ канцеляріи и департаментахъ министерства, такъ какъ тамъ имѣется множество автографовъ А.. На удивленіе, выразившееся на лицѣ Бунге, я объяснилъ, что А. усвоилъ привычку почти къ каждой сколько-нибудь серьезной бумагѣ дѣлать въ концѣ собственноручную приписку своимъ характернымъ полууставнымъ почеркомъ для того, какъ онъ заявлялъ не­рѣдко, чтобъ тамъ (въ министерствѣ) не подумали, что я подписываю бумаги, не читая.—Въ заключеніе Бунге просилъ меня передать записку и подлинное письмо временному директору канцеляріи, Дмитрію Аркадьевичу Тимирязеву, къ которому я прямо отъ министра и отправился. Объяснивъ Тимирязеву (товарищу моему по Нѣжинской гимназії и Кіев­скому университету) существо дѣла, я передалъ ему прика-

заніе министра доложить это дѣло въ непродолжительномъ времени. Но, къ удивленію моему, Тимирязевъ заявилъ, что онъ калифъ на часъ и не находитъ удобнымъ впутываться въ такое дѣло; скоро возвратится изъ отпуска директоръ Мицкевичъ, пусть онъ и докладываетъ.

Мицкевичъ, вызвавъ А. въ Петербургъ, послѣ личныхъ объясненій, придалъ письму видъ шутки и... съ миромъ отпустилъ А. въ Томскъ, вручивъ ему его скандальное письмо.

Невольна напрашивается вопросъ: шутка ли это была или что иное?

Переходя къ изложенію другихъ явленій жизни губерніи, я остановлюсь только на болѣе характерныхъ, съ которыми мнѣ приходилось считаться.

Арестантская рота.

По мысли законодателя арестантскія роты должны были служить достиженію цѣли исправленія людей, впавшихъ по своимъ ли порочнымъ наклонностямъ или по стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ въ менѣе тяжкія преступленія. Предполагалось, что цѣль будетъ достигаться, съ одной стороны, лишеніемъ свободы на опредѣленный судомъ срокъ, а съ другой—принудительными работами, строгимъ режимомъ и религіозно-нравственными постановленіями. Конечно, всѣ эти мѣры хороши сами по себѣ, но при одномъ существенномъ условіи—нормальнаго питанія людей, лишенныхъ свободы и обязанныхъ ежедневно произвести извѣстное количество тяжелой работы. Къ сожалѣнію, это условіе отсутствовало: арестанты жили впроголодь и оттого часто хворали, изъ-за упадка силъ плохо работали, иногда оказывали неповиновеніе и вообще ожесточались противъ начальства. Все это мнѣ было давно извѣстно по прежней {службѣ и все только въ большей степени оказалось и въ Томскѣ.

По вступленіи въ управленіе, я приказалъ смотрителю арестантской роты представить мнѣ мѣсячную вѣдомость о личномъ составѣ, о произведенныхъ арестантами казенныхъ и частныхъ работахъ и о вырученныхъ деньгахъ. Обративъ вниманіе на весьма значительную цифру побѣговъ за истекшій мѣсяцъ, я спросилъ: отчего бѣгутъ не только тѣ арестанты, которымъ еще долго приходилось быть въ ротѣ, а и тѣ, коимъ до окончанія срока оставалось всего 4 мѣсяца, какъ напр., показанный въ вѣдомости Никита Сидоровъ? Смотри-

тель отвѣтилъ, что, съ одной стороны, составъ надзирателей въ ротѣ недостаточенъ, такъ что при отправкѣ арестантовъ на городскія работы въ числѣ 15—20 чел. приходится командировать только одного надзирателя, которому физически невозможно услѣдить за всѣми 20 арестантами, а съ другой—какъ только время подходитъ къ веснѣ, то у нѣкоторыхъ арестантовъ появляется какое-то безпокойство, безсонница и вообще явное болѣзненное состояніе, которое докторъ называетъ „носталгіей“, и вотъ, такіе неудержимо стремятся убѣжать, несмотря ни на что.

Объясненіе зрителя, хотя и довольно правдоподобное, показалось мнѣ не вполне удовлетворительнымъ, и я предупредилъ, что скоро самъ побываю въ ротѣ и посмотрю, какъ живутъ арестанты.

Черезъ нѣсколько дней я отправился въ роту, и какъ только вошелъ въ корридоръ, какъ былъ пораженъ необычнымъ зловоніемъ и спросилъ, вѣроятно, лопнула фановая труба? но получилъ въ отвѣтъ, что это арестанты обѣдаютъ и что зловоніе происходитъ отъ арестантскаго „приварка“, т.-е. щей, разносившихся въ ушатахъ изъ кухни во всѣ этажи на обѣдъ арестантамъ. Конечно, я поинтересовался узнать, изъ какихъ же продуктовъ готовились щи, отъ которыхъ у свѣжаго человѣка вызывались головокруженіе и тошнота?

Оказалось, что, такъ какъ изъ казны на содержаніе роты деньги отпускались только на хлѣбъ, приварокъ же относился на заработную сумму, а таковой въ кассѣ всегда было недостаточно, чтобъ пріобрѣтать доброкачественные продукты, то по печальной необходимости вошло въ обычай посылать арестантскаго старосту съ подручнымъ собирать подаваніе. Староста обходилъ мясныя и зеленныя лавки для сбора пожертвованій, которыя состояли исключительно изъ гнилой капусты, долго-лежалыхъ бычачьихъ лбовъ и хвостовъ и соли. Приготовленныя изъ такого матеріала щи, помимо одуряющей вони, хотя и производили ощущеніе полноты желудка, но въ смыслѣ питанія были совершенно ничтожны и вызывали постоянное ощущеніе голода, сильную худобу, упадокъ силъ, частыя желудочныя заболѣванія и... неудержимое стремленіе къ побѣгу. „Голодъ не тетка“, говоритъ пословица.

Хотя надъ арестантскою ротою поставлены были попечители—уже упомянутый выше Дмитріевъ - Мамоновъ и французскій еврей Александръ Жилль,—которые обязаны были заботиться о возможно удовлетворительномъ продовольствіи

арестантовъ, но никакой заботы, никакого попеченія, очевидно, о ротѣ они не прилагали, и для меня было ясно, что рассчитывать на полезное содѣйствіе ихъ на улучшеніе продовольственной части роты было бы совершенно напрасно. Возбуждать предъ министромъ ходатайство объ увеличеніи кормового довольствія, очевидно, было бы бесполезно,—получился бы отказъ, опять-таки, по причинѣ затруднительнаго „положенія государственнаго казначейства“. Да если бы на ходатайство и послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ, то могъ бы онъ придти въ Томскъ чрезъ полгода, а то и чрезъ годъ. Между тѣмъ продолжать поддерживать кормленіе людей описанною выше мерзостью было не только зазорно для администраціи, но и опасно для города и окрестностей, потому что вслѣдствіе голоданія побѣги продолжались и вмѣстѣ съ тѣмъ участились случаи воровства и грабежей.

Въ виду такого положенія я распорядился организовать крупныя работы арестантскимъ трудомъ для университета, какъ-то: земляныя (рытье канавъ подъ фундаменты), поковочныя (желѣзныя связи, штыри, проухи и стропильныя скобы), катальныя, о коихъ сказано выше въ описаніи лѣсной операци и, наконецъ, кирпичныя, для университетскаго завода. Для руководства кузнечными и слесарными работами, требовавшими извѣстной точности, мнѣ удалось пріискать опытнаго и добросовѣстнаго техника, который менѣ чѣмъ въ полгода основательно обучилъ нѣсколько десятковъ кузнецовъ и чело-вѣкъ пять слесарей¹⁾.

Заработная плата арестантамъ назначена была такая же, какъ и вольнымъ рабочимъ, но съ тѣмъ, что, за отчисленіемъ извѣстной части въ казну, остальные деньги поступали въ общую артельную приварочную сумму, на счетъ которой староста пріобрѣталъ не гнилую капусту и разлагавшіеся лбы и хвосты, а свѣжее мясо, крупу, лукъ, картофель и проч.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ объясненнаго распоряженія было полное прекращеніе побѣговъ и уменьшеніе воровства въ Томскѣ, замѣтно также было нѣкоторое улучшеніе санитарнаго состоянія роты, какъ удостовѣрялъ неоднократно инспекторъ врачебной управы.

¹⁾ Вслѣдствіи этотъ техникъ основалъ собственное экипажное заведеніе, и нѣкоторые изъ его учениковъ-арестантовъ, отбывъ свои сроки въ ротѣ, устроились у него въ качествѣ опытныхъ мастеровъ.

Женщины-бродяги и законъ 17 апрѣля 1863 г.

Въ дореформенное время полиція была не только распорядительнымъ установленіемъ, но по нѣкоторымъ дѣламъ (напр. о бродягахъ) она представлялась судебнымъ органомъ и постановляла свои рѣшенія коллегіально по такъ называемой „полицейской расправѣ“. При задержаніи бродягъ отъ нихъ отбирались показанія, которыя въ общемъ были одинаковы, но различались только по времени задержанія. Если бродяга былъ арестованъ осенью, когда наступали уже холода, и ему нужно было спастись на казенной квартирѣ отъ холода и голода, онъ обыкновенно заявлялъ на допросѣ, что проживалъ въ такой-то *дальней* губерніи, питаясь мірскимъ подаяніемъ, не совершилъ тамъ ничего преступнаго, за безписьменность былъ арестованъ (напр.) въ гор. Харьковѣ, но изъ камеры судебного слѣдователя успѣлъ убѣжать и добрался до такой-то волости въ Сибири, гдѣ и задержанъ. Давая такое показаніе, бродяга хорошо зналъ, что пройдетъ осень и зима, пока изъ далекаго Харькова или Екатеринослава будутъ получены объ немъ отрицательныя справки и затѣмъ состоится напередъ ему извѣстное рѣшеніе, что такъ какъ показаніе его справками не подтвердилось, то, признавая его бродягою, упорно скрывающимъ свое родоприсхождение, полицейская расправа постановляетъ: сослать его въ мѣста болѣе отдаленныя, не лишая его правъ, какъ уже ранѣе лишеннаго таковыхъ, но предварительно подвергнуть наказанію ударами¹⁾ плетей. А затѣмъ онъ былъ увѣренъ, что при движеніи партіи пѣше-этапнымъ порядкомъ по крайне пересѣченнымъ горнымъ и лѣснымъ мѣстностямъ, при первомъ удобномъ случаѣ онъ изъ партіи убѣжитъ и цѣлое лѣто будетъ наслаждаться свободой по лѣсамъ и полевымъ избушкамъ, питаясь мірскимъ подаяніемъ. Если же задержаніе случилось ранней весной, то онъ обыкновенно признается, что онъ бродяга, непомнящій родства, нигдѣ за знамобѣлаго не проживалъ и проч. О такомъ бродягѣ собирать справокъ не было надобности, и рѣшеніе полицейской расправы, подобное приведенному выше, составлялось безъ замедленія.

Въ числѣ многихъ такихъ постановленій, которыя мнѣ предстояло утверждать и собственноручно вписывать въ про-

¹⁾ Отъ 20 до 30.

бѣлѣ число ударовъ плетей, попалося одно рѣшеніе о бродягѣ Еленѣ, непомнящей родства, и ее тоже въ этомъ рѣшеніи предположено было „подвергнуть наказанію ударами плетей“. Усомнившись въ правильности этого рѣшенія, я позвалъ начальника судебного отдѣла канцеляріи губернатора и спросилъ:

— Развѣ ему неизвѣстно, что еще 17-го апрѣля 1863 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для женщинъ?

Онъ отвѣтилъ, что это повелѣніе ему извѣстно, но оно касается только женщинъ свободнаго состоянія, а не бродягъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія; затѣмъ онъ прибавилъ, что мой предшественникъ входилъ въ сношеніе по этому вопросу съ сосѣдними сибирскими губернаторами, которые отвѣтили, что и они въ такомъ же смыслѣ понимаютъ повелѣніе 17 апр. 1863 г. и потому къ женщинамъ-бродягамъ неукоснительно примѣняютъ наказаніе 20 ударами плетей.

Признавъ такое толкованіе совершенно произвольнымъ, потому что въ высочайшемъ повелѣніи, отмѣнившемъ тѣлесное наказаніе женщинъ, не сдѣлано никакого различія между женщинами свободными и безправными, я разъяснилъ начальнику судебного отдѣла, что какой бы проступокъ ни совершила женщина, изъ-за котораго утратила свои гражданскія права, существо ея природы не измѣнится, она останется тою же, какъ и до проступка. Слѣдовательно, не полноправіе или безправіе вызвало изданіе этого закона, а самая природа женщины и присущія ей условія: стыдливость и возможность беременности, которую всегда слѣдуетъ предполагать, сознавая, что тѣлесное наказаніе поражаетъ не только женщину-бродягу, но и находящееся въ ея утробѣ существо; и если сама женщина перенесетъ наказаніе, то плодъ будетъ несомнѣнно убитъ.

Въ виду этого я призналъ, что ограничительное толкованіе означеннаго закона, произвольно лишившее женщинъ-бродягъ гуманнаго и справедливаго отношенія къ нимъ законодателя, не имѣло никакого основанія.

Поэтому я приказалъ на будущее время въ постановленіяхъ „полицейской расправы“ о женщинахъ-бродягахъ не помѣщать вышеприведенныхъ словъ: „но предварительно подвергнуть ихъ наказанію ударами плетей“, а ограничиваться только указаніемъ о водвореніи ихъ въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ.

Спустя 15 или 16 лѣтъ и Правительствующій Сенатъ разъяснилъ, что законъ 17 апр. 1863 г. объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній женщинъ относится безусловно къ женщинамъ вообще, въ томъ числѣ и къ лишеннымъ правъ состоянія.

Владимірскій дѣтскій пріютъ.

За 18 лѣтъ до вступленія моего въ управленіе губерніей, въ Томскѣ, по случаю сильной эпидеміи тифа въ пересыльной тюрьмѣ, экстренно основанъ былъ пріютъ для арестантскихъ дѣтей, родители коихъ умерли въ этой тюрьмѣ. Инициатива основанія пріюта принадлежала женѣ губернатора Аделаидѣ Алексѣевнѣ Родзянко, а къ ней на помощь пришла жена потомственного почетнаго гражданина Алевтина Петровна Михайлова, пожертвовавшая для пріюта обширный участокъ земли на окраинѣ города съ очень хорошимъ двухэтажнымъ домомъ. Впослѣдствіи она же, Михайлова, построила обширное отдѣленіе съ мастерскими для мальчиковъ, церковь и разныя службы. Въ первое время въ пріютъ помѣщались дѣйствительно только арестантскія дѣти—круглыя сироты, и на содержаніе ихъ деньги, по 10 коп. въ день, требовались изъ казны, съ прибавкой небольшой суммы ежемѣсячно на администрацію. Но впослѣдствіи пріютское попечительство стало принимать сиротъ и полусиротъ, родители коихъ принадлежали къ разнымъ свободнымъ сословіямъ, и такихъ было втрое больше; при чемъ и на этихъ дѣтей (отъ 65 до 80 чел.) и на увеличенную администрацію, а также ремонтъ зданій, деньги требовались тоже изъ казны. Всего въ годъ на пріютъ расходовалось отъ 8 до 10 тыс. руб.

На первыхъ порахъ и я подписалъ двѣ ассигновки на отпускъ денегъ на содержаніе пріюта. Но затѣмъ при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣлами пріюта выяснилось, что на учрежденіе пріюта не было своевременно испрошено разрѣшенія правительственной власти, слѣдовательно, онъ существовалъ безъ всякаго законнаго основанія; что если до нѣкоторой степени можно было оправдать требованіе изъ казны денегъ собственно на арестантскихъ сиротъ, то никакого права попечительство не имѣло посылать свои требованія и на содержаніе остальныхъ дѣтей свободныхъ сословій. Въ виду этого я поставленъ былъ въ прискорбную необходимость требованіе отпуска денегъ на пріютъ прекратить.

Но упразднить, закрыть пріютъ съ его 120-ю питомцами, конечно, было невысказано. Озабочиваясь поэтому дальнѣйшею судьбой пріюта, я созвалъ въ засѣданіе членовъ пріютскаго попечительства и предложилъ имъ обсудить хотя не новое, но давно забытое ими, положеніе пріюта. При этомъ я объяснилъ, что не считаю это положеніе совсѣмъ безнадежнымъ, такъ какъ предусматриваю возможность выхода изъ этого затрудненія, только не теперь немедленно, а чрезъ годъ или нѣсколько болѣе, потому что по вопросу о легализаціи пріюта потребуется сношеніе съ Петербургомъ.

Въ этомъ засѣданіи вопросъ остался открытымъ. Но вечеромъ того же дня ко мнѣ пришелъ одинъ изъ членовъ попечительства, Андрей Николаевичъ Пастуховъ, и заявилъ, что если основательница пріюта, Алевтина Петровна Михайлова, откажется отъ содержанія его, то онъ, Пастуховъ, готовъ взять эту обязанность на себя въ теченіе года или болѣе, сколько будетъ нужно. „Меня побуждаетъ“, сказалъ Андрей Николаевичъ, „какъ жалость къ этимъ крошкамъ, изъ которыхъ выйдутъ, быть можетъ, хорошіе люди, такъ особенно опасеніе, что на насъ, членовъ попечительства, обрушится неудовольствіе городского общества, если съ любимымъ, дорогимъ пріютомъ случится какое-либо неблагополучіе“.

Я былъ глубоко тронутъ этимъ великодушнымъ порывомъ простаго русскаго человѣка и горячо поблагодарилъ его.

Жертва Пастухова, однако же, не потребовалась, потому что А. П. Михайлова письменно заявила, что она будетъ поддерживать пріютъ до окончательнаго разрѣшенія его судьбы.

Мой планъ заключался въ томъ, чтобы передать пріютъ въ вѣдомство учреждений императрицы Маріи, что предоставляло бы пріютскому попечительству право устраивать въ пользу пріюта разныя увеселенія съ *лотерей-аллеги*, весьма любимой томскими жителями и всегда имѣвшей хорошей успѣхъ. Но для достиженія этой цѣли необходимо было составить для пріюта болѣе или менѣе значительный капиталъ, такъ какъ упомянутое вѣдомство неохотно принимало подъ свое покровительство благотворительныя учрежденія, у которыхъ не было солиднаго обезпеченія.

На мой призывъ къ пожертвованіямъ на пріютъ первымъ откликнулся Андрей Николаевичъ Пастуховъ, представившій мнѣ въ „о“ныхъ бумагахъ пятитысячный взносъ, предоставившій званіе *пожизненнаго почетнаго* члена съ правами, указанными въ высочайше утвержденномъ Положеніи о вѣдомствѣ

учрежденій императрицы Маріи. Вслѣдъ за Пастуховымъ такіе же взносы (по 5 тыс.) представили: Ѡ. Х. Пушниковъ, Е. Н. Кухтеринъ, Никита Нестеровичъ Вяткинъ и С. С. Валгусовъ. Нѣкоторые же лица пожелали быть только *временными* почетными членами и внесли по 250 руб. въ годъ. Такихъ было въ первый годъ 5 человѣкъ. Всего было собрано съ менѣе значительными суммами болѣе 30 тыс. руб., что съ прежнимъ капиталомъ пріюта (18 т.) и $\frac{0}{10}\frac{0}{10}$ составило до 54 тыс. руб.

Представленіе мое о принятіи пріюта въ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи и о наименованіи пріюта Владимірскимъ въ память пощщенія въ 1868 г. великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ было высочайше утверждено въ сентябрѣ 1881 г., а 30-го декабря того же года въ первый разъ на законномъ основаніи устроена была въ военномъ манежѣ лотерея-аллегри и маскарадъ, давшіе болѣе 6 тыс. руб. чистаго дохода.

Сообщивъ здѣсь краткую исторію Владимірскаго пріюта, я былъ бы несправедливъ умолчать о многолѣтней дѣятельности главной смотрительницы пріюта, Маріи Александровны Тепловой. Она принадлежала къ почтенному семейству въ Тобольскѣ, и въ томъ же городѣ окончила полный курсъ Маріинской женской гимназіи (вѣдомства учрежденій императрицы Маріи) со званіемъ домашней наставницы. Приглашенная въ Томскъ на означенную должность, она отказала нѣсколькимъ женихамъ и всецѣло посвятила себя въ теченіе болѣе 30 лѣтъ Владимірскому пріюту. Это была высокая, стройная женщина, всегда тщательно, хотя скромно одѣтая, привѣтливая, но немногорѣчивая; ея отвѣты были обстоятельны, а распоряженія—кратки и ясны. Въ дѣлѣ воспитанія она стояла на вполнѣ правильной почвѣ: изъ ввѣренныхъ ей дѣтей она не готовила для самостоятельной жизни барышень и баричей; напротивъ, она заботилась, во-первыхъ, чтобы воспитанники и воспитанницы были всѣ грамотны, а потомъ пріучала дѣтей съ 6—7-лѣтняго возраста постепенно къ работамъ домашняго обихода, начиная съ уборки комнатъ, мытья половъ, услугъ въ кухнѣ, и доводя дѣвочекъ до болѣе сложныхъ занятій: вязаньемъ, шитьемъ и кройкой, а мальчиковъ—столярнымъ и сапожнымъ мастерствомъ. Санитарная сторона пріюта, къ которой Марія Александровна относилась съ самымъ пристальнымъ вниманіемъ, находилась въ весьма удовлетворительномъ состояніи. При малѣйшемъ подозрѣніи, что у кого-либо изъ дѣтей появлялось сомнительное недомоганіе или сыпь, боль-

ной ребенокъ немедленно отдѣлялся въ особую камеру, а инспектору врачебной управы, доктору Маткевичу, посылалось приглашеніе; затѣмъ по прибытіи его принимались соотвѣтственныя мѣры. За мое время въ теченіе 3 лѣтъ одиночные случаи заразныхъ болѣзней были, но повальныхъ не было.

Да, много добра и счастья принесла эта хорошая женщина сотнямъ своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ.

Духовенство и сектанты.

Выше было сказано, что, прослуживъ почти 20 лѣтъ въ вѣдомствѣ государственнаго контроля, я вовсе не соприкасался съ политическою стороною положенія дѣлъ въ Россіи и Сибири и мало ее зналъ. Здѣсь я долженъ сказать, что и съ духовнымъ вѣдомствомъ по службѣ не имѣлъ никакихъ отношеній и только смутно зналъ, что отношенія администраціи и епархіальнаго вѣдомства въ Томской губерніи были нѣсколько натянутыми.

Но когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я достаточно ознакомился съ разными сторонами предстоявшей мнѣ задачи, я увидѣлъ, что мнѣ придется вести тяжелую борьбу съ мѣстнымъ епископомъ, привыкнувшимъ при губернаторѣ Супруненкѣ смотрѣть на администрацію, какъ на свою служебную силу, обязанную безпрекословно исполнять всѣ его требованія. Между тѣмъ требованія эти не всегда были законны и разумны, какъ это видно изъ нижеслѣдующаго:

Весь югъ Томской губерніи былъ густо заселенъ старообрядцами-безпоповцами, переселенными и частью добровольно переселившимися въ разное время изъ Вологодской губерніи. Въ физическомъ и нравственномъ отношеніи люди эти представлялись прямо образцовыми: рослые, могучіе красавцы, абсолютно трезвые, честные, почти всѣ грамотные, исправные плательщики всѣхъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ налоговъ и повинностей и особенно исправные въ поставкѣ рекрутовъ. Женщины были еще болѣе красивыя, работящія и безукоризненно строгихъ нравовъ. Земли и заливныхъ луговъ въ долинахъ р.р. Чарыша, Біи, Катуня и др. было у старообрядцевъ изобильно, что давало имъ возможность при ихъ необычайномъ трудолюбіи и абсолютной трезвости развить въ широкихъ размѣрахъ хлѣбопашество, скотоводство и коневодство, а многочисленныя липовыя рощи въ долинахъ и ущельяхъ Алтая вызвали къ жизни обширное пчеловодство. При такихъ

условіяхъ матеріальное благосостояніе раскольниковъ постоянно увеличивалось и они становились все болѣе и болѣе богатыми, такъ что въ средѣ православнаго населенія и духовныхъ пастырей возникла къ нимъ зависть и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе такъ или иначе подчинить ихъ духовной власти. Жили раскольники скромно, пропагандой не занимались, никого въ расколъ не совращали. Казалось бы, не къ чему придратъся. Но изобрѣтательный „благочинный“ нашель-таки „пятку Ахиллеса“. Онъ сталъ доносить архіерею, что такіе-то крестьянскіе сыновья, зарегистрированные по метрическимъ книгамъ какъ православныя, вступили въ бракъ съ раскольничьими „дѣвками“, но браки эти повѣнчаны не священникомъ въ православной церкви, а въ частныхъ домахъ „по благословенію раскольничьихъ стариковъ“.

Архіерей, поставившій, повидимому, своею главною задачею притѣсненіе раскольниковъ, немедленно обратился къ губернатору Супруненку съ такимъ письмомъ:

„Благочинный (такой-то) донесъ, что крестьянскій сынъ Сидоровъ (православный) сошелся на блудное сожителство съ раскольничьею дѣвкой и, несмотря на увѣщаніе мѣстнаго священника, продолжаетъ сожителствовать съ оною блудницею. А посему въ устраненіе дальнѣйшаго соблазна и разврата, прошу Ваше Пр-во сдѣлать распоряженіе о производствѣ строжайшаго слѣдствія, а между тѣмъ нынѣ же помянутаго Сидорова развести съ названною блудницею; о точномъ же исполненіи сего меня увѣдомить“.

За первымъ письмомъ о Сидоровѣ послѣдовало второе о Карповѣ, затѣмъ объ Ивановѣ и такъ далѣе, до 16 или 17 писемъ. Каждый разъ губернаторъ предписывалъ исправнику исполнить требованіе архіерея, но прибавлялъ—если не встрѣтится законнаго препятствія. Исправникъ предписывалъ о томъ же земскому засѣдателю (становому), а тотъ—волостному правленію. Правленіе, въ свою очередь, вызывало Сидоровыхъ, Карповыхъ и др., объявляло имъ предписаніе и отбирало отъ нихъ подписку въ томъ, что предписаніе имъ объявлено и что они обязываются въ точности его исполнить.

Исполняли они обыкновенно такъ: раздѣзжались—или—вѣрнѣе—расходились каждый къ своимъ родителямъ на 2—3 дня, а затѣмъ снова сходились въ своемъ домѣ. Это волостной писарь имъ подшепнулъ, что ни въ письмахъ архіерея, ни въ предписаніяхъ губернатора не сказано: „развести навсегда“. Получилась какая-то нелѣпая игра, продолжавшаяся

около двухъ лѣтъ, увы! ничего не прибавлявшая къ увеличенію престижа духовной и свѣтской власти.

Наконецъ, архіерей, подстрекаемый доносами благочиннаго, обратился съ угрозою къ губернатору: если его требованія не будутъ исполнены немедленно, то онъ будетъ поставленъ въ необходимость обо всемъ донести оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцеву.

Угроза подѣйствовала. Супруненко зналъ, что такое все-сильный Константинъ Петровичъ, и потсропился предписать исправнику безотлагательно разлучить всѣ 16 (или 17) паръ, размѣстивъ мужчинъ въ одномъ волостномъ правленіи, а женщинъ при другомъ сосѣднемъ, при чемъ предупредилъ, что если это не будетъ исполнено въ теченіе десяти дней, то онъ будетъ уволенъ въ отставку. Распоряженіе было исполнено, но результаты получились, какихъ Супруненко, конечно, не ожидалъ. Еще мужчины размѣстились кой-какъ, частью при волости, а частью у знакомыхъ крестьянъ; но женщины съ грудными и годовалыми ребятами очутились въ отчаянномъ положеніи: цѣлыхъ 3 недѣли ютились онѣ въ одной комнатѣ при волости¹⁾. Тѣснота, духота, паразиты, грязь, тяжелый воздухъ и недостатокъ питанія и движенія сдѣлали свое дѣло: у молодыхъ матерей пропало молоко, грудныя дѣти отъ сырого коровьяго молока заболѣвали кровавой дизентеріей и быстро погибали, появились и другія болѣзни у ребятъ и у взрослыхъ.

Къ счастью, узналъ объ этомъ генераль-губернаторъ Н. Г. Казнаковъ и по телеграфу предписалъ Супруненку отмѣнить незаконное распоряженіе, водворивъ разлученныя пары въ мѣстахъ ихъ постоянного жительства, командировать врача для подачи медицинской помощи и затѣмъ... прислать прошеніе объ отставкѣ.

Казалось бы, грозное распоряженіе Казнакова нанесло ко-свенно сильный ударъ и архіерею Петру, и можно было ожидать, что онъ прекратитъ наконецъ свои незаконныя требованія о преслѣдованіи старообрядцевъ; но онъ только на 6—7 мѣсяцевъ нѣсколько присмирѣлъ и не бомбардировалъ своими письмами временно управлявшаго губерніей Дмитріева-Мамонова. Когда же я вступилъ въ исполненіе моихъ обязанностей и когда стало извѣстно, что Казнаковъ тяжело захворалъ и увезенъ въ Петербургъ, то вскорѣ архіерей прислалъ мнѣ свое шаблонное письмо съ любезными ему выра-

¹⁾ Такъ называемой „мірской избѣ“.

женіями „блудное сожительство, дѣвка-блудница, развратъ“ и проч. съ требованіемъ назначить строжайшее слѣдствіе и разлучить нынѣ же блудную пару Дмитріевыхъ.

Вмѣсто немедленнаго исполненія этого требованія, я отправился къ архіерею, чтобы личнымъ объясненіемъ поставить вопросъ на ясную почву. Я заявилъ ему, что при разсмотрѣніи вышеупомянутыхъ дѣлъ о разлученіи 16 паръ оказалось, что всѣ мужья отрицали, что они православные, и рѣшительно недоумѣвали, почему они внесены въ церковныя метрическія книги; священникомъ они не были крещены и мвропомазаны, у исповѣди и причастія никогда не бывали, а были всегда старообрядцами-христіанами; браки свои признаютъ *христіанскими*, къ которымъ вполне примѣнимъ текстъ Свящ. Писанія: „что сочеталъ Богъ, того человѣкъ да не разлучаетъ“. (Матѣ. 19, 6).

На это мнѣ архіерей сказалъ, что надъ ихъ отцами было совершено таинство брака въ православной церкви, слѣдовательно, и рожденныя въ такихъ бракахъ дѣти, несомнѣнно, должны быть православныя.

Я возразилъ ему, что недостаточно быть рожденнымъ отъ православныхъ родителей, чтобъ считаться православнымъ, а нужно самому быть окрещеннымъ и мвропомазаннымъ. При этомъ я прибавилъ, что уже имѣю нѣсколько заявленій о томъ, что многія записи въ метрическихъ книгахъ были сдѣланы *произвольно* безъ совершенія упомянутыхъ таинствъ. Поэтому, прежде чѣмъ исполнить требованіе его, епископа, изложенное въ его послѣднемъ письмѣ, необходимо будетъ выработать юридическія доказательства, что записи въ книгахъ сдѣланы правильно, для чего потребуется войти въ подробное разсмотрѣніе *слѣдственнымъ порядкомъ* метрическихъ книгъ, съ опросомъ подъ присягой воспріемниковъ и другихъ лицъ по усмотрѣнію слѣдователя.

Архіерей подумалъ, подумалъ и рѣшилъ оставить это дѣло безъ послѣдствій, о чемъ на другой день и сообщилъ мнѣ письмомъ.

Года черезъ полтора послѣ этого архіерей обратился ко мнѣ съ такимъ требованіемъ:

„Благочинный донесъ, что въ селеніи Озерномъ крестьянинъ Агафоновъ, хотя православный, но причисляющій себя къ раскольникамъ, безъ всякаго повода нанесъ мѣстному священнику на улицѣ оскорбленіе дѣйствіемъ, почему онъ, епископъ, проситъ распоряженія о производствѣ строжайшаго

слѣдствія и о привлеченіи виновнаго къ строжайшей отвѣтственности“.

Слова: „хотя православный, но причисляющій себя къ раскольникамъ“—возбудили сомнѣніе въ томъ, что „безъ всякаго повода“ едва-ли могло быть нанесено оскорбленіе дѣйствіемъ духовному лицу; конечно, поводъ былъ и притомъ, вѣроятно, серьезный.

Остановившись на такомъ предположеніи, я нашелъ нужнымъ прежде назначенія слѣдствія вызвать мѣстнаго исправника, который вскорѣ явился и доложилъ, что о происшествіи въ селѣ Озерномъ онъ получилъ свѣдѣніе на другой день и тогда же выѣхалъ въ это село для производства секретнаго дознанія. Дѣло представилось въ такомъ видѣ:

Крестьянинъ Агафоновъ, очень состоятельный человѣкъ, годъ назадъ женился „по благословенію раскольничьихъ стариковъ“, и молодая жена его скоро должна была родить. Священникъ былъ освѣдомленъ объ этомъ чрезъ одного изъ своихъ агентовъ и сталъ тайно слѣдить за домомъ Агафопова, нѣсколько разъ подходя къ нему въ сумеркахъ со стороны задворка. Какъ ни былъ онъ остороженъ, тѣмъ не менѣе одинъ изъ обывателей селенія, отставной унтеръ-офицеръ Кедринъ видѣлъ, какъ священникъ подкрадывался къ дому Агафопова, оглядываясь по сторонамъ, и долго, затѣмъ, стоялъ вблизи одного изъ оконъ. Наконецъ наступилъ день разрѣшенія отъ бремени, тоже въ вечернее время. Мужъ, какъ обычно у крестьянъ, ушелъ изъ дому на противоположную сторону улицы въ домъ дяди; подлѣ роженицы остались только женщины—старуха-мать и старая же повитуха. Священникъ уже караулилъ въ темныхъ сѣняхъ и когда услышалъ голосъ новорожденнаго младенца, то, выждавъ нѣкоторое время, пока старухи перевязывали ребенку пупокъ, обмыли и положили на подушку въ первой комнатѣ, а сами стали помогать роженицѣ, онъ тихо прокрался въ комнату, положилъ ребенка въ широкій рукавъ своей рясы и незамѣченный женщинами исчезъ изъ дома, направившись къ церкви, конечно, съ цѣлью окрестить его, гдѣ уже сдѣланы были необходимыя для этого приготовленія. Но дядя Агафопова, часто подходившій къ окну въ ожиданіи, когда будетъ знакъ, что молодому мужу можно возвратиться домой, увидѣлъ, что изъ воротъ дома Агафопова вышелъ священникъ и быстрыми шагами пошелъ по улицѣ. Онъ сказалъ объ этомъ племяннику, который забѣжалъ сначала въ свой домъ и, узнавъ, что

ребенка нѣтъ, опрометью бросился за священникомъ. Догнавъ его уже вблизи церкви, онъ схватилъ его за рясу и закричалъ: „отдай ребенка“, но тотъ не отдавалъ и старался освободить рясу, чѣмъ воспользовался Агафоновъ, продвинувъ свою руку въ рукавъ, гдѣ былъ ребенокъ, и успѣлъ схватить его за ножки; священникъ же обѣими руками подхватилъ его подъ подмышки и, въ свою очередь, громко съ бранью кричалъ: „пусти“. Агафоновъ, видя, что дальнѣйшая борьба грозитъ ребенку смертью или увѣчьемъ, нанесъ священнику ударъ „тычкомъ“ въ носъ, настолько сильный, что тотъ, обливаясь кровью, моментально упалъ навзничъ, выпустивъ изъ своихъ рукъ младенца. Нѣсколько человѣкъ изъ сосѣднихъ домовъ, привлеченные криками, выбѣжали на улицу и видѣли всю эту краткую борьбу, а затѣмъ помогли священнику встать и дойти до дома. Агафоновъ же съ ребенкомъ ушелъ назадъ.

Хотя дознаніе было произведено исправникомъ секретно, но показанія свидѣтелей онъ отобралъ письменно съ предупрежденіемъ, что въ случаѣ назначенія формальнаго слѣдствія свидѣтели будутъ спрошены подъ присягой.

Получивъ такія свѣдѣнія и самое дѣлопроизводство, я отправился къ архіерею Петру, объяснилъ ему истинное положеніе дѣла и затѣмъ заявилъ, что дальнѣйшее направленіе будетъ зависѣть отъ его усмотрѣнія, т.-е. если онъ будетъ настаивать на слѣдствіи, таковое будетъ, конечно, произведено, но если онъ признаетъ за лучшее дѣло прекратить, то я не стану протестовать, съ одной стороны, потому, что священникъ получилъ чувствительный урокъ; а съ другой — неизбежная при производствѣ слѣдствія огласка его поступка, конечно, ничего не прибавила бы къ славѣ и достоинству православной церкви, которую я, по долгу службы, обязанъ охранять отъ неблагопріятныхъ нареканій.

Архіерей былъ крайне смущенъ и, какъ бы желая оправдаться, сказалъ, что ничего подобнаго благочинный ему не сообщалъ и происшествіе въ с. Озерномъ онъ, архіерей, объяснялъ себѣ, какъ проявленіе раскольничьяго фанатизма, который въ послѣднее время, видимо, стремится поднять голову и добиться полной безнаказанности за соvrащеніе православныхъ въ расколъ.—Но, конечно, прибавилъ архіерей, возмутительное насиліе священника, въ случаѣ широкой огласки въ газетахъ, сильно повредило бы доброму имени томскаго духовенства, и потому, поблагодаривъ меня за предупрежденіе, онъ просилъ дѣло прекратить.

Понявъ очень хорошо, что это въ мой огородъ архіерей забросилъ словечки, что раскольники „въ *последнее время*“ подняли голову и добиваются безнаказанности за совращеніе православныхъ въ расколъ, я замѣтилъ ему, что за время моего управленія губерніей до моего свѣдѣнія не было доведено ни объ одномъ случаѣ „совращенія“; зато много разъ исправники доносили, что крылатыя словечки, вылетавшія изъ духовной консисторіи, въ родѣ: „блудное сожительство, блудница, развратъ“, примѣненные къ супругамъ, повѣнчаннымъ по благословенію стариковъ, подхвачены православнымъ населеніемъ, которое и бросаетъ эти гнусныя оскорбленія раскольникамъ. Блудницами встарину назывались *feminae quae conjugio suo sibi panem adhiberunt*, а не честныя замужнія женщины, которыя ничѣмъ не заслужили такого позорнаго названія. Съ моей точки зрѣнія подобныя слова, дышашія ненавистью и презрѣніемъ, представляютъ несомнѣнно провокацію, могущую вызывать только раздоръ и безпорядки въ смѣшанномъ населеніи, и едва-ли подобныя крылатыя слова приличественны въ устахъ и письменныхъ документахъ духовенства, призваннаго насаждать въ людяхъ любовь и согласіе, а не возбуждать въ нихъ рознь и дурныя страсти. — Архіерей ничего не возразилъ.

На этомъ мы разстались. Впослѣдствіи я узналъ, что чрезъ годъ послѣ моего отъѣзда изъ Томска Петръ былъ уволенъ на покой и поселенъ въ одномъ изъ московскихъ монастырей.

Заканчивая на этомъ повѣствованіе о епархіальномъ пастырѣ и его неприглядной паствѣ, я долженъ сказать, что въ средѣ томскаго духовенства было только два истинныхъ свѣтильника Православія, чуждыхъ меркантильныхъ стремленій, а положившихъ душу на преуспѣяніе и укрѣпленіе въ населеніи чистоты вѣры и нравственности. Это были: бійскій викарный епископъ Владиміръ, впослѣдствіи архіепископъ казанскій, и архимандритъ Акакій.

Первоначально Владиміръ, бакалавръ Кіевской духовной академіи, былъ миссіонеромъ въ юго-восточной горной области Алтая, населенной калмыками-двоеданцами. Въ глубинѣ этой области онъ устроилъ поселокъ, названный „Улала“, гдѣ постепенно соорудилъ церковь, школу и больницу, принесшіе огромную пользу калмыцкому народу. Впослѣдствіи, когда онъ былъ назначенъ викарнымъ епископомъ и переселился въ Бійскъ, гдѣ жители построили для него очень хорошій двухъэтажный домъ, дѣятельность его значительно расшири-

лась, обнимая все православное населеніе южнаго Алтая, которые въ разныхъ селеніяхъ благоговѣнно слушали его вдохновенныя проповѣди-импровизаціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не забывалъ и о калмыкахъ, изъ среды которыхъ выбралъ 11 мальчиковъ, выписалъ живописца-инструктора и сталъ обучать ихъ иконописи. Послѣ отъѣзда преосвященнаго Владиміра въ Казань на должность епархіальнаго начальника, архіерейскій домъ въ Бійскѣ сгорѣлъ, а въ немъ сгорѣла и рисовальная школа.

Архимандритъ Акакій до перевода въ Томскъ былъ начальникомъ нашей духовной миссіи въ Константинополь, и въ Томскѣ былъ назначенъ для водворенія порядка въ духовной семинаріи, воспитанники которой своимъ поведеніемъ вызывали неудовольствіе и жалобы жителей. Немного времени понадобилось этому талантливому и въ высокой степени симпатичному человѣку, чтобъ семинарія приняла иной видъ: удаленіе эконома, который держалъ воспитанниковъ впроголодь, и виѣклассныя бесѣды съ воспитанниками по разнообразнымъ вопросамъ психологіи и этики, при его замѣчательномъ дарѣ слова, вызвали въ нихъ искреннюю къ нему любовь и послушаніе. Года чрезъ два онъ былъ возведенъ въ санъ епископа чигиринскаго, второго викарія Кіевской епархіи.

Справедливость требуетъ сказать, что не одно только вѣдомство православнаго исповѣданія сурово и крайне несправедливо относилось къ старообрядцамъ; не менѣ жестоко тѣснило ихъ своими циркулярами и вѣдомство внутреннихъ дѣлъ. Въ мое время (начало 80-хъ годовъ) имѣли обязательную силу такіе, напр., циркуляры:

- 1) о воспрещеніи раскольникамъ какого бы то ни было публичнаго оказательства;
- 2) о воспрещеніи устраивать новые молитвенные дома;
- 3) о воспрещеніи ремонтировать какъ капитально, такъ и мелкою починкою существующія молельни и проч.

Если первые два циркуляра могутъ служить яркимъ свидѣтельствомъ неправомѣрнаго отношенія министерства внутреннихъ дѣлъ сравнительно съ отношеніемъ его къ другимъ христіанскимъ и не-христіанскимъ исповѣданіямъ, для коихъ не было запрета ни устраивать, напр., пышныхъ похоронныхъ процессій¹⁾, ни возводить новыхъ костеловъ, кирокъ, мечетей,

¹⁾ Въ похоронной процессіи за гробомъ извѣстнаго желѣзнодорожника Соломона (Шмуїлы) Полякова шелъ самъ К. П. Побѣдоносцевъ.

синагогъ, пагодъ и проч.,—то послѣдній изъ упомянутыхъ циркуляровъ поражаетъ своимъ крайнимъ легкомысліемъ. Казалось бы, такъ просто сообразить, что ветхія деревянные строения съ продыравленными крышами (а до такого состоянія доведены были повсемѣстно всѣ раскольничьи молельни) при отсутствіи ремонта должны представлять огромную опасность для людей, которые могутъ въ той или иной молельнѣ находиться во время неизбежнаго рано или поздно обрушенія потолка?—и, сознавъ это, воздержаться отъ созданія такого чудовищнаго акта.

Я говорю это не на основаніи кабинетныхъ соображеній, а на основаніи непосредственнаго наблюденія и личнаго участія къ предупрежденію катастрофы.

Это было въ Бійскомъ округѣ, въ деревнѣ Сорокиной, гдѣ я во время объѣзда предполагалъ отдохнуть часа два. Но только-что я расположился пить чай, какъ въ мою комнату вошла депутація и послѣ привѣтствія отрекомендовалась: „Мы по старой вѣрѣ и просимъ тебя, ваше превосходительство, отъ всего общества взглянуть на нашъ молитвенный домъ, онъ тутъ недалеко“. Въ этой краткой и несовсѣмъ обыкновенной просьбѣ мнѣ почудилось что-то трагическое и потому безъ всякихъ разспросовъ—зачѣмъ и почему?—я немедленно отправился съ депутатами къ моленному дому. По наружному осмотру домъ оказался длиннымъ почернѣвшимъ строеніемъ, въ родѣ большого сарая, съ продыравленной во многихъ мѣстахъ крышей, сильно-выпученной продольной стѣной и одною широкой дверью. Внутренній видъ представлялъ прямо угрожающее положеніе: одна балка въ томъ концѣ, гдѣ аналой начетчика, совсѣмъ сломалась, ее кой-какъ укрѣпили контрфорсами и веревками, чрезъ потолокъ подтянули на чердакъ къ переводамъ. Прочія балки оказались сильно провисшими, такъ какъ несомнѣнно были тронуты гніеніемъ.

Спрашиваю депутатовъ:—продолжаете тутъ молиться?

— Молимся, больше намъ негдѣ.

— А много ли народа собирается въ молельню?

— Всѣ свои, человѣкъ полтора, да съ заимокъ (хуторовъ) къ праздникамъ пріѣзжаютъ; всего болѣе двухсотъ человѣкъ бываетъ.

— Ну, вотъ что,—сказалъ я имъ,—въ такомъ видѣ домъ оставить нельзя, потолокъ не сегодня—завтра можетъ обрушиться и задавить много людей; нужно немедленно приступить къ ремонту.

Видимо, они только этого и ждали и радостно объявили, что всѣ матеріалы у нихъ приготовлены и 50 рабочихъ сейчасъ примутся за дѣло.

Такъ какъ состояніе зданія, повторяю, было крайне угрожающе, то я рѣшился не уѣзжать, пока работы не будутъ кончены, чтобъ удостовѣриться, что опасности болѣе нѣтъ.

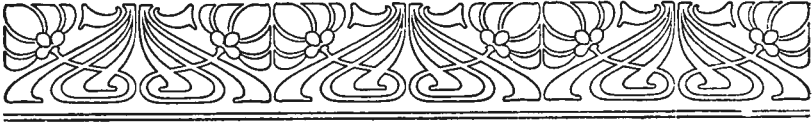
Въ теченіе дня и ночи они успѣли покрыть крышу новымъ тесомъ и, за неимѣніемъ масляной краски, смазали вареной густой смолой съ пескомъ, подъ балки подвели длинный брусъ на прочныхъ стойкахъ, сломанную балку замѣнили новою и наконецъ выпученную стѣну стянули винтами снаружи и внутри жомами (штангами).

Когда на слѣдующій день я собрался уѣзжать, меня пришли проводить многіе сорокинцы, и одинъ изъ нихъ отъ имени общества сказалъ, что они не забудутъ моего благодѣянія и будутъ молиться за мое здоровье.

Узнавъ, что въ раскольничьихъ селеніяхъ есть еще двѣ ветхія молельни, я поручилъ исправнику тщательно осмотрѣть ихъ и въ случаѣ надобности разрѣшить необходимый ремонтъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что я превысилъ предоставленную мнѣ власть, но я предпочелъ подвергнуться отвѣтственности, нежели сознательно допустить грозную катастрофу и потомъ въ глубинѣ совѣсти всю жизнь упрекать себя въ недостаткѣ рѣшимости.

Сообщ. В. Мерцаловъ.

**Вел. кн. Алексѣй Александровичъ выражаетъ въ 1892 г.
сомнѣніе въ успѣшности карьеры наслѣдника цесаревича
Николая Александровича.**

6 августа 1892 года состоялся въ Красномъ Селѣ церковный парадъ л.-гв. Преображенскаго полка и всей гвардейской артиллеріи.

На правомъ флангѣ л.-гв. Преображенскаго полка находился командиръ 1 баталіона, только-что произведенный въ полковники наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ.

Передъ началомъ парада къ цесаревичу подошелъ великій князь Алексѣй Александровичъ и сказалъ: „—Поздравляю тебя, Ника, съ производствомъ въ полковники, а то я уже совсѣмъ отчаялся, что ты когда-либо сдѣлаешь карьеру“.

П.

**Греческій король Константинъ и императрица
Александра Веодоровна.**

Осенью 1916 г. одинъ изъ офицеровъ, состоявшій въ одномъ изъ учрежденій молодой императрицы, пріѣхалъ къ ней съ докладомъ по дѣламъ учрежденія.

Онъ былъ встрѣченъ словами:

„Слышали ли Вы, какое предсказаніе сдѣлала гадалка въ Воронежѣ? Она говорила, что война кончится въ ноябрѣ, а миръ будетъ заключенъ въ мартѣ“.

Помолчавъ немного императрица продолжала.—„А въ Греціи революція.—Бѣдный, бѣдный Константинъ. Какъ мнѣ его жаль“.

П.

Неизданныя письма Н. И. Пирогова.

(Къ исторіи высшаго образованія и русско-польскихъ отношеній).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) ¹⁾.

Въ письмѣ отъ 19 іюля (по старому стилю) Н. И. Пироговъ сообщаетъ о своихъ поѣздкахъ по Германіи для осмотра нѣмецкихъ университетовъ и о неутомимыхъ занятіяхъ кандидатомъ, нравственные интересы которыхъ онъ близко принималъ къ сердцу. Особенно это сказалось въ сообщеніи о Хошевскомъ.

Здѣсь же чрезвычайно важны для личной біографіи Пирогова его заявленія по вопросу о положеніи поляка-профессора русской или всеобщей исторіи въ русскомъ университетѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что неудобства такого положенія въ глазахъ Пирогова не являлись поводомъ къ ограниченіямъ и преслѣдованіямъ какой-либо изъ населяющихъ Россію народностей вообще, поляковъ—въ частности. Знаменитый гуманистъ всегда проповѣдывалъ равенство всѣхъ націй предъ общей родиной-матерью. Это онъ доказалъ своей административно-педагогической дѣятельностью и особенно ярко выразилъ въ своихъ одесскихъ и кievскихъ прощальныхъ рѣчахъ, а также въ публицистическихъ статьяхъ (собраны въ I томѣ сочиненій Пирогова подъ моей редакціей, изд. 1914 года).

Многое уясняетъ въ вышеприведенномъ письмѣ Н. И. Пирогова его обращеніе къ студентамъ-полякамъ, относящееся къ марту 1861 года, послѣднимъ днямъ его попечительской дѣятельности. Оно напечатано въ моей статьѣ объ отношеніи Н. И. Пирогова къ студентамъ-полякамъ („Русская Школа“, 1916, январь), но приводится здѣсь, въ виду его разносторонняго интереса, вслѣдъ за письмомъ къ А. В. Головнину.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль—іюнь 1917 г.

Милостивый Государь Александръ Васильевичъ!

Осмотрѣвъ еще 5 университетовъ, я возвратился на нѣсколько дней въ Гейдельбергъ съ тѣмъ, чтобы отправиться еще до окончанія семестра опять въ путь, для осмотра еще 4 университетовъ (въ томъ числѣ 4 швейцарскихъ); послѣ того, уже на будущій семестръ, мнѣ останется, кромѣ отдаленныхъ, сѣверныхъ, германскихъ университетовъ, побывать еще въ мюнхенскихъ и австрійскихъ.

Отчетъ о моемъ путешествіи я, по причинѣ накопившагося матеріала, не прежде могу представить Вамъ, какъ въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцахъ, а на лѣтнія вакаціи (отъ 15 августа до 15 октября н. с.) думаю отправиться для возстановленія здоровья моей жены на Средиземное море, если только этому не помѣшаютъ политическія обстоятельства.

Вексель на слѣдующее мнѣ 3-мѣсячное содержаніе прошу Васъ покорнѣйше (такъ какъ я его еще не получилъ) приказать прислать ко мнѣ по-прежнему въ Гейдельбергъ.

Изъ видѣнныхъ мною, во время моего объѣзда, нашихъ посланныхъ не могу Вамъ довольно похвалить ревностныя занятія г.г. Алексѣева (въ Геттингенѣ у пр. Воеллера), Паульсона и Степанова (у пр. Лейкардта въ Гиссенѣ). Всѣ они, какъ я убѣдился въ томъ, проводятъ цѣлый день въ рабочихъ у профессоровъ и заслуживаютъ всякаго поощренія.

Изъ всѣхъ профессоровъ, Лейкардтъ принялъ горячо и прямо къ сердцу усовершенствованіе въ наукѣ нашихъ молодыхъ людей. Они приняты въ его рабочей и въ домѣ, какъ свои.

По возвращеніи моемъ въ Гейдельбергъ, я нашелъ здѣсь Хорошевскаго (посланнаго изъ С.-Петербургскаго округа по исторіи) въ большой тревогѣ; онъ пріѣхалъ сюда нарочно ко мнѣ изъ Парижа. Дѣло вотъ въ чемъ. Хорошевскій, числящійся въ спискѣ посланныхъ по всеобщей исторіи, собственно занимался исключительно, подъ руководствомъ пр. Костомарова, русской исторіей, и теперь жаловался мнѣ на его ложное положеніе. Онъ родомъ—полякъ, и потому, оставаясь историкомъ, предвидитъ для себя въ будущемъ различныя трудности при исполненіи официальныхъ обязанностей доцента.

Конечно, онъ послѣ приключившейся ему серьезной болѣзни въ Парижѣ (воспаленія легкихъ) хандритъ и, можетъ быть, и, преувеличиваетъ непріятность своего положенія; но тѣмъ не менѣе, въ его доводахъ я нахожу значительную долю правды: для насъ, полякъ-профессоръ или учитель исторіи, не можетъ быть лицомъ не заподозрѣннымъ болѣе или менѣе; для запад-

ныхъ провинцій, напимѣрь, существуетъ предписаніе не опредѣлять въ учителя исторіи польскихъ украинцевъ. Хотя Хорошевскій, сколько я его знаю, не принадлежитъ къ крайнимъ полякамъ, но безпристрастнымъ въ щекотливыхъ историческихъ запросахъ врядъ-ли ему удастся сдѣлаться; по крайней мѣрѣ, это не удастся его соотечественникамъ, и я понимаю его сомнѣнія и предчувствія.

Въ моихъ глазахъ, это доказываетъ, что онъ не ипокритъ и не втянулся еще въ іезуитизмъ, которымъ такъ заражена большая часть его земляковъ. Онъ желалъ бы перемѣнить свой предметъ и выбрать изученіе славянскихъ нарѣчій; судя по тому, какъ онъ скоро научился по-чешски и по знанію его русскаго и славянскаго языковъ, должно полагать, что онъ имѣетъ способность къ этому изученію. Поэтому, я одобрилъ его планъ на предстоящей ваканціи поѣхать въ С.-Петербургъ, для личныхъ объясненій съ Вами, и, давъ ему мое согласіе на эту поѣздку, обѣщался ходатайствовать у Васъ о его предложеніи, что и исполняю.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть Вашего Высокопревосходительства покорнѣйшимъ слугою, *И. Пироговъ.*

Теперь приведу и „воззваніе“ Н. И. Пирогова къ студентамъ-полякамъ. При этомъ напомнимъ тѣ слова изъ его замѣчательной прощальной рѣчи къ студентамъ Кіевскаго университета (отъ 8 апрѣля 1861 года), въ которой подробнѣе развиты взгляды Н. И. на старый и вѣчно новый вопросъ о взаимоотношеніяхъ національностей, связанныхъ волею историческихъ обстоятельствъ единымъ государственнымъ устройствомъ. Напомнивъ, что онъ внушалъ молодежи чувства уваженія къ закону и долгу не угрозами, не преслѣдованіемъ, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ; заявивъ, что онъ всегда отдавалъ должное всѣмъ высокимъ стремленіямъ духа молодежи; указавъ, что для него были равны всѣ учащіеся безъ различія національностей,—Н. И. Пироговъ сказалъ: „Но, не различая вашихъ національностей предъ лицомъ науки, я никогда не мечталъ о слитіи васъ въ одно цѣлос, избѣгалъ раздражать самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гнушался притворствомъ и двуличіемъ“. Въ этомъ—завѣтъ государственной мудрости знаменитаго ученаго и патріота въ отношеніи національнаго вопроса.

„Могу сказать, положивъ руку на сердце,—такъ начинается обращеніе Н. И. Пирогова къ студентамъ-полякамъ Кіевскаго университета,—что въ святомъ дѣлѣ науки и правды я никогда не дѣлалъ различія между студентами русскими, поляками, нѣмцами и евреями. Я вѣрилъ тому, что въ университетѣ научныя стремленія должны быть сильнѣе національныхъ.

Но два года тому назадъ я замѣтилъ, что учрежденіе студенческой библіотеки—дѣло чисто научное и нашедшее сочувствіе у русскихъ, не такъ было принято поляками. А теперь національныя стремленія поляковъ уже такъ обнаруживается сильно, что могутъ взять легко перевѣсъ надъ научными.

Моя обязанность предостеречь васъ, сказавъ вамъ чистую правду. Вотъ она. Изъ васъ, вѣрно, никто не пожалуется на стѣсненія со стороны университетскаго начальства, какъ вы жаловались прежде. Вы пользуетесь полною свободою ученія въ университетской жизни. А это можно было сдѣлать только потому, что вы теперь, наравнѣ съ прочими гражданами, подчинены общимъ постановленіямъ. Начальство края не дѣлаетъ также, какъ и университетское, никакого различія между русскими и поляками.

Но это опять предполагаетъ, что и студенты не сдѣлаютъ университетъ мѣстомъ проявленія національныхъ стремленій; да и внѣ университета проявлять ихъ безъ такта и наперекоръ существующему порядку вещей—значить, не только дѣйствовать въ упрекъ самой національности и противъ себя, но и навлекать нареканіе противъ цѣлаго сословія, къ которому принадлежимъ. А всего хуже, что, такъ дѣйствуя, вы можете стѣснить и ту свободу, которою пользуетесь въ университетской жизни, лишая возможности ваше начальство оправдывать васъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія.

Кто дорожитъ свободой науки, тотъ не долженъ заграждать путь, которымъ мы хотимъ вести васъ къ знанію и правдѣ. Онъ и безъ того труденъ. Неужели же кто-нибудь изъ васъ хочетъ доказать, что мы все еще не зрѣлы и не способны преодолѣть трудности этого пути? Всякая нація, заявляя свою народность въ присутствіи другой безъ надлежащаго такта, легко пробуждаетъ не сочувствіе, а ненависть и вражду. Что же будетъ, если національная вражда заглушитъ научныя стремленія, которыя любятъ безстрастную свободу мысли и слова.

Обсудите же теперь безпристрастно и хладнокровно ваши дѣйствія. Припомните, что за недавними событіями обнаружился здѣсь въ городѣ цѣлый рядъ дѣйствій, имѣвшихъ одинъ характеръ. Молва, быть можетъ, преувеличивая, приписывала ихъ вамъ, какъ молодымъ людямъ, расположеннымъ къ увлеченію. Мѣстное начальство не могло не обратить на это вниманія. Къ сожалѣнію, нужно признаться, что нѣкоторые изъ васъ все сдѣлали, чтобы поддержать слухи. Можно ли было при такихъ обстоятельствахъ избѣжать недоразумѣній разнаго рода, подозрѣній и другихъ непріятностей? Жалобы и упреки въ такомъ случаѣ естественны, и я не удивляюсь, что вы жалуетесь. Но, спрашивается, сдѣлали ли вы съ своей стороны все, чтобы предупредить раздраженіе, удалили ли поводы къ толкамъ и обезпечили ли строгою законностію собственныхъ дѣйствій точное исползованіе закона?

Кто искренно желаетъ правды и правосудія, тотъ не долженъ ли прежде всего самъ исполнять законъ и не дать никакого повода къ его нарушенію? Между тѣмъ, нѣкоторыя дѣйствія и поступки, въ которыхъ уже ясно участвовали, хотя, можетъ быть, и не всѣ изъ васъ (какъ-то: шумъ и безпорядки въ театрѣ, столкновенія съ полиціею во время антрактовъ и на пожарѣ, рѣзкое несоблюденіе формы, такъ какъ вамъ дано право не носить ее совсѣмъ внѣ университета, появленіе фантастическихъ костюмовъ на улицѣ и т. п.), должны были въ глазахъ мѣснаго начальства оправдывать молву, приписывавшую вамъ и другія, болѣе значительныя, происшествія, которыя обнаруживали національныя стремленія, выраженные незаконно, грубо и безтактно (выбитіе стеколъ ночью въ пансіонѣ для дѣвицъ, письменныя объявленія на стѣнахъ, ношеніе траура на форменномъ платьѣ; нѣкоторыя выходки въ трактирахъ и т. п.).

Этимъ объясняются и дѣйствія мѣстной администраціи, можетъ быть также не всегда правильныя, на которыя вы теперь жалуетесь. А отсюда берутъ начало и ваши желанія имѣть болѣе опредѣленныя гарантіи. Судите же теперь: совершенно ли внѣ васъ лежитъ причина вашихъ жалобъ и неудовольствій?

Я обѣщалъ вамъ ходатайствовать, чтобы ваши законныя желанія были удовлетворены, но съ условіемъ, если они изложены будутъ прилично и въ умѣренномъ тонѣ. Что же вышло? Вы сами знаете. Могли ли вы требовать, чтобы вамъ сочувствовали и раздѣляли вашъ взглядъ на вещи, ведущій не къ

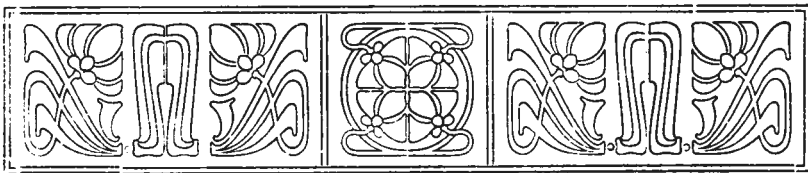
достиженію правды и законности, а еще къ большому раздраженію. Желать бы этого могли бы только одни пессимисты или увлеченные порывами страстей.

Итакъ, я имѣлъ полное право, и не юридическое, а нравственное, отказать вамъ въ моемъ участіи, какъ скоро условіе, сдѣланное мною, было не соблюдается. Но, желая добра одинаково всѣмъ студентамъ, безъ различія національностей, я считалъ не нравственнымъ съ моей стороны оставить васъ на томъ опасномъ пути, куда увлекають васъ порывы страстей.

Я сдѣлалъ больше, чѣмъ общалъ, болѣе, чѣмъ имѣлъ право сдѣлать. Я полагаю, что благоразуміе и разсудокъ, наконецъ, возьмутъ свое. Я и теперь еще не теряю убѣжденія, что вы не лишите меня всѣхъ средствъ быть вамъ полезнымъ такъ, какъ я этого искренно желаю“.

Сообщилъ **С. Я. Штрайхъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Матеріалы о Всероссийской этнографической выставкѣ и о славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ маѣ 1867 года ¹⁾.

1) Причины съѣзда.

Въ 1848 году—конституціонная борьба. Славяне, находящіеся подъ властью Австріи, ждали своего освобожденія, но потерпѣли пораженіе. Мадырамъ, которые въ 1849 г. произвели революцію, въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ лѣтъ императоръ обѣщаль разныя конституціонныя выгоды. Мадыры стремились къ полному отторженію королевства отъ Австріи. Борьба противъ венгровъ въ особенности отразилась въ октябрьскомъ дипломѣ 1860 г., которымъ Венгрія должна была навсегда присоединиться къ Австріи. Февральская конституція 1861 г. положила начало парламенту съ нѣмецкимъ большинствомъ. Чехи протестовали противъ этого. Чешскій сеймъ въ 1861 г. единогласно высказалъ желаніе, чтобы австрійскій императоръ принялъ коронованіе чешской короной св. Вячеслава. Но все было тщетно.

Въ 1863 г. чехи начали извѣстную пассивную оппозицію какъ въ вѣнскомъ парламентѣ, такъ и въ чешскомъ сеймѣ, эта пассивная оппозиція длилась 16 лѣтъ.

Венгерскій сеймъ также не принялъ февральской конституціи.

Но если, послѣ пораженія Австріи въ 1866 г., австрійскій императоръ проявилъ охоту заключить соглашеніе съ Венгріей, которое и состоялось лѣтомъ 1867 г., желанія чеховъ и вообще славянъ, относительно соглашенія съ Австріей на почвѣ федеративнаго устройства государства, были отклонены. Тогда чехи стали искать союзниковъ за границей, въ особен-

¹⁾ Главный источникъ: Всероссийская этнографическая выставка и славянской съѣздъ въ маѣ 1867 года. Москва 1867.

ности въ Россіи, для своей борьбы съ австрійскимъ правительствомъ. Однимъ изъ проявленій этого политическаго направленія было путешествіе чехо-словаковъ и прочихъ австрійскихъ славянъ въ Россію.

2) Всероссийская этнографическая выставка.

Въ Москвѣ, въ маѣ 1867 г. были „Всероссійская этнографическая выставка и Славянской сѣздъ“. Мысль объ устройствѣ выставки родилась еще въ 1862 г. и принадлежала профессору Московскаго университета А. П. Богданову. Эта мысль была принята членами „Общества Любителей Естествознанія“, основаннаго, наконецъ, при Московскомъ университетѣ въ началѣ 1864 г. Начались приготовленія къ выставкѣ.

Время выставки въ Москвѣ совпадало съ Всемирной выставкой въ Парижѣ. Такое совпаденіе для многихъ было нежелательно. Предсѣдатель комиссіи по участию Россіи въ Парижской всемірной выставкѣ А. И. Бутовскій сдѣлалъ запросъ относительно выставки въ Москвѣ, боясь, что одновременность выставокъ можетъ вызвать недоразумѣнія. В. А. Дашковъ, предсѣдатель комитета по устройству выставки, сдѣлавъ совѣщаніе съ членами комитета, далъ Бутовскому отвѣтъ, что „для насъ, русскихъ, на первомъ мѣстѣ должны стоять заботы объ успѣхѣ нашей первой русской этнографической выставки въ Москвѣ“. И поручилъ ему стараться устранить всякія недоразумѣнія, если они возникнутъ.

3) Славянской отдѣлъ.

Въ засѣданіи Общества Любителей Естествознанія отъ 24 ноября 1865 г. А. П. Богдановъ представилъ Обществу мнѣніе пр. Моск. унив. Н. А. Попова, за годъ передъ тѣмъ возвратившагося изъ путешествія по славянскимъ землямъ, о томъ, что кромѣ предметовъ всѣхъ русскихъ народностей—на московской выставкѣ „не менѣе желательно видѣть и предметы, касающіеся вообще славянской этнографіи: во-первыхъ, потому, что славяне должны служить въ этомъ случаѣ предметомъ перваго и ближайшаго сравненія при изученіи русской народности, какъ родственныя ей племена, во-вторыхъ, потому, что въ самой Россіи изъ западныхъ славянъ живутъ поляки, а изъ южныхъ—сербы и болгары“.

Далѣ Поповъ указывалъ, что въ Россіи живетъ много другихъ славянскихъ народностей. По его мнѣнію, желательно, чтобы западные славяне приняли участіе въ Московской выставкѣ еще и потому, что „въ послѣднія 50 лѣтъ труды большинства славянскихъ ученыхъ обращены были преимущественно на изученіе этнографіи, археологіи и исторіи славянскихъ племенъ всѣхъ наименованій. Эта ученая дѣятельность сопровождалась собираніемъ всевозможныхъ предметовъ, полезныхъ какъ пособіе для нея“. И поэтому онъ считаетъ не бесполезнымъ обратить вниманіе Общества на тѣ учрежденія и лица, которыя могли бы содѣйствовать устройству славянскаго отдѣла на этнографической выставкѣ“.

Выслушавъ докладъ Попова, Комитетъ, обративъ вниманіе на важность славянскаго отдѣла на выставкѣ, поручилъ ему войти отъ имени комитета въ сношенія съ учеными обществами и частными лицами въ славянскихъ земляхъ. Эта мысль была встрѣчена съ особеннымъ сочувствіемъ среди западныхъ славянъ. Такъ докторъ Маннгартъ, бывшій профессоръ Берлинскаго университета, писалъ: „Эта выставка представитъ статистическую картину теперешняго состоянія славянскихъ народовъ; она сразу поставитъ на видъ, на какой—высокой или низкой—степени образованія, зависящей отъ виѣшнихъ условій жизни и отъ историческаго развитія, они находятся; она ясно покажетъ, что случилось изъ отдѣльныхъ частей славянства въ теченіи ихъ исторіи, подъ вліяніемъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ времени“...

4) Открытіе выставки и славянскій вопросъ.

23 апрѣля 1867 г. состоялось торжественное открытіе выставки, почетнымъ президентомъ которой былъ избранъ великій князь Владиміръ Александровичъ.

Въ рѣчи при открытіи выставки предсѣдатель Комитета по устройству русской этнографической выставки В. А. Дашковъ между прочимъ сказалъ: „Одному изъ главныхъ дѣятелей по устройству выставки обязана она существеннымъ дополненіемъ, именно славянскимъ отдѣломъ, съ которымъ наша выставка получила общеславянскій интересъ. Осуществленіе это возможно при участіи только самихъ славянъ, и Общество ни на минуту не усумнилось въ томъ, какъ будетъ принята ими эта мысль, оно безусловно вѣрило въ ихъ сочувствіе“...

24 апрѣля выставку посѣтилъ государь Александръ II со всей своей семьей. Осмотрѣвъ выставку и выслушавъ объясненія, государь сказалъ: „Благодарю васъ, господа! Выставка будетъ имѣть успѣхъ. Весьма благодаренъ вамъ!“

27 апрѣля предсѣдатель Комитета этнографической выставки *В. А. Дашковъ* давалъ депутатамъ, прибывшимъ на открытіе выставки отъ разныхъ ученыхъ обществъ и учреждений, большой обѣдъ, во время котораго было произнесено много рѣчей. *В. И. Ламанскій*, профессоръ Петербургскаго университета, сказалъ: „Открытіе этнографическаго музея въ Москвѣ совершается при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ. Высокая научная занимательность новѣйшихъ открытій и изысканій о древности челоуѣка, о жилищахъ, о жизни и развитіи первобытныхъ людей, богатая великими переворотами современная жизнь съ неизбѣжнымъ вопросомъ о народностяхъ, возрожденіе и освобожденіе нашихъ славянскихъ братьевъ на дальнемъ югѣ и западѣ изъ-подъ гнета азіатовъ и нѣмцевъ, нынѣшнее пробужденіе русскаго народнаго самопознанія,—все это вызываетъ и поощряетъ тружениковъ русской науки къ критическимъ изслѣдованіямъ... объ отношеніяхъ русскаго народа къ его соплеменникамъ и ко всѣмъ нашимъ инородцамъ“.

„Приглашеніе славянскихъ представителей и корифеевъ въ Москвѣ можетъ стать поворотной точкой, открыть новую эпоху въ исторіи славянскаго міра... *Созывая славянскихъ представителей во имя науки, Москва собираетъ славянъ подъ знамя свободы...* Такимъ великодушнымъ и справедливымъ признаніемъ правъ слабѣйшихъ своихъ соплеменниковъ русскій народъ, сильнѣйшій изъ славянскихъ народовъ, пріобрѣтаетъ себѣ нравственный авторитетъ и могучее вліяніе у всѣхъ своихъ соплеменниковъ“.

Заслуживаетъ вниманія статья профессора *Лавровскаго* о славянскомъ отдѣлѣ выставки.

Между прочимъ онъ говоритъ: „Съ увѣренностью можемъ утверждать лишь то, что почти на всемъ пространствѣ міра славянскаго проявилась эта идея единства одновременно; долго дѣйствовала она незамѣтно, часто среди грозныхъ препятствій, пока не пріобрѣла тѣхъ размѣровъ и той силы, съ какими мы находимъ ее теперь и при какихъ едва-ли уже справедливо отказать ей въ назначеніи положить начало поворотной эпохѣ въ дальнѣйшей судьбѣ нашего племени“. Говоря раньше о возникновеніи отдѣльныхъ славянскихъ

государствъ, *Лавровскій* замѣчаетъ: „Общаго сознанія племенного единства еще не было, иначе не погибли бы безслѣдно одни поколѣнія славянъ и стубили бы своей политической самостоятельностью другія. Такое сознаніе возникло уже черезъ тысячу лѣтъ послѣ того, какъ славяне впервые вступили въ государственный бытъ, и оно точно также охватило разомъ всѣ поколѣнія.

Наконецъ, широкое и общественное выраженіе славянскаго единства должно было проявиться въ томъ славянскомъ съѣздѣ, къ которому дала поводъ этнографическая выставка, но мысль о которомъ уже давно была общимъ достоинствомъ лучшихъ людей цѣлаго славянства“.

5) Нѣмцы и чехи о славянскомъ съѣздѣ.

Извѣстія о Московской этнографической выставкѣ и о съѣздѣ славянъ въ Россіи встрѣчены были недоброжелательно въ нѣмецкихъ государствахъ. Въ нѣмецкихъ газетахъ, издаваемыхъ въ Австріи, выставку называли заранѣе подготовленною „политической демонстраціей“, а пріѣздъ славянъ— „славянскимъ конгрессомъ“, подобнымъ конгрессу, бывшему въ 1848 г. въ Прагѣ. Газета „Debatte“, органъ дуалистовъ, говоря о славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ и называя послѣднюю Меккой панславизма, заявляетъ: „Побратимство на панславянской основѣ—это заговоръ противъ Австріи“.

Нѣмецкая пресса противилась славянскому съѣзду. Съ своей стороны славянскія газеты не оставили безъ отвѣта вызововъ враждебныхъ имъ австрійскихъ органовъ. Вотъ какъ высказалась по этому предмету пражская газета „Народные Листы“: „Если будетъ къ тому поводъ, никто изъ чеховъ не поколеблется сказать, въ Москвѣ ли въ Петербургѣ ли, то же что говорилось такъ часто и въ Прагѣ: что *народъ чешскій не дозволитъ лишить свою страну ея политической самостоятельности, что онъ не захочетъ въ виду какихъ бы то ни было событій утонуть въ нѣмецкомъ морѣ*. И скажетъ это чехъ тѣмъ открытымъ, громкимъ голосомъ, который можетъ дойти также ясно до слуха русскаго и французскаго императоровъ, какъ онъ дойдетъ до слуха императора австрійскаго“.

Германскія и австрійскія газеты, обсуждая возникшія въ связи съ Московской этнографической выставкой вопросы, указывали на то, что „Австрія, болѣе чѣмъ кто-либо, имѣетъ

причины опасаться панславистскихъ стремленій, въ настоящую минуту такъ смѣло выступавшихъ на сцену, ибо эти стремленія имѣютъ въ виду отнять у Австрійской имперіи нѣкоторые члены, составляющіе необходимое условіе ея существованіе политическаго“.

Славянскія газеты отвѣчали на это: „Насъ спрашиваютъ, какую цѣль имѣли славяне, отправляясь на Московскую выставку? На это мы скажемъ, что въ 1848 г. вмѣстѣ съ русскими славяне защитили Австрію отъ мадьяръ, а нынѣ отправляясь въ Россію сохраняютъ Австрійскую имперію отъ Пруссіи“.

6) Пріѣздъ славянскихъ гостей.

4 мая 1867 г. поѣздъ желѣзной дороги привезъ гостей изъ славянскихъ земель на станцію Граница, гдѣ ихъ, на рубежѣ Россіи, встрѣтили уполномоченные отъ Русскаго Варшавскаго Общества. Всѣхъ переѣхавшихъ въ этотъ день австро-русскую границу славянскихъ гостей было 62 человекъ.

Впослѣдствіи число ихъ вмѣстѣ съ прибывшими изъ Пруссіи, Саксоніи, съ Парижской выставки и т. д. дошло до 80 человекъ.

5 мая, послѣ осмотра Варшавы, куда направились славянскіе гости, переѣхавъ границу во время обѣда, *Браунеръ* по-чешски сказалъ рѣчь, начиная ее словами: „едва только мы переступили границу великаго русскаго государства, какъ ваши депутаты встрѣтили насъ до такой степени радушно и очаровательно, что спутники мои возложили на меня пріятную обязанность благодарить васъ' тутъ же на самой границѣ“...

Ливчакъ, галичанинъ, въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ: „мы славяне, живущіе на западѣ, страдали и много уже настрадались, и въ своихъ страданіяхъ даже не знали, или, лучше сказать, знать не хотѣли, что у насъ такъ много родныхъ братьевъ—братьевъ, сочувствующихъ намъ всѣмъ сердцемъ; что у насъ братья, которые могутъ, желаютъ и хотятъ нравственно поддержать насъ противъ притѣсняющихъ насъ народовъ“...

7) Прибытіе Палацкаго и Ригера.

6 мая славянскіе гости выѣхали въ Петербургъ, а спустя нѣсколько часовъ въ Варшаву прибыли *Палацкій* и *Ригеръ*, ѣхавшіе въ Россію съ Парижской выставки. Послѣдніе вмѣстѣ съ пятью далматинцами съѣхались съ остальными славянскими

гостями въ Вильно. Отсюда черезъ Псковъ они отправились въ Петербургъ, куда и прибыли 9 мая. На станціи ихъ встрѣтила огромнѣйшая толпа народа, радостно привѣтствовавшая гостей. Гости въ теченіе нѣсколькихъ дней осматривали достопримѣчательности Петербурга.

На обѣдѣ, даваемомъ гостямъ, *Ригеръ* сказалъ: „народъ славянскій, который столько вѣковъ осужденъ былъ проливать свою кровь за Европу, не имѣлъ счастья, доставшагося на долю другихъ народовъ, онъ не могъ сложиться въ одно историческое цѣлое. Онъ издавна былъ раздѣленъ на разные племена; но теперь настало время, когда намъ возможно укрѣпиться въ той мысли, что всѣ славяне—одинъ народъ, и что если мы убѣдимся въ необходимости поддерживать другъ друга, то мы будемъ сильны. Судьба народовъ славянскихъ не была счастлива. Имъ выпало на долю охранить Европу отъ нашествія монголовъ, татаръ и турокъ, и много при этомъ потерпѣли они!... Одни изъ этихъ народовъ обороняли ее противъ турокъ и монголовъ, другіе должны были бороться съ нѣмцами, третьи должны были охранять свою самостоятельность“...

Въ числѣ многихъ другихъ ораторовъ говорилъ и *В. И. Ламанскій*, который сказалъ: „На что никогда не надѣялись отцы наши, что въ юности, какъ милыя грезы, волновало наше сердце, о чемъ, какъ о сокровенной думѣ, еще такъ недавно не смѣли мы и говорить, то теперь передъ нами совершается воочию. *Славянскіе братья со всѣхъ концовъ обширной родины собрались вѣзъсть, сошлись признать въ себѣ сыновъ одной великой земли и подать другъ другу руки на вѣчный союзъ братства и любви*“.

Послѣ Ламанскаго говорилъ докторъ *Браунеръ*. „Мысль о взаимности славянскихъ народовъ—могу сказать съ гордостью это—возникла у насъ“—говорилъ онъ. „Наша чешская литература первая стала развивать эту мысль. У насъ, на западѣ, она возникла изъ настоятельной необходимости спасти славянскіе народы отъ поглощенія ихъ чуждымъ элементомъ“... Послѣ рѣчи *Милчивича*, серба, раздались крики „Палацкій! Палацкаго!“ Присутствующіе желали видѣть и почтить великаго чешскаго исторіографа.

Палацкій и Ригеръ были представлены нѣкоторымъ члс-намъ царской семьи.

По дорогѣ въ Москву славянскіе гости останавливались въ Твери, гдѣ городской голова преподнесъ Палацкому двѣ книги.

8) Въ Москвѣ.

16 мая давно ожидаемые гости пріѣхали въ Москву.

17 мая гости осматривали Кремль и историческія достопримѣчательности его.

18 мая они всѣ пріѣхали въ университетъ, гдѣ происходило соединенное засѣданіе членовъ университета и депутацій отъ 18 ученыхъ и художественныхъ обществъ, существующихъ въ Москвѣ.

Священникъ *Иванцовъ-Платоновъ*, депутатъ отъ общества любителей духовнаго просвѣщенія, говорилъ въ своей рѣчи: „Около тысячи лѣтъ прошло съ того времени, какъ единствомъ духовнаго просвѣщенія, завѣщаннаго намъ отъ нашихъ святыхъ первоучителей, положено было начало сближенію дотолѣ раздробленныхъ и разобщенныхъ славянскихъ племенъ, и вотъ въ наши времена начинаютъ показываться сознательныя проявленія нашей взаимной близости, не по единству только крови и языка, но и по единству историческихъ преданій, сочувствій и духовныхъ стремленій. Настоящее собраніе разноплеменныхъ славянскихъ братьевъ есть знаменательнѣйшее проявленіе такого сознательнаго сближенія“...

Представители отъ всѣхъ ученыхъ и художественныхъ обществъ произносили рѣчи въ честь славянскихъ гостей.

На всѣ привѣтствія первымъ отвѣтилъ *Я. Ѡ. Головацкій*. „Я слѣдилъ—говорилъ онъ—мыслью за учеными рѣчами представителей многочисленныхъ здѣшнихъ обществъ, представителей науки славянской. При всемъ разнообразіи ихъ спеціальностей, они сходились въ одномъ фокусѣ, въ одной мысли, въ мысли объединеніи всѣхъ славянъ въ наукѣ. Я въ томъ вижу великій успѣхъ науки русской и славянской“...

„Различныя группы славянскія, хотя бы и были онѣ расположены по различнымъ государствамъ, представляютъ, однако, собою единое племя славянское—говорилъ *Браунергъ*. Такъ и мы, собравшіеся здѣсь, люди изъ различныхъ племенъ славянскихъ, составляемъ собою единое племенное цѣлое, какъ по языку, такъ и по крови... Сознаніе единства, отмѣченное печатью самой природы, не могутъ заглушить ни пространство, ни различіе обычаевъ и говоровъ, ни разнородность историческихъ событій, климатическихъ условій и политическихъ союзовъ... Идея славянской взаимности была разожжена тихимъ гениемъ Коляра“.

Д-ръ Ригеръ въ своей рѣчи поднялъ лозунгъ „единой славянской науки, которая была бы оживлена единымъ духомъ, всѣмъ намъ общимъ“. „Приближается то время,—говорилъ онъ,—котораго Европѣ не слѣдуетъ бояться, время, когда мы сравниваемся съ другими народами въ просвѣщеніи, когда каждый славянинъ съ гордымъ челомъ выступитъ между народами просвѣщенными и скажетъ: Я славянинъ и не менѣе васъ вложилъ я въ сокровищницу человѣческаго просвѣщенія“. Дальше ораторъ отвѣчалъ на вопросъ, имѣющій для славянства особенную важность: какимъ образомъ достигнуть этой цѣли? И его отвѣтъ такой: „Я держусь того мнѣнія, что разнообразіе частей не исключаетъ единства; единство должно искать въ гармоніи этихъ частей. Нерасчлененное единство можетъ привести къ односторонности и безжизненности, равно какъ одно раздробленіе безъ руководящаго духа ведетъ къ слабости и гибели. Одна мысль должна руководить нами въ каждомъ начинаніи нашемъ, мысль о томъ, что мы призваны сообща работать для одной цѣли, для нравственнаго возвеличенія всего славянства, что мы согласіемъ всѣхъ отдѣльныхъ племенъ славянскихъ должны выработать красоту одного духовнаго цѣлаго, посредствомъ свободнаго, но согласнаго соревнованія“.

Послѣ Ригера было произнесено еще нѣсколько рѣчей русскими ораторами о спасеніи славянской солидарности, изъ которыхъ въ особенности интересенъ по содержанію былъ отзывъ А. А. Майкова. „Несмотря на различіе судебъ, постигшихъ славянское племя,—сказалъ Майковъ,—разнообразіе мѣстностей, гдѣ оно живетъ, безчисленное множество ступеней, на которыхъ является славянинъ въ европейской жизни,—до сихъ поръ въ славянской семьѣ поразительно ясно высказывается общеродовое единство; глубоко проникаетъ оно всю природу славянъ. Открыто и смѣло могла заговорить Россія въ сонмѣ державъ и нести впередъ новую міровую идею—идею славянства, потому что она знала и знаетъ, что зади нея стоитъ весь семидесяти-милліонный русскій народъ, готовый поддержать родное слово всѣми силами своего бытія, уже вмѣстившаго въ себя полноту славянскаго духа“. Ораторъ въ общихъ чертахъ нарисовалъ исторію славянофильства въ Россіи. Ему кажется, что Каченовскій и Хомяковъ были первыми сѣятелями славянской мысли въ Россіи. Каченовскій уже въ 1816 г. писалъ въ „Вѣстникѣ Европы“ о взаимныхъ отношеніяхъ между разными славянскими нарѣчіями.

Упомянувъ про чешскихъ поэтовъ и ученыхъ: Коляра, Шафарика, Челяковскаго, серба Образовича и др., ораторъ закончилъ свою рѣчь словами: „И вотъ, какъ бы исполняя завѣтъ всей ихъ жизни, сюда стеклись со всѣхъ концовъ славянскаго міра ихъ доблестные сподвижники, ихъ друзья и ученики, вкупѣ съ нами, здѣсь на свободной русской землѣ отпраздновать свободное единеніе славянскаго духа“.

9) Праздникъ въ Сокольникахъ.

21 мая чествовала Москва славянскихъ гостей въ саду Сокольникахъ. Д-ръ Ригеръ здѣсь въ горячей рѣчи призывалъ къ примиренію между русскими и поляками, смягченію судьбы польскихъ эмигрантовъ.

Ригеру отвѣчалъ князь В. А. Черкасскій, который въ острыхъ выраженіяхъ высказался противъ поляковъ, которые свою политическую свободу, дарованную имъ Александромъ I, собственной виной растеряли. Ораторъ говорилъ о необходимости освобожденія русскихъ галичанъ.

Сербскій делегатъ Георгіевичъ упомянулъ, что нѣмецкая журналистика въ Петербургѣ ругается надъ славянскимъ сѣздомъ.

Кромѣ разныхъ другихъ торжествъ, былъ устроенъ 25 мая, въ Зоологическомъ саду въ честь славянскихъ гостей великолѣпный праздникъ.

На прощальномъ обѣдѣ въ Москвѣ 26 мая М. П. Погодинъ сказалъ: „Намъ ничего не нужно отъ васъ кромѣ любви. Ее только мы и просимъ у васъ; ее мы и даемъ вамъ. Устраивайтесь какъ вамъ угодно, какъ сочтете себѣ за лучшее, и будьте увѣрены во всегдашнемъ нашемъ сочувствіи, во всегдашней готовности помогать вамъ словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, на пути добра и успѣха, къ пользѣ науки, просвѣщенія, благосостоянія гражданскаго и человѣческаго“.

10) Въ Петербургѣ.

28 мая утромъ, славянскіе гости прибыли изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ остались на нѣсколько дней. На прощаніе съ гостями сказалъ проф. В. И. Ламанскій: „Вы видѣли теперь сами, что сочувствуетъ вамъ не отдѣльная кучка людей, а цѣлая Россія: славянскій вопросъ изъ книгъ, изъ кабине-

товъ перенесенъ на улицы, на площади, въ храмы, въ театры; вопросъ этотъ сдѣлался теперь всероссійскимъ, всеевропейскимъ“.

Славянскіе гости передъ выѣздомъ изъ Россіи обращались съ прощальнымъ словомъ ко всѣмъ русскимъ, принявшимъ ихъ съ такимъ радушіемъ, въ которомъ между прочимъ говорится: „При этой нашей встрѣчѣ почувствовалась и созналась вообще потребность, чтобы славянскіе народы далѣе уже не расходились и, по крайней мѣрѣ, въ наукѣ и въ кругахъ просвѣщенныхъ все болѣе сближались между собою, живымъ обмѣномъ своихъ мыслей и трудомъ, и взаимною помощью лелѣя общее сокровище самородной славянской образованности“.

11) Привѣтствія изъ провинціи.

Во все время пребывания славянскихъ гостей въ Москвѣ не переставали приходиться заявленія народнаго сочувствія къ нимъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, а равно и заявленія благодарности изъ разныхъ славянскихъ земель за пріемъ, оказываемый общимъ собратьямъ въ столицѣ Россіи.

12) Окончаніе этнографической выставки.

Этнографическая выставка въ Москвѣ была закрыта въ воскресенье 18 іюня, доставивъ всего сбора болѣе 48.078 руб. Число лицъ, посѣтившихъ выставку, доходило до 83.048.

13) Записка о славянскихъ съѣздахъ.

Съѣзду въ Москвѣ составлена была слѣдующая записка:
„Сознавая необходимость содѣйствовать общенію и единенію славянъ словомъ и дѣломъ, мы на первомъ Московскомъ славянскомъ съѣздѣ постановляемъ: 1) Собираться, по крайней мѣрѣ, черезъ два года на всеславянскій съѣздъ въ заранѣе условленномъ мѣстѣ; 2) на этихъ съѣздахъ будутъ подвергаться свободному обсужденію различные вопросы въ видахъ научнаго, литературнаго, художественнаго и вообще нравственнаго сближенія славянъ; 3) эти вопросы и частныя соображенія по нимъ могутъ быть подготовляемы на мѣстныхъ славянскихъ съѣздахъ; 4) время для общеславянскихъ съѣздовъ назначается съ 1 августа по 1 сентября“.

СЛАВЯНСКІЕ ГОСТИ.

Всѣхъ славянскихъ гостей на первомъ общеславянскомъ съѣздѣ, устроившемся въ Россіи, было 81. Отсутствовали поляки; болгары имѣли лишь одного делегата.

Отдѣльныя національности имѣли делегатовъ: А) Изъ Пруссіи: 1) *Кошубъ*—1; Б) изъ Саксоніи: 2) *Сербы-лужичане*—2; В) изъ Австріи: 3) *Русскіе*—4; 4) *Словаки*—3; 5) *Чехи*—27; 6) *Словенцы*—3; 7) *Хорваты*—10; 8) *Сербы*—17; Г) Изъ княжества Сербіи—12; Д) изъ Черногоріи—2; Е) изъ Турціи—9. *Болгаринъ*—1.

Замѣчательныя личности среди гостей: Кошубъ, Флоріанъ *Ценова*, докторъ медицины, лучшій знатокъ своего народа, его быта и языка, авторъ нѣсколькихъ книжекъ.

Иванъ Ивановичъ *Смоляръ*, одинъ изъ главныхъ литературныхъ дѣятелей между верхними лужичанами.

Яковъ Ѳедоровичъ *Головацкій*, одинъ изъ главныхъ и наиболѣе знаменитыхъ представителей русской народности въ восточной Галиціи (род. 1814 г.), выдающійся ученый филологъ и общественный дѣятель.

Андрей Андреевичъ *Радмискій*, словакъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ церковныхъ и педагогическихъ писателей, не только въ чешско-словацкой, но и въ русской литературѣ.

Палацкій Франтишекъ (род. 1798 г., умеръ 1876), чешскій исторіографъ, главный вождь чеховъ, „отецъ народа“.

Ригеръ Франтишекъ-Владиславъ, выдающійся чешскій политическій дѣятель, блестящій ораторъ, вождь старочешской партіи.

Эрбенъ Карель Яромиръ, архиваріусъ въ Прагѣ, чешскій исторіографъ, поэтъ.

Греиръ Юлій, докторъ правъ, издатель газеты „Народные Листы“ въ Прагѣ (съ 1861 г.), извѣстный чешскій публицистъ, прогрессивный дѣятель, вождь младочеховъ.

Черный Томашъ, молодой чешскій адвокатъ, вице-президентъ товарищества пражскихъ „Соколовъ“, впослѣдствіи первый чешскій пражскій городской голова.

Матуръ Карель, чешскій адвокатъ и политикъ, въ настоящее время стоящій во главѣ Чешскаго Національнаго Совѣта въ Прагѣ, ведущаго съ начала европейской войны борьбу чеховъ противъ Австріи и Германіи.

Матія Малръ (словенець), выдающійся славянскій дѣятель.

Гай Людевитъ, хорвать, выдающійся хорватскій писатель и публицистъ.

Субботичъ Юванъ, сербъ изъ Славоніи, поэтъ, депутатъ, политическій дѣятель.

Политъ Михаилъ Ивановичъ, депутатъ, сербскій политикъ.

Вукашиновичъ Александръ, депутатъ, выдающійся политическій дѣятель сербовъ въ Австріи.

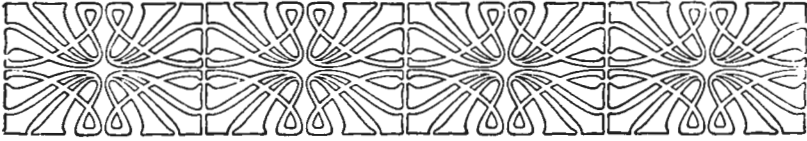
Костичъ Лазаръ, сербскій поэтъ.

Шафарикъ Янко, сербскій ученый изъ Бѣлграда.

Медиковичъ Милорадъ, извѣстный сербскій публицистъ изъ Бѣлграда.

Вукотичъ Петръ Стефановичъ, тесть черногорскаго князя Николая I, черногорскій сенаторъ.

Университетъ пятидесятихъ годовъ.

(Изъ воспоминаній Н. Леваковского).

(ПРОДОЛЖЕНЕ) ¹⁾.

Все сказанное представляетъ вѣрную, правдивую картину общаго университетскаго строя того времени, но картину, надо сознаться, далеко не полную, это скорѣе набросокъ карандашемъ болѣе рѣзкихъ, болѣе выдающихся чертъ, врѣзавшихся въ памяти. Кто-нибудь, болѣе умѣлый, современемъ, можетъ быть, дорисуетъ этотъ набросокъ, значительно пополнить его, разработаетъ исторически. Не имѣя ни малѣйшей претензіи на все это, я пишу прямо свои воспоминанія прожитаго. Но и помимо этого, эскизъ мой будетъ не полонъ, такъ сказать, одностороненъ безъ упоминанія объ учащейся молодежи описываемой эпохи, а потому перехожу къ ней.

Одѣтые въ мундиры, студенты того времени, смѣло можно сказать, ничѣмъ не походили на теперешнюю учащуюся молодежь (я сравниваю не съ теперешними вновь форменными студентами, а прежними, еще недавно бывшими безформенными). Не мало причиняла хлопотъ и непріятностей эта форма и полу-форма, но, по-моему, она имѣла огромное вліяніе: она клала на всѣхъ извѣстный отпечатокъ, она отличала студентовъ отъ прочихъ, она невольнo дѣлала изъ нихъ корпорацію.

Благодаря формѣ, студентъ былъ замѣтенъ, онъ, по своему наружному облику, былъ не похожъ на другихъ молодыхъ людей, того же возраста, не студентовъ. Это рѣзкое отличіе, придаваемое студентамъ формой, невольнo, какъ-то само собой, порождало понятіе о такъ называемой чести мундира,—заботу о томъ, чтобы, какъ говорятъ военные, не замарать

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль—іюнь 1917 г.

его ¹⁾. Это однообразіе наружнаго вида, эта обособленность, повторяемъ еще разъ, сближала, до извѣстной степени, всѣхъ студентовъ, вслѣдствіе чего, не могло существовать розни, подобной той, какая послѣдовала за уничтоженіемъ мундира.

Неблаговидный поступокъ, сдѣланный кѣмъ-либо изъ студентовъ, не могъ пройти незамѣченнымъ другими! И сколько было случаевъ, что юноша, провинившійся „въ замараніи мундира“, безъ сходовъ, безъ торжественнаго суда чести, прямо не допускался студентами въ университетъ и такимъ образомъ принужденъ былъ оставить его!

Мундиръ открывалъ студентамъ доступъ въ дома, сближалъ ихъ такимъ образомъ съ обществомъ: это послѣднее осязательно видѣло студентовъ, знало ихъ. Вотъ почему неблаговидный поступокъ, сдѣланный кѣмъ-то (оставшимся неизвѣстнымъ, неразысканнымъ), не приписывался, какъ потомъ, непременно студентамъ.

Не было въ то время столько стипендій, какъ теперь, о пособіяхъ мы и не слыхали, и между тѣмъ не было и той вопіющей бѣдности, какую встрѣчаешь теперь! Протягиваніе руки за милостыней, за подачкой было явленіемъ невысказаннымъ въ описываемую эпоху (съ уничтоженіемъ формы, это сдѣлалось явленіемъ зауряднымъ).

Долго и много занималъ меня вопросъ о причинѣ этого, и единственный отвѣтъ, одно заключеніе, къ которому я пришелъ, это то, что въ рассматриваемое время не было такого общаго, почти поголовнаго стремленія къ полученію высшаго образованія: въ университетъ шелъ только тотъ, кому позволяли это, хотя до нѣкоторой степени, средства, остальные избирали себѣ другія дороги. Значительное число нѣсколько подучившихся молодыхъ людей, стѣсняющихся въ матеріальныхъ средствахъ, шло въ мелкіе чиновники, стараясь пробить себѣ дорогу на этомъ пути и становясь такимъ образомъ не тягостью, а поддержкой семьи. Закрытіе этого пути отнятіемъ права на повышеніе въ гражданской службѣ у лицъ, не имѣющихъ научнаго ценза, неминуемо повліяло на увеличеніе контингента стремящихся поступить въ университетъ, чтобы, такимъ образомъ, открыть себѣ дорогу. Точно также, не малое число недоучившихся юношей посту-

¹⁾ Ну, виданное ли въ то время явленіе, чтобы студентъ въ формѣ зашелъ днемъ въ первый встрѣтившійся ему кабакъ? А въ безформенный періодъ это явленіе было самымъ обыкновеннымъ, зауряднымъ!

пало въ военную службу, гдѣ, пробывши нѣскольکو лѣтъ юнкерами, дѣлались, наконецъ, офицерами.

Закрытіе и этого пути еще болѣе увеличило наплывъ въ университетъ. Шли не изъ любви къ наукѣ, шли по необходимости и вносили, такимъ образомъ, пролетаріатъ въ стѣны университета. Учрежденіе стипендій и выдача пособій нуждающимся, явившіяся какъ настоящая необходимость для поддержки нуждающихся студентовъ, вызвали надежду кой-какъ просуществовать въ университетѣ. Нужда, разъ забравшаяся въ новое для нея помѣщеніе, постепенно, такимъ образомъ, росла и достигла, наконецъ, такихъ размѣровъ, что ни правительственная, ни общественная благотворительность уже не въ состояніи были удовлетворить ея.

Сытый голоднаго не понимаетъ, говоритъ пословица; такъ не поняли бы другъ друга студенты 50-хъ и 80-хъ годовъ (если бы только они могли встрѣтиться). То, что занимало первыхъ, показалось бы не стоящимъ вниманія послѣднимъ и, наоборотъ, вопросы, волнующіе современное студенчество, не нашли бы для себя мѣста у первыхъ.

Было бы, впрочемъ, несправедливо отрицать вполне существованіе въ студентахъ того времени интереса и къ насущнымъ жгучимъ вопросамъ жизни; интересъ этотъ существовалъ, но проявлялся въ самой безобидной, невинной формѣ, такъ сказать, пассивно. Почти каждый имѣлъ, какъ непремѣнную, но тщательно скрываемую принадлежность—старательно переписанную тетрадку запрещенныхъ стиховъ, но еще чаще все это выучивалось на память, такъ что никакой обыскъ не въ состояніи былъ открыть существованіе чего-нибудь нецензурнаго. И даже въ кружкѣ самыхъ интимныхъ товарищей эта контрабанда рѣдко появлялась на свѣтъ Божій. Но за то, съ какимъ вниманіемъ, съ какой серіозностью обсуждались иные вопросы? Собравшись въ небольшой компаніи близкихъ товарищей, цѣлые вечера, часто далеко за полночь, мы обсуждали и рѣшали: можетъ ли истинная любовь продолжаться вѣчно? Можно ли истинно любить два раза въ жизни?

На этихъ собраніяхъ „Обыкновенная Исторія“ Гончарова цитировалась и разбиралась въ подробности. Я живо помню то чувство невольнаго сожалѣнія, съ какимъ мы относились къ Дядѣ (Петру Ивановичу), и въ то же время, какъ сочувственно относились мы къ Александру до тѣхъ поръ, пока онъ, по нашему мнѣнію, былъ дѣйствительно живымъ, чув-

ствующимъ человѣкомъ; съ какимъ неподдѣльнымъ чувствомъ чуть не благоговѣнія смотрѣли мы на несчастную страдальцу—прекрасную тетюшку Елизавету Александровну. Мы находили всѣхъ этихъ личностей между нашими знакомыми; мы видѣли нѣкоторыя ихъ черты въ себѣ; мы жили съ ними, страдали съ ними и за нихъ! Фантазія работала усиленно и, подъ вліяніемъ этой работы, мы мало обращали вниманія на голую, неприглядную окружающую насъ дѣйствительность.

Мы переживали важную, надолго памятную историческую эпоху, эпоху Крымской войны, геройской защиты Севастополя, и о происходившемъ знали только случайно, по слухамъ! Никто изъ насъ и не думалъ слѣдить за событіями по газетамъ, и общее впечатлѣніе, основанное на видѣнномъ и случайно слышанномъ, слагалось въ такой формѣ: мы узнали, что объявлена война, что причиной ея было то, что султанъ не исполнилъ какого-то приказанія нашего императора, что султанъ былъ поставленъ, такимъ образомъ, въ затруднительное положеніе, благодаря лукавству англичанъ. Мы заранѣе видѣли неминуемую гибель предводителя правовѣрныхъ подъ натискомъ нашихъ штыковъ.

Повторяю, мы искренно вѣрили этому, да и могло ли быть иначе?

Со всѣхъ сторонъ мы только и слышали, что

Вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ указательнымъ перстомъ!

и т. д., какъ извѣстно каждому.

Или: Ура! На трехъ ударимъ разомъ!
Недаромъ же трехгранный штыкъ!

Всѣ ждали (и мы вмѣстѣ со всѣми), чуть не со дня на день, извѣстія о полномъ уничтоженіи, истребленіи дерзкихъ союзниковъ, осмѣлившихся нарушить нашъ покой. Слухъ о знаменитой Синопской побѣдѣ не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дерзновенные будутъ наказаны такъ, что долго не забудутъ урока. Но ожидаемая извѣстія не приходили, а вмѣсто нихъ только въ церквахъ начали читать запоздалый манифестъ касательно объявленія войны. Прошло еще нѣкоторое время; патріотическія стихотворенія росли, какъ грибы послѣ дождя, а о разгромѣ дерзкихъ союзниковъ все еще не было слуховъ. Начали проходить черезъ городъ различныя полки, и всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на эту диковинку, не выдавши никогда въ городѣ другихъ войскъ,

кромѣ солдатъ гарнизоннаго баталіона, не признававшихся даже за войска и носившихъ въ народѣ ненавистное для нихъ имя „крупы“. Для встрѣчи войскъ, былъ присланъ изъ Петербурга какой-то генераль. Полки являлись въ городъ одинъ за другимъ. Солдаты, измученные, грязные и голодные, собирались на одной изъ площадей и, построившись въ ряды, ожидали пріѣзда начальника. Мы были постоянными зрителями этихъ встрѣчъ и не могли надивиться разницѣ между отношеніемъ этого генерала къ приходящимъ войскамъ и отношеніемъ другихъ генераловъ, ежегодно являвшихся въ Харьковъ, для смотра „крупы“. Въ то время, какъ у послѣднихъ такъ и сыпалась во всѣ стороны всевозможная брань и распеканціи, у этого только и слышны были, что похвалы: видимо, онъ старался ободрить усталыхъ, перенесшихъ уже столько трудностей людей, готовившихся еще на тягчайшій трудъ. Подѣхавши къ полку, генераль кричалъ солдатамъ:

— Молодцами пришли и смотрѣть-то на васъ любо!

— Рады стараться! кричали привыкшіе къ этому выкрику голоса.

Начальникъ пропускалъ ряды, одинъ за другимъ и, похваливши при этомъ еще разъ, оканчивалъ этимъ смотръ. Солдаты шли по квартирамъ, но, благодаря распорядительности полиціи, люди, пришедшіе утромъ въ городъ, часто только къ вечеру находили домъ, гдѣ имъ отведена квартира. Въ размѣщеніи приходящихъ войскъ по домамъ не соблюдалось, повидимому, никакой очереди: были такіе счастливые домохозяева, у которыхъ постои не выводились, и часто въ какой-нибудь маленькій домъ назначалось человекъ по 15-ти. Продовольствіе такой массы пришедшихъ еще болѣе затрудняло жителей, но, видя несчастное положеніе солдатъ, ихъ кормили многіе на послѣднія средства.

Жалкій видъ голодныхъ защитниковъ отечества, ихъ тупое равнодушіе къ предстоящему дѣлу какъ будто поуменьшили нѣсколько увѣренность въ скоромъ и неминуемомъ разгромѣ союзниковъ; но продолжающіяся появляться, чуть не возами, патріотическія стихотворенія поддерживали вѣру въ непремѣнный успѣхъ, и всѣ продолжали ожидать.

За пѣхотой послѣдовали различныя казацкіе полки. Тѣ, еще до встрѣчи съ непріателемъ, тутъ же въ городѣ, на улицахъ, показывали... если не чудеса храбрости, то, по крайней мѣрѣ, необыкновенную смѣлость и ловкость: ни одна не искушенная въ наукѣ жизни курица была подхвачена пикой сидя-

шаго на сѣдлѣ всадника и, пойманная, такимъ образомъ, тутъ же была помѣщаема счастливымъ охотникомъ въ сумку.

Обыватели дивились незнакомому для нихъ виду пришедшихъ, удивленно смотрѣли на необычайные приемы ихъ, и, развѣ только изрѣдка, какая-нибудь кухарка, стоя за воротами и бывши свидѣтельницей охоты на курицу, въ полголоса спрашивала у своей товарки:

— А шо, чи гостра ся пика?

— И Боже, якъ дротъ! отвѣчала та такъ же тихо.

— И не дай Боже, якъ у вико попаде! глубокомысленно замѣчала первая.

За донскими и черноморскими казаками появились еще какіе-то, и, наконецъ, пришло не то киргизское, не то башкирское войско.

Люди, составлявшіе его, уже имѣли мало человѣческихъ чертъ. Это было какое-то дикое, никуда и ни на что, повидому, непригодное сборище. Ихъ также встрѣтилъ на площади тотъ же генераль, но смотръ рѣшительно не удался. Что и какъ ни пытался командовать начальникъ, полчище не двигалось; онъ, наконецъ, оставивши уже всѣ употребительные термины команды, закричалъ:

— Идите прямо и когда дойдете вотъ до этого бѣлаго дома, остановитесь. Полчище, наконецъ, двинулось въ безпорядкѣ, но возлѣ означеннаго дома не остановилось. Тѣмъ смотръ и кончился!

Мы были постоянными зрителями этихъ встрѣчъ, но, однажды, совершенно случайно, сами вступили въ бой съ однимъ изъ соотичей нашихъ враговъ—французомъ-портнымъ.

Магазинъ его былъ въ одномъ изъ домовъ на той площади, гдѣ происходили смотры, и высокое крыльцо при входѣ въ этотъ магазинъ служило любимымъ мѣстомъ нашихъ наблюдений. Въ одну изъ встрѣчъ какого-то изъ пришедшихъ полковъ, портной этотъ позволилъ себѣ сказать что-то дерзкое относительно русскихъ войскъ вообще. Его, безцеремонно, толкали за это пинками въ магазинъ. Къ несчастію онъ зналъ по фамиліи двухъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ студентовъ и пожаловался начальству нашему. Виновныхъ посадили въ карцеръ. Въ тотъ же вечеръ въ магазинѣ были выбиты стекла. Жалоба со стороны потерпѣвшаго повторилась, и арестованнымъ грозила опасность быть исключенными изъ университета. Необходимо было выручить товарищей, и съ

этою цѣлью рѣшено было все взвалить на казаковъ, которые будто-бы узнавши, что тутъ живетъ нехристь-французъ, выбили ему окна. Чтобы убѣдить въ этомъ какъ начальство, такъ и потерпѣвшаго, достали нѣсколько лошадей, наскоро изъ синей сахарной бумаги устроили кивера, одѣлись въ какіе-то костюмы, напоминающіе нѣсколько казацкіе, и, вооружившись длинными палками, на подобіе пикъ, отправились вечеромъ, сѣвши верхомъ на лошадей, къ магазину портного. Подъѣхавши, выбили импровизированными пиками, не спѣша, всѣ стекла въ магазинъ. На шумъ, происшедшій отъ разбиванія стеколъ, выбѣжалъ хозяинъ магазина и, видя, что безчинство производятъ казаки, счелъ за лучшее ретироваться. Видѣвши лично, что безчинствуютъ казаки, а не студенты, французъ на другой же день заявилъ объ этомъ университетскому начальству, и плѣнные получили свободу, благополучно отдѣлавшись отъ грозившей опасности.

Время шло своимъ чередомъ, и никто не зналъ, что творится на мѣстѣ дѣйствія. Прошлъ слухъ, что союзники сдѣлали десантъ въ Крыму.—И прекрасно! Вотъ теперь-то они и узнаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и убѣдятся, какъ плохо приходится тѣмъ, кто противъ насъ! Такъ думали всѣ, и ожиданія свѣдѣній о блистательной побѣдѣ усилились. Прошло еще нѣсколько времени, и, вмѣсто нетерпѣливо ожидаемаго извѣстія, всѣ съ удивленіемъ слышали какъ бы по секрету передаваемую новость:

— Нашихъ разбили, наши отступили! Никто не вѣрилъ этому; всѣ считали этотъ слухъ за пущенный врагами отечества. Но слухъ упорно держался! Стали безпрестанно проѣзжать черезъ городъ, сломя голову, фельдъегеря, проѣхало нѣсколько рыдвановъ съ сестрами милосердія, провезли какой-то полкъ на подводахъ; къ зловѣщему слуху прибавились другіе: у насъ нѣтъ достаточнаго числа войскъ въ Крыму, ружья наши никуда не годятся, солдатъ нечѣмъ продовольствовать, обозы гибнуть въ пути отъ бездорожія! Проѣхали великіе князья...

— Неладно что-то!—думали обыватели.—Да какъ же это? Да не можетъ же быть этого!—успокоивали себя всѣ. Но слухи, одни другихъ печальнѣе, одни другихъ ужаснѣе, летѣли съ мѣста дѣйствія. Не вѣрить горькой дѣйствительности было уже невозможно!

Извѣстія эти передавались уже не шопотомъ, не по секрету, какъ въ первое время, а громко, во всеуслышаніе!

— Что же это такое?—съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя каждый.—Все, чѣмъ мы гордились, все, на что мы надѣялись, оказалось пухомъ, мыльнымъ пузыремъ! Гдѣ же наша сила, о которой мы были такого высокаго мнѣнія? Гдѣ же наша мощь? Намъ дали урокъ, и мы только послѣ него поняли дѣло въ настоящемъ свѣтѣ! Явилась какая-то необычайная злость, такъ сказать, желаніе самобичеванія.—Насъ разбили опять!—сообщаетъ новый злосчастный слухъ.—И прекрасно!—говорятъ озлобленные обыватели.

— У насъ взяты руды, и мы понесли громадную потерю людьми; взято нѣсколько орудій!—добавляетъ другой.—И отлично!—говорили обыватели.—Авось послѣ этого очнемся!

Происходило нѣчто необыкновенное, небывалое: мы радовались собственной бѣдѣ!

Поэты, кричавшіе о трехгранномъ штыкѣ, замолкли, надежда на блистательную побѣду разомъ рушилась, и только нѣкоторые, особенно рьяные почитатели русской неодолимой силы, продолжали завѣрять:—Не можетъ быть этого, никоимъ образомъ не можетъ быть! Вотъ, постойте, мы еще покажемъ себя!

Мы дѣйствительно показали себя, только не той стороною, какой думали! Провезли, куда-то, нѣсколькихъ человѣкъ плѣнныхъ.

Обыватели бѣгали смотрѣть, какъ на чудо. Бывшіе между ними турки какъ-то особенно свысока относились къ намъ; французы съ удовольствіемъ курили предлагаемая имъ папиросы и завѣряли покровительственнымъ тономъ, что они противъ насъ ничего не имѣютъ; англичане упорно молчали. Вслѣдъ за плѣнными, потянулись пѣшкомъ и на подводахъ наши раненые солдаты; они были въ ужасномъ видѣ: грязные, оборванные, изнуренные и голодные, они напоминали болѣе нищихъ-калѣкъ, нежели храбрыхъ защитниковъ отечества!

Обыватели принимали ихъ сочувственно; кормили и поили чѣмъ могли. Устраивались временные госпитали, на скорую руку, безъ самыхъ необходимыхъ приспособленій. Не было ни бѣлья, ни коекъ, ни посуды.

Обыватели носили раненымъ съѣстные припасы и утоляли голодъ несчастныхъ мучениковъ.

Русскій солдатъ не требователенъ: поѣвши и нѣсколько отдохнувши отъ долгой и трудной дороги, глядишь, какой-нибудь изъ солдатиковъ полу-лежа на соломѣ, рассказываетъ собравшейся возлѣ него кучкѣ слушателей:—Да и трудно же,

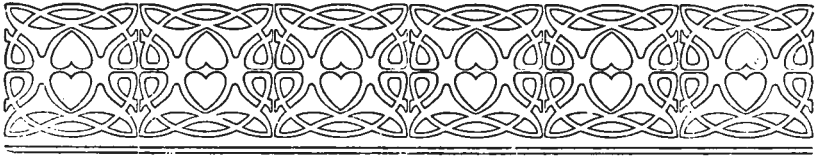
братцы, я вамъ скажу, съ этимъ туркомъ возиться! Примѣромъ, вопрешь ты ему штыкъ въ самое пузо; ну, ничего, ладно, идетъ! Ну, а вотъ какъ оттуда-то, тутъ бѣда какъ намаешься: потому ужъ больно жиренъ этотъ проклятый турка! Неча дѣлать, кричишь: пособи, братъ, Бубновъ! Да уже вдвоемъ-то и то насилу выпрешь! Значить, евтотъ самый жиръ задорживать!—Ишь-ты!—глубокомысленно замѣчаютъ слушающіе. Въ другомъ мѣстѣ такая сцена: Раненый погонецъ-малороссъ рассказываетъ, что онъ шелъ однажды по полю, послѣ сраженія; одинъ изъ лежавшихъ тамъ раненыхъ, мучимый страданіями, обратился къ нему, передаетъ рассказчикъ, съ убѣдительною просьбой:

— Додай, каже, мини смерти!—Ну, и шожъ?—спрашиваютъ съ нетерпѣніемъ и замираніемъ сердца слушающіе.—Ну, и юму и додавъ!—хладнокровно, флегматично отвѣчаетъ рассказчикъ.

Памятнымъ, выдающимся событіемъ описываемаго времени является смерть императора Николая Павловича. Если бы надъ самымъ ухомъ раздался пушечный выстрѣлъ, то онъ, право, не такъ озадачилъ бы, какъ извѣстіе объ этой неожиданной смерти.

Сообщ. **О. Н. Леваковская.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневныя записки генерала Патрика Гордона.

(продолженіе) ¹⁾.

24 числа я, по приглашенію, ужиналъ у англійскаго резидента, гдѣ были также главнѣйшіе купцы англійской компаніи, и мы всѣ были великолѣпно угощены. Г. Кембридж уговорился со шкиперомъ о нашемъ переѣздѣ въ Англію; онъ согласился, получивъ за мой провозъ, столъ, питье и также каюту для меня и трехъ моихъ спутниковъ десять фунтовъ стерлинговъ, доставить насъ до самаго Лондона.

25 марта былъ день Св. Благовѣщенія. Я поѣхалъ съ кучеромъ въ Альтону и былъ при богослуженіи.

26 числа я писалъ по почтѣ въ Москву боярину В. В. Голицыну, г. Виніусу, Гартману, полковнику фонъ-Менгдену и моей супругѣ, вложивъ всѣ письма въ конвертъ г. фонъ-Соуме (Soume) и адресовавъ г. Виніусу. Писалъ также г. Крауфуирду, въ конвертъ г. Грея и по адресу г. Адіе въ Данцигъ.

27 числа ужиналъ у г. Роберта Жолли и былъ весьма ласково и пріятно принятъ.

28 числа получилъ приглашеніе на праздникъ у г. Фостора, гдѣ былъ также англійскій резидентъ и важнѣйшіе англійскіе купцы съ ихъ женами; всякаго угощенія было въ изобиліи.

29 марта. Я не имѣлъ терпѣнія ожидать благопріятнаго вѣтра, а потому рѣшилъ отправиться далѣе сухимъ путемъ до береговъ Англій. Въ довольно бурную погоду я нанялъ лодку, но не былъ въ состояніи спуститься по рѣкѣ до Бланкенэсса и потому направился въ Гарбургъ, при чемъ меня провожалъ г. Жолли и другія лица. Я уплатилъ за провозъ 4 марки, а также за вино и пиво—марку. Мы наняли повозку до Букстехуда, всего 3 мили, полагая за каждую по половинѣ

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль—іюнь 1917 г.

талера, согласно повелѣнію въ этой странѣ, и за повозку для 3—5 человекъ. Этотъ Гарбургъ—открытое мѣсто теперь, имѣетъ обвалившійся валъ, со стороны материка, а на берегу рѣки замокъ, хорошо укрѣпленный, со рвомъ, бастіонами и пр. пр.; онъ принадлежитъ герцогу Люнебургскому. Мы проѣхали по очень неплодородной мѣстности до Букстехуда и тутъ, у стараго монастыря, за городомъ, смѣнили лошадей, чтобы везти насъ далѣе, при чемъ насъ порядкомъ надулъ извощикъ. Утверждая, что очень плоха дорога, онъ увѣрялъ, что не можетъ везти насъ скоро и притомъ въ нашей повозкѣ, но что требуется другая. Послѣ долгихъ объясненій мы уговорились съ нимъ, что за 3½ талера онъ довезетъ насъ до монастыря Севенъ, въ разстояніи 4 мили, куда мы и прибыли около 11 часовъ ночью и заплатили тутъ за пиво и яйца—10 шиллинговъ. Мы тутъ ничего болѣе не могли достать. Я заплатилъ за cadaго изъ насъ по шиллингу и за повозку съ cadaго по 2 гроша. Мы были принуждены взять 2 повозки, а потомъ опять въ Оттерсбергъ и, такимъ образомъ, уплатили двойныя провозныя деньги до Бремена, что составило по талеру за каждую милю.

30 марта. Немного ранѣе 7 часовъ мы пріѣхали въ Оттерсбергъ, который въ трехъ миляхъ, и уплатили тутъ за вино, пиво и яйца—одну марку. Получивъ свѣжихъ лошадей, пустились далѣе и проѣхали мимо замка, укрѣпленнаго весьма порядочнымъ валомъ. Затѣмъ перебрались черезъ рѣку по мосту, а потомъ, сдѣлавъ три мили по длинному, болотистому мѣсту, прибыли въ Бременъ и уплатили за cadaго изъ насъ по три талера.

Бременъ—очень хорошій городъ, лежащій на рѣкѣ Везеръ и сильно укрѣпленный. Находясь подъ властью шведовъ, онъ не такой цвѣтущій, какимъ былъ прежде. Здѣсь я былъ очень хорошо принятъ и угощенъ въ винномъ погребѣ г. Спенсомъ. Затѣмъ досталъ повозку и къ вечеру прибылъ въ Дельменгорстъ, проѣхавъ долгую милю, за что уплатилъ талеръ съ половиною, согласно предписанію, повсюду выставленному, которое всякій можетъ видѣть и прочесть. Это небольшой, открытый городъ съ большимъ дворцомъ или замкомъ; онъ ранѣе принадлежалъ герцогу Ольденбургскому, но теперь по праву наслѣдства принадлежитъ королю Датскому.

Около 10 часовъ, взявъ свѣжихъ лошадей, мы пустились далѣе и, проѣхавъ всю ночь, около 6 часовъ утра прибыли въ Ольденбургъ, городъ довольно хорошо укрѣпленный,

на рѣкѣ Хундъ. Замокъ герцога также укрѣплень и съ подѣмными мостами. Тутъ я уплатилъ за этотъ перегонъ въ 4 мили за 4 лицъ всего 160 *грутто* (или два талера и еще 16 грутто) и фурману на водку восемь *грутто*. Я уплатилъ здѣсь за завтракъ 33 грутто, что составляетъ 22 липъ-шиллинга. Мы ѣхали пріятною, веселою мѣстностью и остановились на половинѣ дороги, при чемъ я уплатилъ за пиво—6 шиллинговъ. Затѣмъ послѣ 4 миль прибыли въ Апонъ и заплатили то же самое за провозъ, что и прежде, а за пиво—4 шиллинга. Мы проѣхали мимо замка и немного ранѣе около маленькаго форта; это граница владѣній герцога Ольденбургскаго, послѣ чего на востокъ идетъ Фрисландія; тутъ небольшой фортъ и открытый городъ *Деттеренгъ*, въ разстояніи мили. Я заплатилъ за провозъ одинъ талеръ, а за пиво—4 шиллинга. Потомъ проѣхали мимо другого замка, окруженнаго землянымъ ровомъ съ водою, безъ болверка, но имѣющаго съ восточной стороны горнверкъ. Послѣ этого проѣхали вдоль рѣки Эмсъ, по очень худой дорогѣ и добрались до открытаго города Лири, сдѣлавъ всего одну милю. Тутъ мы ночевали, и я заплатилъ за провозъ одинъ талеръ и десять штюверовъ; здѣсь я встрѣтилъ г. Лесли и г. Вуда. Я оставался здѣсь всю ночь и уплатилъ за 2 каны пива и ночлегъ—18 штюверовъ и еще 2 штюв. служанкѣ и 4 штюв. почтмейстеру.

Апрѣля перваго продолжалъ путь, справивъ повозки. Мы переправились черезъ р. Эмсъ у форта Лиръ-офто, а затѣмъ черезъ Ферри, которая близъ форта и въ четверти мили отъ Лира, гдѣ я далъ на водку только 6 штюверовъ, и прибыли сперва въ *Панд*, въ разстояніи полуторы мили, а потомъ въ Нейшанцъ, первый голландскій городъ съ гарнизономъ на этой сторонѣ; тутъ отъ недавняго наводненія много домовъ и полей были еще подъ водою. Я уплатилъ здѣсь за провозъ..... флориновъ, далъ на водку фурману 3 штюв. и истратилъ въ Пандо-Нейшанцѣ—9 штюверовъ.

Отсюда до Виншоттена—голландскаго города,—полторы мили; за провозъ уплатилъ 1 талеръ, на водку—2 штюв., истратилъ на пиво 6 штюв. Тутъ мы достали лодку, направились къ Грѣнингу и находились въ дорогѣ 6 часовъ, какъ здѣсь выражаются; я уплатилъ за провозъ каждаго изъ насъ 11 штюв., на водку—2 штюв., за хлѣбъ—2 штюв., за доставку нашихъ вещей (багажа) чрезъ городъ на другую лодку—12 штюв. Скоро насталъ вечеръ, и мы направились на нашу лодку и черезъ 3¹/₂ часа приѣхали въ Скробуть, уплативъ за

провозъ 9 штюв. за каждаго и за доставку вещей на другую лодку 4 штюв. Отсюда до Докума ѣхали 4 часа; уплатилъ за провозъ 9 штюв. съ каждаго, за доставку вещей на другую лодку въ С. Аманъ и, кромѣ того, ночью за питье и пироги—16 штюв. Отсюда до Ливердена—14 миль; за провозъ каждаго уплатилъ 40 штюв., за перевозку вещей—6 штюв., за хлѣбъ и пиво—6 штюв.; мальчику—1 штюв. Отсюда до Больсварта—4 часа ѣзды; уплатилъ за провозъ по 40 штюв., за вещи—6 штюв., за пиво—2 штюв., мальчику—полъ-штюв. Затѣмъ до Воркума четыре часа ѣзды въ общей лодкѣ; уплатилъ за провозъ 16 штюв., за переносъ вещей—6 штюв., пиво—2 штюв. Здѣсь мы достали большой корабль и заплатили за всѣхъ насъ 10 флориновъ, что составляло обыкновенную цѣну провоза; на мою долю было 3 флорина 14 штюв., на водку—6 штюв., съ каждаго по 2 штюв., за переносъ вещей на мою квартиру—8 штюв. Мы 3 апрѣля утромъ рано приѣхали въ Амстердамъ, проѣхавъ 12 часовъ отъ Воркума. Заплатили тутъ за троихъ 8 штюв., уплатилъ въ Долъ за осмотръ картинъ и за вино 12 штюв. и въ Лебедѣ (гостиница) за вино 30 штюв. Кромѣ того, за сундукъ—7 флорин. 6 штюв., за замокъ—9 штюв., за шляпу—3 флорина 18 штюв., за обѣды въ два дня—9 флориновъ, на чай служанкѣ—12 штюв., за стирку бѣлья—14 штюв.

4 апрѣля былъ праздникъ Св. Пасхи; я былъ у богослуженія, а послѣ обѣда смотрѣлъ корабли, старую церковь, замокъ, улицы и постройки города.

5 числа рано отправился на лодку и поѣхалъ въ Гарлемъ, Лейденъ и Гаагу, уплативъ обыкновенную плату за провозъ, а за ужинъ и завтракъ—7 флор. 8 штюв.; за кучера здѣсь—24 штюв., вещи—12 штюв.

6 апрѣля я на лодкѣ поѣхалъ въ Дельфтъ и Роттердамъ и остановился въ гостиницѣ съ вывѣскою „Гусь“. Тутъ я повстрѣчалъ многихъ моихъ добрыхъ пріятелей и пробылъ двѣ ночи. Купилъ кружевъ къ галстухамъ на 54 флор.; уплатилъ за мое помѣщеніе 8 флор. 12 штюв.; за вещи—12 штюв., за книги—28 флор., за вино на дорогу—талеръ, за разные провизіи и необходимыя вещи—4 флор., за завтракъ въ этотъ день—26 штюв. и за провозъ—30 шил., за постель—5 шил., за вещи—5 шил.

8 числа мы пустились внизъ по рѣкѣ Маасу и кинули якорь въ Дельфтѣ (Шлюйсѣ).

9 числа мы кинули якорь у Бриеля (Брилль); тутъ, а также и въ Дельфтѣ я истратилъ до 38 штюв.

11 числа мы подняли якорь и съ разсвѣтомъ отправились далѣе. Съ большими затрудненіями вышли въ море, миновавъ дюны, и затѣмъ при очень хорошемъ вѣтрѣ направились къ берегамъ Англіи и часть ихъ увидѣли уже на другой день, но они находились еще въ разстояніи 48 лигъ отъ насъ. На нашемъ кораблѣ находилось много пассажировъ, въ томъ числѣ много французовъ, покидавшихъ родину, какъ они говорили, изъ-за вѣры ихъ. Ночью мы кинули якорь въ устьѣ рѣки Темзы, недалеко отъ Маргата.

13 числа. Не имѣя надежды въ скоромъ времени подняться по рѣкѣ Темзѣ, я, вмѣстѣ съ другими лицами, вышелъ на берегъ и прошелъ около трехъ миль пѣшкомъ до Маргата, гдѣ заплатилъ 2 шил. 6 пенс. Тутъ я нанялъ двухъ лошадей до Кентербюри, заплативъ всего за пять миль 9 шил. и, кромѣ того, на водку мальчику—6 пенс. Еще за вино шесть пенс. и за лошадей почтовыхъ за 12 миль—8 шил. 6 пенс. Старая вдова на станціи отпустила мнѣ обратныхъ лошадей, за которыхъ я уплатилъ 5 шил. и конюху 4 пенс. Я еще не отъѣхалъ 4 миль, какъ одна изъ лошадей дотога захворала, что я съ трудомъ могъ отправить ее до Рочестера, гдѣ былъ принужденъ остановиться и уплатить за помѣщеніе, пиво и водку—16 пенс. и за лошадей—16 пенс. и на чай—10 пенс.

14 числа. До разсвѣта я уѣхалъ далѣе и съ большимъ трудомъ довелъ больную лошадь до Гравезенда, который въ пяти миляхъ отъ Рочестера и въ 13 миляхъ отъ Ситтингъборо, уплативъ проводнику, указывавшему дорогу, 6 пенс. и за завтракъ 15 пенс. Я подрядилъ пару лодокъ и заплатилъ за себя, сына и маленькаго мальчика, котораго нашелъ въ лодкѣ совсѣмъ безъ денегъ, 6 пенс. Прибывъ въ Лондонъ, я отправился въ небольшую скромную гостиницу въ тихой улицѣ и потребовалъ себѣ хлѣба и бутылку вина. Я послалъ за г. Мевереллемъ и г. Вульфомъ, а также Спенсомъ, но никого изъ нихъ не могли найти. Уплативъ 16 пенс., я взялъ другую квартиру въ той же улицѣ и снова пригласилъ къ себѣ вечеромъ тѣхъ же лицъ, которыхъ звалъ ранѣе, а, кромѣ того, и моего двоюроднаго брата Александра Гордона, отъ котораго получилъ всѣ бумаги. Я заплатилъ за помѣщеніе 8 шилл. 7 пенс. и далъ на чай—5 пенс., а также матросу—1 пенс.

15 апрѣля, въ сопровожденіи пришедшихъ ко мнѣ Меверелля и его двоюроднаго брата, я поѣхалъ въ зданіе Юрка и помѣстился у Джона Хайя, которому поручилъ достать мнѣ платье по модѣ. Генеральъ Друммондъ и прочіе пріятели посѣтили меня. Генеральъ сообщилъ лорду Мельфорту о моемъ пріѣздѣ, а послѣдній доложилъ объ этомъ, при свиданіи, королю, который приказалъ мнѣ явиться къ нему ко двору на слѣдующее утро въ 8 часовъ. Взявъ у Меверелля взаймы 72 фунт. стерлинговъ, я запасся всѣмъ необходимымъ, какъ-то: купилъ парикъ за 7 фунт., шляпу за 2 фунт. 10 шилл., шелковые чулки за 12 шилл., башмаки за 4 шилл., пару рукавчиковъ и перчатокъ за 10 шилл., позолоченныя пряжки за 15 шилл., три меча за 14 шилл. и три перевязи къ нимъ за 6 шил. Кромѣ того, уплатилъ парикмахеру за бритье и стрижку 1 шил., за обѣдъ себѣ 5 шил. 6 пфен., за наемъ кареты 18 пенс., а также купилъ нѣсколько галстуховъ, манжетъ и кружевъ за 10 шил.

16 числа около 8 ч. генеральъ Друммондъ далъ мнѣ знать, что пора ѣхать ко двору. Я отправился къ нему и поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ. Мы прошли въ комнату лорда Мельфорта, который чрезъ полчаса представилъ меня королю, при выходѣ его изъ спальни. Король принялъ меня весьма милостиво. Поцѣловавъ ему руку, съ обычными церемоніями, я сказалъ краткое привѣтствіе, и затѣмъ король предложилъ мнѣ рядъ вопросовъ о царяхъ, о Россіи, внѣшнихъ сношеніяхъ ея, о войскѣ, о формѣ правленія и т. д., спросилъ о моей поѣздкѣ и прочихъ различныхъ предметахъ. Послѣ этого онъ направился въ комнаты королевы, гдѣ меня привѣтствовали находившіеся тамъ шотландскіе дворяне. Тутъ я ожидалъ, пока король отправится въ паркъ; ему угодно было говорить обо мнѣ принцу Георгу, которому я былъ при этомъ случаѣ также представленъ.

Я обѣдалъ въ голландскомъ домѣ съ разными лицами, сидя въ разбивкѣ, въ безпорядкѣ. Я истратилъ въ этотъ день, давая на водки,—2 шил. 6 пенс., на кареты—3 шил. и прислугѣ—8 пенсовъ.

17 числа я опять поѣхалъ въ каретѣ съ генераломъ Друммондомъ, утромъ, въ дворецъ и ожидалъ короля въ паркѣ. Вечеромъ я посѣтилъ различныхъ вельможъ на дому и истратилъ на карету—18 пенс., обѣдъ и вино 4 шил., слугѣ—12 пенс.

18 числа воскресенье—былъ при богослуженіи въ церкви Св. Якова, обѣдалъ съ различнымъ дворянами въ гостиницѣ „Крестъ“ и уплатилъ за обѣдъ и пиво мнѣ и сыну моему 5 шил., а слугѣ въ этотъ день—18 пенсовъ.

19 числа я перемѣнилъ помѣщеніе, потому что оно было неудобно и дорого; приходилось постоянно нанимать карету или носилки для ѣзды ко двору и обратно. Я нанялъ себѣ другое помѣщеніе въ гостиницѣ „Корона“ на улицѣ Pell-mell (Пель мель), гдѣ я за столовую и другую комнату и помѣщеніе слугѣ платилъ въ недѣлю 11 шиллинговъ; это помѣщеніе имѣло и то еще удобство, что небольшой переулочекъ съ воротами прямо вель въ С.-Джемскій паркъ. Въ тотъ же день я получилъ свой багажъ съ корабля и уплатилъ 8 шил. 4 пенса и еще за мелкіе разѣзды 3 шил. Кромѣ того, за мой обѣдъ—2 шил., слугамъ—2 шил. 6 пенс.; чай—4 пенс.

20 числа я отправился въ Линкольнъ-иннъ-фильдъ съ г. Джемсомъ Кеннеди, Джемсомъ Линдсаемъ и капитаномъ Сетономъ, нанявъ вмѣстѣ повозку, чтобы проводить отъѣзжавшихъ въ этотъ день: Гамильтона, ген. Друммонда и сэра Георга Локартъ (президента сессіи), вызванныхъ королемъ, чтобы переговорить съ ними о предстоящемъ открытіи парламента. Я и другія лица провожали ихъ десять миль до Барнейта, обѣдали тамъ и возвратились вечеромъ въ Лондонъ; я истратилъ въ этотъ день 1 шиллингъ, слугамъ 2 шиллинга 2 пенс., за чай 6 пенс., наемъ возчика 5 шил. 6 пенс., обѣдъ 4 шил., на мелочи 15 пенсовъ.

21 числа я ожидалъ его величество въ Арлингтонскомъ саду. Король, прохаживаясь взадъ и впередъ, говорилъ со мною около получаса и особенно разспрашивалъ о формѣ правленія въ Россіи, объ укрѣпленіяхъ и границахъ, о войскѣ и его состояніи, объ оружіи, объ образѣ веденія войны, объ осадѣ Чигирина и о многихъ другихъ предметахъ. Я издержалъ въ этотъ день на обѣдъ 3 шил. 6 пен., слугѣ—2 пен., ночью 14 пен.

22 числа, по обыкновенію, я отправился въ паркъ и ожидалъ короля, во время его прогулки въ паркѣ. Онъ приказалъ испытать новый насосъ, сдѣланный сэромъ Робертомъ Гордономъ; въ насосѣ, однако, оказалось что-то сломаннымъ, и онъ не оправдалъ ожиданій. Я осматривалъ послѣ этого Вест-

минстерское аббатство и гробницы королей въ часовнѣ короля Генриха VII. Я издержалъ на чай 4 п., обѣдъ 3 шил. 8 п., слугѣ съ моимъ сыномъ 2 шил. 6 п.

23 числа, въ день Св. Георгія, былъ при богослуженіи въ Сень-Джемсѣ и слушалъ очень хорошую проповѣдь. Королева нѣсколько уже оправилась отъ постигшей ее болѣзни и въ тотъ же день пріѣхала чрезъ С.-Джемскій паркъ въ Гайдъ-паркъ, въ сопровожденіи пяти другихъ каретъ и отряда гвардіи. Я издержалъ въ этотъ день на обѣдъ 4 шил. 4 п. и вечеромъ 19 п., моему слугѣ съ сыномъ 2 шил. 6 пенс., полагая одинъ шиллингъ моему сыну, а остальное двумъ слугамъ.

24 числа я поѣхалъ въ Лондонъ и говорилъ о курсѣ денегъ съ пріятелемъ, который затѣмъ меня угостилъ виномъ на кораблѣ. Я истратилъ въ этотъ день на чай—2 п., за лодку 1 шил., за повозку и обратно 18 п., слугѣ 2 шил. и ночью—5 п., за мою прическу 6 п.

25 числа былъ при богослуженіи въ С.-Джемсѣ, при которомъ присутствовалъ король съ королевою, послѣ чего они открыто обѣдали при музыкѣ. Я смотрѣлъ на все это, а затѣмъ долженъ былъ обѣдать одинъ, потому что обыкновенное мое общество уже окончило обѣдъ. Выдалъ въ этотъ день на обѣды и пр. 6 шил. 8 пенс. и вечеромъ слугамъ 1 шил. и мнѣ самому 5 пенс.

26 числа. Услыхавъ, что король намѣревается ѣхать въ Чатамъ, я досталъ себѣ отъ лорда Мельфорта билетъ, чтобы быть допущеннымъ на королевскую яхту. Я поѣхалъ затѣмъ къ воротамъ Биллинга. Король обѣдалъ въ Тауерѣ у лорда Дармута. Я нанялъ лодку до Депфорта, гдѣ былъ принятъ на королевскую яхту. Это могло сдѣлаться и безъ особаго билета отъ лорда Мельфорта, потому что тутъ находилось шесть королевскихъ яхтъ, а свита короля была малочисленна. Доѣхавъ до форта Тильбюри, противъ Гравезенда, король вышелъ на берегъ, обошелъ кругомъ укрѣпленія и все осмотрѣлъ. Онъ спросилъ мое мнѣніе объ укрѣпленіяхъ, которыя я, конечно, призналъ прекрасными. Послѣ этого король скоро возвратился на яхту, при чемъ его привѣтствовали выстрѣлами со всѣхъ орудій форта, а также съ кораблей, спускавшихся по Темзѣ внизъ, какъ это было и при отплытіи отъ Тауэра. Я сѣлъ на другую яхту, потому что та, на которой я пріѣхалъ, отошла

ранѣ, и мы поѣхали всѣ къ Ширнессу. Въ этотъ день я истратилъ за завтракъ 2 шил. 6 п., за повозку 18 п., за лодку до яхты 1 шил., за лодку отъ Тильбюри до яхты—1 шил.

27 числа утромъ, около 6 часовъ, король вышелъ въ Ширнессъ на берегъ, обошелъ кругомъ укрѣпленія и, стоя на башнѣ наверху, спросилъ мое о крѣпости мнѣніе. Я отвѣчалъ, что она очень хорошо устроена, всѣмъ достаточно снабжена, и что я удивляюсь, какъ голландцы могли отважиться идти на парусахъ въ Чатамъ, имѣя на пути своемъ такую крѣпость. На это король отвѣтилъ, что я ошибаюсь, полагая, что это мѣсто въ то время было въ такомъ же состояніи, какъ теперь; въ то время тутъ былъ просто слабый шанецъ, плохо снабженный и вооруженный. Я возразилъ, что удивляюсь еще болѣе тому, что столь важное для судоходства мѣсто было и въ то время защищено не лучше. Король сказалъ, что я правъ, и что голландцы первые научили англичанъ уму-разуму. Когда мы пришли въ домъ коменданта и стали завтракать, король задавалъ мнѣ много вопросовъ всякаго рода, напримѣръ, какое оружіе употребляется въ русскомъ войскѣ, какъ устроено войско, какой строй и т. д.; онъ спросилъ также, какого рода я лично, т.-е. происхожу ли отъ линіи Абердиновъ или другихъ и т. д. Король затѣмъ очень скоро направился на яхту и, такъ какъ яхта, на которой я ѣхалъ, ушла, то мнѣ пришлось нанять двухвесельную лодку, которая, однако, по причинѣ противнаго вѣтра, не могла нагнать прочія суда, шедшія подъ парусами. Король это замѣтилъ и выслалъ свою собственную лодку, которая и доставила меня на одну изъ яхтъ; это мнѣ стоило пять шиллинговъ. Мы направились по рѣкѣ Медвей къ Чатаму, гдѣ вышли на берегъ, при чемъ короля встрѣтили салютомъ изъ фортовъ и всѣхъ кораблей, какъ и въ Ширнессѣ. Король осматривалъ корабли, бывшіе на стапеляхъ, потомъ произвелъ ученіе пяти ротамъ полка полковника Кирка; подполковникъ или командовавшій былъ верхомъ, а король со свитою пѣшкомъ. Онъ замѣтилъ въ ротѣ гренадеръ недостатокъ пяти лицъ, о которыхъ подполковникъ давалъ объясненіе. Отобѣдавъ здѣсь, король отправился на свою яхту, которая попортила свой бугшпритъ (переднюю лежачую мачту), задѣвъ ею за одинъ изъ большихъ кораблей при подъемѣ вверхъ по рѣкѣ. Всѣ форты были хорошо снабжены орудіями, такъ что ни голландское судно, ни какое-либо другое не отважится теперь предпринять что-либо противъ форта. Я съ другими

тремя лицами обошелъ пѣшкомъ городъ, нанялъ повозку и поѣхалъ въ Гревезендъ. Послѣ обѣда наняли мы лодку и поѣхали въ Лондонъ обратно. Въ этотъ день я израсходовалъ въ Ширнессѣ за лодку 5 шил., на завтракъ въ Чатамъ 18 п., на поѣздку до Гревезенда 2 шил., гдѣ нанялъ кучера за 6 пенсовъ, за ужинъ въ Гревезендѣ—2 шил., лодку до Лондона—18 пенсовъ.

Сообщ. П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

1—2 ноября. Наши войска въ Добруджѣ подвигаются къ югу. Румыны, съ перемѣннымъ успѣхомъ, дѣйствуютъ при выходахъ изъ Трансильванскихъ Карпатъ. Англичане отгѣснили германцевъ у Анкра и взяли $3\frac{1}{2}$ т. плѣнныхъ. Перваго ноября состоялось открытіе Г. Думы и Г. Совѣта, при чемъ М. В. Родзянко произнесъ патриотическую рѣчь о томъ, что война должна быть выиграна во что бы то ни стало. Относительно рѣчей другихъ ораторовъ точнаго ничего нельзя сказать, т. к. газеты вышли съ бѣлыми столбцами. Совершенно непонятно ослѣпленіе правительства, что свободѣ можно зажать ротъ подобнымъ путемъ, который несомнѣнно поведетъ къ крайне печальнымъ для него послѣдствіямъ. Говорятъ въ городѣ много о рѣчи Милюкова противъ настоящаго режима и пагубнаго вліянія молодой императрицы. Мнѣ не пришлось быть въ Г. Думѣ.

3 ноября. Румынскія войска, въ долину Жіу, подъ давленіемъ превосходныхъ силъ противника, отошли къ югу.

По свѣдѣніямъ изъ румынскихъ освѣдомленныхъ источниковъ, въ настоящее время на румынскомъ фронтѣ сосредоточено 32 дивизіи австрійскихъ, германскихъ и болгарскихъ, изъ которыхъ 22 дивизіи на фронтѣ Трансильваніи и 10 на добруджскомъ. На этотъ послѣдній фронтъ стягиваются новые резервы, прибывающіе съ верденскихъ позицій.

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль—іюнь 1917 г.

„Новое Время“¹⁾ сообщаетъ слѣдующую телеграмму изъ Лондона: Палата общинъ. Отвѣчая на обращенные къ нему запросы, лордъ Робертъ Сесиль заявилъ, что союзныя правительства признали правительство Венизелоса въ предѣлахъ Новой Греціи и на островахъ, между тѣмъ какъ въ Старой Греціи ими признается власть аѳинскаго правительства.

На вопросъ Эшли, какую выгоду представляетъ признаніе авторитета короля Константина, Сесиль отвѣтилъ, что этотъ вопросъ слишкомъ сложенъ, чтобы отвѣтить на него.

На вопросъ Хэнта, не равносильно ли это одновременному признанію двухъ правительствъ, Сесиль отвѣтилъ, что онъ не слышалъ, чтобы Венизелосъ считалъ себя отложившимся отъ правительства короля.

Съ особеннымъ удовольствіемъ приводимъ слѣдующее официальное сообщеніе²⁾: Во второй половинѣ минувшаго октября въ военное министерство поступили свѣдѣнія, что германское правительство вслѣдствіе оглашенныхъ во враждебной печати сообщеній объ имѣющихъ, будто бы, мѣсто въ Россіи „страданій германскихъ военнопленныхъ“, перевело значительное число нашихъ пленныхъ офицеровъ, принадлежащихъ къ привилегированнымъ полкамъ, въ специальный лагерь и подвергло ихъ особо строгому обращенію.

Тотчасъ по полученіи этихъ свѣдѣній, военное министерство признало необходимымъ дипломатическимъ путемъ обратить вниманіе германскаго правительства на несоотвѣтствие указанной мѣры, присовокупивъ, что, если до 1 текущаго ноября военное министерство не будетъ извѣщено, что осуществляемый по отношенію къ нашимъ пленнымъ офицерамъ суровый режимъ отмененъ, то такому же строгому режиму будутъ немедленно подвергнуты всѣ безъ исключенія находящіеся у насъ на офицерскомъ положеніи германскіе военнопленные.

Не получивъ къ означенному сроку соотвѣтствующаго увѣдомленія, военное министерство предписало нынѣ по телеграфу окружному военному начальству безотлагательно сосредоточить въ опредѣленныхъ пунктахъ всѣхъ пользующихся офицерскимъ положеніемъ военнопленныхъ германцевъ и размѣстить ихъ въ помѣщеніяхъ, предназначенныхъ для пленныхъ

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1916 г. 3 ноября

²⁾ „Русск. Инв.“ 1916 г. 3 ноября.

нижнихъ чиновъ, одновременно запретивъ имъ письменныя сношенія съ родиною, лишивъ денщиковъ и установивъ отпускъ довольствія, положеннаго для нижнихъ чиновъ.

При этомъ мѣстному военному начальству вмѣнено въ обязанность объяснить подвергаемымъ описанному режиму германскимъ военноплѣннымъ, чѣмъ именно вызваны принятыя по отношенію къ нимъ репрессивныя мѣры, и предупредить ихъ, что отмѣна этихъ мѣръ послѣдуетъ не ранѣ полученія военнымъ министерствомъ официальнаго увѣдомленія, что нормальное содержаніе нашихъ плѣнныхъ офицеровъ въ полной мѣрѣ восстановлено.

4 ноября. Изъ Аѳинъ телеграфируютъ ¹⁾, что французскій военный министръ генераль Рока былъ принятъ греческимъ королемъ на аудіенціи, которая продолжалась полтора часа.

Газеты „Эмбросъ“, „Аѳины“ и „Неа Имера“ приписываютъ этому прибытію исключительную важность, заявляя, что оно обѣщаетъ разсвѣять всѣ возникшія недоразумѣнія. „Патрисъ“ считаетъ, что поѣздка министра имѣетъ цѣлью убѣдиться на мѣстѣ въ безопасности союзныхъ войскъ въ Македоніи.

Газеты „Эстіа“ и „Знамя“ приписываютъ свиданію генерала съ королемъ большое значеніе и полагаютъ, что оно дастъ вполнѣ удовлетворительные результаты.

Германія не удовлетворилась отвѣтомъ Норвегіи и вновь стала топить ихъ суда.

Депутаты Государственной Думы яростно нападаютъ на правительство, которое отвѣчаетъ бѣлыми страницами газетъ. Представители кабинета отсутствуютъ въ Г. Думѣ. Это ненормальное положеніе во всей странѣ, объединенной въ своемъ неудовольствіи противъ правительства, несомнѣнно, поведетъ къ катастрофѣ, которую не видитъ, ослѣпленное въ своей самоувѣренности, правительство.

Извѣстно, что польскими легіонами въ австро-германскихъ войскахъ командовалъ генераль Пилсудскій. По словамъ „Русскаго Слова“ ²⁾, перебѣжчики-поляки такъ передаютъ послѣдующія событія, касающіяся польскихъ войскъ.

Какъ оказывается, въ среднихъ числахъ сентября генераль Пилсудскій вмѣстѣ съ командирами 2 и 3 бригадъ легіоне-

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1916 г. 4 ноября.

²⁾ „Русск. Сл.“ 1916 г. № 254.

ровъ, генералами Пухальскимъ и Бжезицкимъ, былъ приглашенъ на секретное совѣщаніе къ варшавскому генераль-губернатору Безелеру. На этомъ совѣщаніи Безелеръ познакомилъ представителей польскихъ военныхъ и политическихъ круговъ съ намѣченнымъ, а нынѣ уже опубликованнымъ планомъ австро-германской коалиціи возстановленія Польскаго королевства.

На этомъ совѣщаніи Безелеръ откровенно заявилъ, что, приступая къ немедленному созданію Польскаго государства, Германія разсчитываетъ произвести въ польскихъ областяхъ наборъ для пополненія своей арміи.

Пилсудскій выступилъ съ крайне рѣзкимъ осужденіемъ германскаго плана. Какъ горячій польскій патриотъ, онъ не допускалъ и мысли о наборѣ поляковъ въ какую-либо иную армію, кромѣ польской, которая должна существовать какъ отдѣльная національная единица, а не являться свѣжимъ пушечнымъ мясомъ для потрепанной германской арміи. Во время обмѣна мнѣній пылкой генераль Пилсудскій бросилъ Безелеру неосторожную фразу, которая и рѣшила его участь:

— Пока еще цѣлы мои вѣрные легіоны,—воскликнулъ Пилсудскій,—и моя рука держитъ мечъ, защищающій правое польское дѣло, до тѣхъ поръ я не соглашусь на этотъ гнусный актъ. Безъ Галиціи и Познани нѣтъ Польши, безъ польскихъ знаменъ нѣтъ и польскихъ войскъ.

Генераль Безелеръ вспыхнулъ, но сдержался. Тонкій германскій политикъ, онъ не могъ не оцѣнить популярности и вліянія Пилсудскаго среди извѣстной польской австрофильской группы и потому рѣшилъ пока не раздувать этого инцидента.

Понятно, что о выступленіи Пилсудскаго было немедленно сообщено въ Берлинъ. Нѣмцы опредѣленно рѣшили, что въ лицѣ вождя польскихъ легіоновъ они не встрѣтятъ сторонника той вивисекціи, которую они собирались продѣлать надъ многострадальной Польшей.

Совѣщанія по польскому вопросу продолжались у Безелера цѣлую недѣлю. Но Пилсудскій не дождался ихъ конца и возвратился въ свой штабъ, гдѣ и открылъ легіонерамъ замыселъ германцевъ. Кончилось гѣмъ, что Пилсудскаго прогнали, а легіоны раскассировали на мелкія части.

Циркулярная телеграмма министра иностранныхъ дѣлъ русскимъ представителямъ при союзныхъ державахъ.

Петроградъ, 3 16 ноября 1916 года.

Распространенные за послѣднее время печатью нѣкоторыхъ странъ слухи о секретныхъ переговорахъ, которые, будто бы, ведутся между Россіей и Германіей, о заключеніи сепаратнаго мира, не могутъ, въ виду ихъ настойчивости, быть обойдены молчаніемъ со стороны русскаго правительства. Императорское правительство считаетъ долгомъ заявить самымъ категорическимъ образомъ, что эти нелѣпые слухи играютъ лишь въ руку враждебнымъ государствамъ. Россія сохранить неприкосновеннымъ тѣсное единеніе, связующее ее съ ея доблестными союзниками, и, далекая отъ мысли о заключеніи сепаратнаго мира, будетъ биться рука объ руку съ ними, противъ общаго врага, безъ малѣйшаго колебанія, до часа конечной побѣды. Никакіе враждебные происки не окажутся въ состояніи поколебать неизмѣнное рѣшеніе Россіи. Вамъ поручается дать вышеизложенному самую широкую огласку и довести содержаніе настоящей телеграммы до свѣдѣнія правительства, при коемъ вы аккредитованы.

5 ноября. Въ Лѣсистыхъ Карпатахъ въ районѣ Шибени, нѣмцы атаковали и потѣснили наши небольшія части, а затѣмъ нѣмцы были отброшены. Идетъ снѣгъ. Дороги значительно испортились. У Якобени и Кимполунга нами взято нѣсколько высотъ. Въ Трансильваніи въ долинахъ Ольты и Жіу нѣмцы упорно атакуютъ румынъ. Въ Добруджѣ передовыя части продвигаются къ югу. Сербо-французы съ упорными боями дошли на 7 километровъ отъ Монастыря.

Въ Государственной Думѣ говорили военный и морской министры. Д. С. Шуваевъ, указавъ, что война ведется не одной арміей, а всей страной, привелъ справку, что за время совмѣстной работы всей страны съ 1 января 1915 года средства обороны наши увеличились въ нѣсколько разъ по разнымъ отдѣламъ боевого снабженія. Обращаясь къ Думѣ, ген. Шуваевъ просилъ помочь и въ будущемъ. Мы побѣдимъ во что бы то ни стало. Г-нъ Шуваевъ встрѣченъ апплодисментами на всѣхъ скамьяхъ.

Морской министръ сказалъ: „господа, я считаю своимъ священнымъ долгомъ также выступить и, какъ всегда, открыто

и откровенно сказать, что ваша многолѣтняя и постоянная поддержка въ дѣлѣ государственной обороны, частыя указанія на эту оборону даютъ мнѣ и на этотъ разъ право обратиться къ вамъ и всемѣрно поддерживать военнаго министра, заявившаго, что государственная оборона повелительно требуетъ нашей совмѣстной съ вами дружной работы“. Слова эти закончились продолжительными аплодисментами.

Въ Веве въ Швейцаріи скончался Генрихъ Сенкевичъ, авторъ извѣстныхъ и всѣми любимыхъ романовъ. Онъ въ своемъ дивномъ произведеніи „Крестonosцы“ начерталь ту отвратительно страшную картину дьявольской жестокости, не стѣняясь никакими средствами, какими знаменовали свое кровавое дѣло тогдашніе крестonosные хищники. Подобныя дѣянія свершаютъ теперь германскія войска современнаго крестonosца-кайзера Вильгельма, увеличивъ ихъ силу и разрушеніе, согласно всѣмъ открытіямъ нѣмецкой техники.

„Вечернее Время“ ¹⁾ сообщаетъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя были проведены въ Севастополѣ, и могли быть проведены и въ Петроградѣ противъ увеличенія цѣнъ на продукты:

„На дняхъ у насъ была помѣщена телеграмма изъ Севастополя, въ которой было отмѣчено пріятное удивленіе спеціально командированнаго на югъ по продовольственному вопросу г. Палеолога, нашедшаго въ Севастополѣ сравнительно очень небольшое вздорожаніе всѣхъ предметовъ потребленія.

Небезынтересно будетъ изложить вкратцѣ ту систему, которая во-время была принята въ Севастополѣ, дала прекрасные результаты и сразу обузда спекуляцію и безумное взвинчиваніе цѣнъ. Тѣмъ болѣе, что система эта является, кажется, единственною въ своемъ родѣ и нигдѣ въ Россіи болѣе не примѣняется.

Здѣсь городская дума, иди рука объ руку съ комендантомъ крѣпости, избрала особый комитетъ участковыхъ попечителей, которымъ и было ввѣрено дѣло борьбы со спекулянтами. Избранные попечители, среди которыхъ есть и женщины, избѣгая всякихъ засѣданій и совѣщаній, энергично принялись за работу. Трудъ ихъ не даровой, всѣ они получаютъ извѣстное жалованіе, но всѣ изъ числа лицъ, занимающихъ въ городѣ извѣстное положеніе.

¹⁾ „Веч. Время“ 1916 г. № 1652.

И получились самые отличные результаты. Попечители всегда на мѣстахъ, дѣйствуютъ дружно и зорко слѣдятъ за всякою попыткою къ недобросовѣстности. На первыхъ порахъ къ нимъ купцы относились скептически: видали, молъ, мы всякихъ, къ тому же это отъ думы, что они намъ смогутъ сдѣлать. Не страшно...

Но когда оказалось, что для попечителей двери коменданта, облеченнаго громадною властью, всегда открыты и что съ самую суровую расправу за недобросовѣстность и спекуляцію стѣсняться не будутъ, дѣло приняло иной оборотъ. Всѣ продукты таксированы, но попечители всегда въ курсѣ естественнаго повышенія цѣнъ, и поэтому такса не является мертвою буквою въ ихъ рукахъ. И, по мѣрѣ надобности, цѣны въ ней тотчасъ же мѣняются, сообразно необходимости. Что касается мануфактурныхъ магазиновъ, то тутъ дѣло устроилось еще проще. Чтобы купцы не смогли дѣлать постоянныя переоцѣнки товаровъ, ссылаясь на требованія фабрикантовъ, ихъ обязали подпискою имѣть всегда счеты и фактуры, съ правомъ cadaго покупающаго требовать послѣдніе для провѣрки. Нормальная прибыль была установлена въ пятнадцать процентовъ. Для того же, чтобы не было никакихъ отпирательствъ и недоразумѣній, каждому торгующему вмѣнено было въ обязательство выдавать на всякую произведенную покупку счетъ, съ оставленіемъ копии счета черезъ пропускную бумагу въ магазинъ. Такимъ образомъ при всякомъ недоразумѣніи провѣрка облегчалась и не требовала много времени.

Вначалѣ все это чрезвычайно конечно не понравилось купцамъ, уже развившимъ свои аппетиты, и они начали пробовать закрывать свои магазины. Но тогда было объявлено, что за умышленное прекращеніе торговли при наличности товара послѣдуетъ арестъ и высылка, такъ какъ прекращающимъ дѣло очевидно незачѣмъ дольше оставаться тутъ. И все послѣ этого успокоилось и пришло въ норму.

Такова сущность простой и несложной системы въ борьбѣ съ дороговизною, принесшей въ Севастополѣ такіе осязательные результаты“.

6—7 ноября. Армія союзниковъ овладѣла Монастыремъ (Битолией) главнымъ городомъ Македоніи и тѣмъ положила фундаментъ къ возрожденію Сербскаго государства. Важная и великая побѣда.

Главнымъ устоемъ нѣмецкаго засилья является организациа лютеранской церкви въ Россіи съ ея генеральной консисторіей и прибалтійскія баронскія привелегіи. Съ отмѣной ихъ нѣмецкое засилье значительно пошатнется.

„Вечернее Время“ въ № 1654 приводитъ изумительные факты заботливости предержавшихъ властей о нѣмецкихъ деньгахъ, а также свѣдѣнія объ организации германскаго шпіонажа:

Война, какъ извѣстно, застигла въ Германіи огромное количество русскихъ туристовъ, больныхъ и пр. Въ одномъ Берлинѣ скопилось согнанныхъ туда изъ разныхъ мѣстъ, около 80 тысячъ человекъ. Тамъ ихъ держали и усердно доили, пока не выдоили всѣ деньги на пользу Германіи и ея военнаго фонда.

Когда у выдосенныхъ дочиста туристовъ не осталось ни одного пфенига, имъ предложено было снести телеграфно съ Россіей черезъ испанское посольство, чтобы вытребовать оттуда деньги,—*только деньги*, больше ничего. Относительно русскихъ очевидно предполагалось, что „ѣнъ достанетъ“, и тогда можно будетъ произвести дополнительное доеніе. А пока что для временной поддержки обобранныхъ, до новой полочки изъ Россіи, былъ образованъ изъ мѣстныхъ дѣятелей—двухъ-трехъ парламентскихъ эсъ-дековъ и нѣсколькихъ финансистовъ и промышленниковъ—„комитетъ помощи“, который выдавалъ наиболѣе нуждающимся, окончательно высосаннымъ русскимъ, нищенскія ссуды отъ 10 до 30 марокъ (отъ 5 до 15 руб.), чтобы только, только не дать имъ умереть съ голода.

Въ числѣ многихъ, получившихъ изъ названнаго комитета ссуду, былъ и я, всего только разъ, въ размѣрѣ 30 марокъ. Въ испанское посольство однако я не обращался и черезъ него телеграмму въ Россію о высылкѣ денегъ не посылалъ, полагая, что Германія и такъ уже достаточно воспользовалась черезъ меня, хотя и помимо моей воли, русскими деньгами. И невыписка денегъ быть можетъ послужила мнѣ на пользу: вскорѣ въ одной изъ первыхъ очередей мнѣ удалось уѣхать изъ Германіи. Мизерный долгъ мой въ 30 марокъ нѣмецкому комитету я предполагалъ покрыть, разумѣется, только по окончаніи войны.

Прошло съ тѣхъ поръ два слишкомъ года. Война, рассчитанная нѣмцами всего на четыре мѣсяца, получила неожиданный для нихъ затяжной характеръ. Германія для продолженія войны стала нуждаться не только въ различныхъ мате-

ріалахъ и продуктахъ, но и въ деньгахъ—въ золотѣ или по крайней мѣрѣ въ русскихъ рубляхъ для расчетовъ съ нейтральными поставщиками, т.-е. главнымъ образомъ со Швеціей, гдѣ русскіе рубли охотно принимаются: Швеція легко сбыть ихъ обратно въ Россію при расчетахъ съ русскими. И вотъ, въ Берлинѣ нажали кнопку, и это сейчасъ же, какъ и встарь, отозвалось... въ Россіи.

Недавно ко мнѣ заявляется старшій дворникъ нашего дома и предъявляетъ изъ полиціи на мое имя бумагу, совсѣмъ неожиданнаго для меня содержанія. Бумага гласитъ, что петроградскій градоначальникъ по заявленію (или требованію,— не помню въ точности) испанскаго посольства предписываетъ мѣстному приставу взыскать съ такого-то (имя-рекъ) 30 марокъ—въ скобкахъ 15 руб., полученные имя-рекомъ въ ссуду въ Берлинѣ.

Сумма конечно ничтожна, долгъ мой несомнѣненъ, но отдавать во время войны русскія деньги для немедленной конечно отсылки ихъ въ Германію не резонъ. Въ такомъ смыслѣ я и препоручилъ дворнику дать отвѣтъ въ полицію.

Прошло всего нѣсколько дней, и я получаю новую бумагу изъ полиціи—повѣстку. Повѣстка краткая и гласитъ: „По присланной изъ Петроградской казенной палаты такого-то числа, за № такимъ-то, вѣдомости взамѣнъ печатнаго слова „недоимкамъ“ приписано отъ руки „ссуды“ во столько-то рублей, покорнѣйше прошу въ три дня всю недоимку уплатить, въ противномъ же случаѣ я вынужденъ буду обратитъ взысканіе на ваше имущество... и т. д. За пристава такой-то“.

Коротко и ясно. Для удовлетворенія денежной претензіи нѣмецкаго комитета въ Берлинѣ весь административный и правительственный аппаратъ въ Петроградѣ былъ приведенъ въ движеніе и съ молніеносной быстротой продѣлалъ свое круговращеніе. Въ результатѣ испанское посольство уже получило деньги быть можетъ въ золотой валютѣ и таковыя уже путешествуютъ въ Германію, въ Берлинъ, а Петроградская казенная палата взыскиваетъ съ меня эти деньги подъ угрозой продажи моего имущества.

Такихъ взысканій, какъ ясно изъ сказаннаго мною въ началѣ, было навѣрно совершено на очень почтенную сумму отъ многихъ тысячъ русскихъ гражданъ, нѣкогда невольныхъ гостей Германіи.

Допустимы ли по законамъ военнаго времени подобныя взысканія для отсылки денегъ во вражескую страну—этого я, профанъ, не знаю. Но что это нелѣпо,—не подлежитъ сомнѣнію.

Нью-іоркская „Tribune“ печатаетъ разоблаченія объ организаціи германскаго шпіонажа и ту школу, которую проходятъ германскіе шпіоны.

Въ Германіи имѣются четыре класса шпіоновъ: 1) личный штабъ Вильгельма, около шестидесяти мужчинъ и восьми женщинъ, 2) штабъ при военномъ министерствѣ около 6.000 человекъ, 3) государственная тайная полиція, около 500 чиновниковъ, и агентовъ 8.000 мужчинъ и 180 женщинъ и, наконецъ, просто тайная полиція, число сотрудниковъ которой огромно.

Въ службѣ шпіоновъ соблюдается строгая очередь повышенія, и каждый долженъ проходить долгіе годы „студенчества“.

Первые уроки шпіонажа—упражненія въ зрѣніи, слухѣ и памяти. Каждое утро такой „студентъ“ продѣлываетъ упражненія: часами стоитъ неподвижно у стѣны, безшумно ходитъ, открываетъ двери, принимаетъ самыя неудобныя позы и прислушивается къ шумамъ въ стѣнѣ. Шумы въ стѣнѣ могутъ открыть многое даже въ самомъ тихомъ домѣ. У студентовъ имѣется обыкновенно химическій револьверъ. Револьверъ не убиваетъ, но одурманиваетъ, ослѣпляетъ на время. Есть много и другихъ приборовъ, которыми пользуются шпіоны. Между прочимъ, у нихъ есть целлулоидная пластинка, служащая великолѣпнымъ микрофономъ, миниатюрные герископы и т. д.

Готовый шпіонъ поступаетъ въ распоряженіе властей и получаетъ заданія. Излюбленнымъ мѣстомъ для шпіона являются кафе и табачныя лавочки. Можно быть почти увѣреннымъ, что каждый нѣмецъ, хозяинъ кафе въ Англіи, Франціи и другихъ странахъ, если не самъ шпіонъ, то находится на службѣ у германскаго правительства. Шпіоны изъ высшихъ классовъ—инженеры, адвокаты, коммерсанты, владѣльцы промышленныхъ заведеній, представители германскихъ фирмъ. Ихъ трудъ очень высоко оплачивается и, кромѣ того, имъ даются безотчетныя суммы на вознагражденіе разнымъ помощникамъ.

Въ послѣднемъ номерѣ миланскаго ежемѣсячника *Lettur'a* приводятся свѣдѣнія¹⁾, сообщаемыя однимъ лицомъ, о встрѣчѣ

¹⁾ „Нов. Вр.“ 7 октября 1916 г.

съ Гинденбургомъ при посѣщеніи Италіи въ 1911 году. Въ это время Гинденбургъ былъ въ опалѣ за безкровную побѣду надъ кайзеромъ на маневренныхъ поляхъ, какъ это случилось не разъ и съ нашими генералами первой половины 19-го столѣтія.

Изъ этого описанія приведемъ два разговора Гинденбурга и его семьи.

Когда всѣ фотографіи были пересмотрѣны, Гинденбургъ, вѣроятно по ассоціаціи идей, перешелъ къ Берлину, постоянно растушему, но очень скверно. „Достаточно прожить недѣлю въ Италіи,—говорилъ онъ,—чтобы понять всю гадость нашего новаго строительства. А статуи? Достаточно сказать, что всѣ онѣ выбираются кайзеромъ. *Le pauvre!*“

Его жена и дочь взглянули на него нѣсколько безпокойно, графиня же Бартъ, напротивъ, хитро улыбнулась, спрашивая:

— Неужели вы не преклоняетесь передъ гениемъ Вильгельма?

— О, совсѣмъ нѣтъ,—воскликнулъ Гинденбургъ и съ такимъ жаромъ, что даже поднялся, точно ужаленный. *C'est une encyclopédie et en très mauvais état.*

Его дочь засмѣялась и сказала:

— Мы увидимъ его когда-нибудь въ Потсдамскомъ паркѣ на пьедесталѣ, съ поднятою ногой, изображающимъ собственно особою свой памятникъ.

— Oh, il aura bien se touré là,—пробормотала генераль сурово.

Какъ-то послѣ полудня наше маленькое общество отправилось въ Санъ-Миньято. Гинденбургъ дорогой снова заговорилъ о кайзерѣ. Генераль выразилъ свою горечь видѣть во главѣ огромной, великой имперіи „человѣка безъ головы“,—шутка, сказанная имъ по-французски и заставившая прибалтійскую графиню и его самого хохотать добрыхъ пять минутъ. Я рискнулъ задать вопросъ о кронпринцѣ. Вся семья Гинденбурговъ выразилась одинаково. Ah, ce garçon là, il est notre malheur!

8—9 ноября. Румынамъ приходится туговато въ долинахъ Ольты и Жіу.

По городу идутъ непрерывные толки о рѣчахъ, сказанныхъ недавно въ Государственной Думѣ. Вообще признаютъ ихъ государственное значеніе, но комментируютъ ихъ и вкривь и

вкось. Одно несомнѣнно, что единсію всей Россіи надлежитъ быть и это есть залогъ несомнѣнной побѣды. Все должно склониться и преклониться передъ этимъ единеніемъ. Личныя страстишки необходимо во что бы то ни стало отклонить въ сторону.

Въ нѣкоторыхъ кружкахъ усердно читають очень хлестко написанное стихотвореніе Мятлева на злободневные вопросы.

Предсѣдатель чрезвычайной слѣдственной комиссіи, перво-присутствующій сенаторъ А. Н. Кривцовъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что многочисленнѣйшими показаніями вернувшихся и бѣжавшихъ изъ плѣна сотенъ офицеровъ, врачей, обозрѣвавшихъ лагери сестеръ милосердія, нижнихъ чиновъ и другихъ лицъ, въ большинствѣ между собой совершенно незнакомыхъ, допрошенныхъ комиссіей, установлено не только жестокое избіеніе въ Германіи и Австро-Венгріи нашихъ плѣнныхъ палками, плетями, воловьими жилами, прикладами и вообще всѣми пригодными для этой цѣли предметами, не только нанесеніе имъ часто безъ всякаго повода тяжкихъ увѣчій и даже смерти оружіемъ, но и примѣненіе нижеприводимыхъ отличающихся своей утонченностью и изобрѣтательностью наказаній, въ отношеніи большинства которыхъ точно установлено время и мѣсто ихъ примѣненія, а также и фамиліи потерпѣвшихъ.

Мучительность подвѣшиванія къ столбу усиливается въ Германіи подвѣшиваніемъ въ одномъ бѣльѣ при сильномъ морозѣ на время, далеко превышающее оффиціально принятыя 2 часа; подвѣшиваютъ послѣ тяжелаго рабочаго дня въ ночные часы: или къ столбу, обвитому колючей проволокой, шипы которой впиваются въ тѣло наказаннаго, при чемъ иногда на грудь повѣшеннаго прикрѣпляютъ плакатъ съ надписью: „всякій желающій можетъ плюнуть въ лицо“. Въ Австро-Венгріи имѣли мѣсто случаи подвѣшиванія къ столбу внизъ головой и за одну руку и ногу.

Многочисленны въ Германіи случаи травли плѣнныхъ спеціально дрессированными собаками. Многообразны способы наказанія „стояніемъ“ и „бѣгомъ“:

1) Стояніе часами „смирно“ съ тяжестями до нѣсколькихъ пудовъ на плечахъ или въ рукахъ, какъ-то: съ бревнами, досками или кирпичемъ. При этомъ иногда требуется стоять

съ поднятыми вверхъ руками, балансируя лежащимъ на плечѣ бревномъ.

2) Балансированіе на скамейкѣ о трехъ ножкахъ или на бочкѣ, поставленной въ неустойчивомъ равновѣсіи. Послѣднее наказаніе иногда разнообразится тѣмъ, что на положенную бокомъ бочку кладутъ доску, на которую ставятъ плѣннаго, заставляя его раздвинуть ноги до крайности и такъ стоять нѣсколько часовъ.

3) Стояніе до 6 часовъ непрерывно съ поднятыми вверхъ руками, въ строю „смирно“ (послѣднее наказаніе примѣняется и въ Австро-Венгріи), или лицомъ вплотную къ стѣнѣ изо дня въ день съ утра и до вечера.

4) Стояніе часами на согнутыхъ колѣняхъ — „корточкахъ“ съ вытянутыми вверхъ или впередъ руками или колѣнями на рубчатомъ полу, кускахъ кирпича или угля.

5) Прыганіе въ глубокомъ пескѣ „по-сорочьи“.

6) Бѣгъ или маршировка часами и даже цѣлыми днями съ мѣшкомъ песка или иной тяжестью на спинѣ, при чемъ каждыя 5—10 минутъ требуется по командѣ присѣдать, ложиться и вставать. Послѣднее необходимо продѣлывать безъ помощи рукъ или локтей, ибо въ противномъ случаѣ часовой вскакиваетъ на спину наказываемаго и приминаетъ его ногами къ землѣ. Это наказаніе примѣняется какъ къ цѣлымъ отрядамъ плѣнныхъ, такъ и къ одиночнымъ лицамъ. Въ жаркое время года плѣнныхъ тепло одѣваютъ и гоняютъ описаннымъ способомъ до полной потери силъ.

7) Заставляютъ плѣннаго непрерывно маршировать два часа въ тѣсномъ корридорѣ изъ колючей проволоки длиною въ 20—30 шаговъ или цѣлую роту ползать въ грязи по нѣсколько часовъ въ день въ теченіе недѣли.

8) Гоняютъ сквозь строй и бьютъ при этомъ палками.

9) Сковываютъ на нѣсколько часовъ правую руку съ лѣвой ногой.

10) Помѣщаютъ до 15 минутъ въ чанъ съ кислотой, обжигающей кожу, или растираютъ кожу до крови грубыми щетками, намоченными въ водѣ съ пескомъ.

11) Запираютъ въ камеру, черезъ которую проходитъ отработанный каменноугольными печами газъ, вызывающій потерю сознанія и признаки отравленія.

Чувство страха передъ смертью использовано врагами въ качествѣ наказанія, и они запираютъ нашихъ плѣнныхъ въ сарай, наполненный трупами ихъ товарищей, или помѣщаютъ

нагихъ въ тѣсный цементный или обитый жестью гробъ, на днѣ котораго прибиты врѣзывающіяся въ тѣло ребрами перекладины. При этомъ крышка гроба, въ которой для притока воздуха продѣланы 1—2 отверстія, плотно запирается.

Въ Германіи и Австро-Венгріи существуетъ многочисленная группа наказаній, въ которыхъ плѣнныхъ подвергаютъ дѣйствию чрезмѣрныхъ холода или жары. Сюда относятся: обливаніе на морозѣ холодной водой, выставленіе на морозѣ нагихъ, заключеніе въ клѣтку изъ колючей проволоки подъ открытымъ небомъ въ стужу, заключеніе въ холодный карцеръ съ бетоннымъ поломъ нагихъ на срокъ до 30 сутокъ, стояніе босикомъ въ снѣгу или въ горячемъ удобреніи, а затѣмъ нѣсколько часовъ на холодѣ, заключеніе на нѣсколько дней въ жарко натопленную баню и послѣдующее охлажденіе ея открытыми въ холодъ окнами; нагихъ плѣнныхъ ставятъ между двумя кипящими котлами, послѣ чего выгоняютъ на морозѣ, ставятъ закутанныхъ въ 3—4 шинели у раскаленной печи, заключаютъ на нѣсколько дней безъ пищи въ ледникъ или въ бетонированный подвалъ съ холодной ключевой водой по колѣно.

Постоянно ощущаемое плѣнными сильнѣйшее чувство голода также легло въ основаніе примѣняемыхъ въ Германіи наказаній: во время раздачи обѣда они выводятъ плѣннаго изъ очереди и ставятъ его послѣднимъ съ миской или фуражкой въ зубахъ и поднятыми вверхъ руками; плѣнныхъ часто лишаютъ на нѣсколько дней пищи и воды. Въ Австро-Венгріи практикуется оставленіе плѣнныхъ на хлѣбѣ и водѣ на все остающееся время плѣна. Здѣсь же подвѣшенному къ столбу капаютъ водой до 300 капель на голову изъ желоба съ высоты трехъ сажень и плѣнныхъ связываютъ въ кистяхъ руки, образуя изъ нихъ кольцо, въ которое продѣваютъ колѣни, а подъ нихъ палку такъ, что получается поза человѣка, сидящаго съ обнятыми колѣнями. Связаннаго такимъ образомъ человѣка катаютъ по землѣ, какъ мячъ, а затѣмъ на подошвы его кладутъ деревянную доску и бьютъ черезъ нее молотками по пяткамъ.

Петроградскому обывателю пришлось въ Михайловъ день видѣть одного генерала съ нѣмецкой фамиліей, утверждавшаго, что германцы нашихъ плѣнныхъ пыткамъ не подвергаютъ. Утверждавшій это теперь не у дѣла, а прежде былъ на большой высотѣ, на одномъ изъ окраинныхъ постовъ.

И. Л. Шергинъ въ „Новомъ Времени 1)“ сообщаетъ:

Мощно организованное нѣмецкое засилье въ нашей дряблой распущенной стихіи принимаетъ все болѣе злоторныя вліянія.

„Бумажное“ движеніе, враждебное этому засилью, вначалѣ довольно шумное и грозное, на практикѣ не принесло никакихъ реальныхъ плодовъ...

Скорѣе, наоборотъ, нѣмецкій капиталъ получилъ какое-то преимущественное значеніе, котораго не знаетъ русская жизнь.

Подняли вопросъ о необходимости реквизиціи крупнѣйшихъ лѣсныхъ дачъ нѣмецкой фирмы Вальдгофъ.

Назначили ликвидаціонную комиссію, которая тормозитъ дѣло...

Предсѣдатель комиссіи Касьяновъ и членъ Ереминъ заявили представителю города Вологды, что не полученъ отвѣтъ отъ Крестьянскаго банка, которому по закону предоставлено право приобрѣсти имѣніе. Кромѣ того, ликвидаціонная комиссія командировала людей для оцѣнки дачи... а предполагаетъ сдѣлать торги... на которые явятся подставные Вальдгофы. При отчужденіи имущества русскихъ гражданъ не спрашивали, чего они хотятъ; но тутъ...

Казалось бы, достаточно представить купчую дачи; но Вальдгофы ликвидаціонной проволочкой желаютъ затянуть дѣло.

Далѣе, Касьяновъ пояснилъ, что ликвидаціонная комиссія подчинена министерству торговли и... желаетъ получить полную стоимость дачи.

Какую стоимость?

Какую взвинтятъ ликвидаціонные Вальдгофы?

Касьяновъ говоритъ, что привести дѣла фирмы въ порядокъ очень трудно, такъ какъ торговыя книги сгорѣли въ Перновѣ и... скрыты нѣмцами-акціонерами.

Предусмотрительный народъ.

Вѣдь это официальное одурачиваніе русскаго народа.

Книги сгорѣли... Значитъ, придется наводить справки у служащихъ фирмы, т.-е. у тѣхъ же нѣмцевъ, а они худа своей фирмѣ не пожелаютъ-съ!

Вотъ какъ крѣпко держатся Вальдгофы за лѣсныя имѣнія въ Россіи!

Русскіе чиновники вождельютъ сплавить сѣверные лѣса цѣликомъ иностранному капиталу.

1) „Нов. Вр.“ 1916 г. 9 ноября.

Послѣ войны лѣса могли бы покрыть хоть часть военныхъ расходовъ; но члены хотять сплавить обузу.

Нѣмцы предусмотрительнѣй!

Возмутительнѣе другая картина.

Въ то время какъ наши несчастные плѣнные буквально голодаютъ въ Германіи, получая полфунта въ день какой-то „мѣсятки“, нѣмцы на сѣверѣ жирѣютъ отъ обилія.

Каждое село переполнено франтоватыми и глупо-заносчивыми сынами фатерлянда.

Ранѣе губернаторъ Лопухинъ безпокоилъ, переселяя изъ губерніи въ уѣзды, исправники переселяли еще дальше. Становые бѣгали до упадка силъ, чтобы раздобыться свининой для гостей.

Въ концѣ концовъ враждебное настроеніе какъ-то само собой растаяло и въ народѣ...

Тетка Ѳекла съ Фричемъ начала подольше останавливаться на перекресткѣ...

Но какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ глядитъ.

Въ Сереговѣ нѣмцы открыли тайную контору для пересылки писемъ.

Удивительно было бы, если бы не случилось то, что случилось.

Взрывъ на Бакарицѣ!

Какъ это несчастье не разразилось раньше? и съ большими жертвами?

На соборной пристани замѣченъ былъ нѣмецъ, скрывшійся на норвежскій пароходъ. Нѣмецъ разговаривалъ съ Левинымъ и Лиліенталемъ— грузчиками Данишевскаго.

Слышаль рассказы пріѣхавшихъ изъ провинціи о необычайномъ обиліи тамъ запасовъ хлѣба, масла и яицъ.

Искусство стратегіи нѣмцевъ заключается въ необычайномъ развитіи производительности сѣти желѣзныхъ дорогъ и быстрой перевозки войскъ съ одного мѣста на другое. Нейтральные источники передаютъ, что теперь особенно они стараются въ постройкѣ новыхъ дорогъ и подѣздныхъ путей на фронтахъ. Каждый человекъ у нихъ на счету. Вотъ почему у нихъ идетъ такъ называемая мобилизація труда. Все, что можно изъ людскаго состава снять съ тыла и замѣнить женщинами и людьми не могущими идти на фронтъ. Усиленіе фронта людьми это подкладка Польскаго королевства. Нѣкоторые изъ полковъ воображаютъ о созданіи германцами отдѣльнаго войска. Въ

дѣйствительности польское войско это германская бутафорія нѣсколькихъ частей. На дѣлѣ всѣхъ поляковъ и литовцевъ нѣмцы горсточками вкрапляютъ въ свои роты, эскадроны и батареи.

10 ноября. На своемъ лѣвомъ флангѣ въ Трансильваніи румыны отходятъ къ Краіову.

Греческій совѣтъ министровъ рѣшилъ противиться выдачѣ союзникамъ орудій, винтовокъ, снарядовъ и другого боевого матеріала.

Чѣмъ деликатнѣе обращается союзная дипломатія съ Константиномъ, тѣмъ онъ становится наглѣе и наглѣе.

Уже и теперь германцы подкупами устраиваютъ среди грековъ сочувственныя королю демонстраціи.

Умерли Францъ-Іосифъ и Направникъ.

Не думаю, чтобы смерть этого подлаго императора принесла бы намъ какую-либо выгоду. Австро-Венгрія уже давно стала германской провинціей.

11—13 ноября. Не могу сказать, чтобы извѣстія изъ Трансильваніи доставляли особое удовольствіе:

Румынскій фронтъ.

Трансильванія. Противникъ энергично атаковалъ въ долину р. Ольты и потѣснилъ румынскія войска къ югу отъ Калиманешти и Молдарешти. Отъ Краіова противникъ также перешелъ въ наступленіе и принудилъ румынъ къ отходу за р. Ольтець. У Зимницы германскія войска переправились на лѣвый берегъ Дуная.

Дунайскій фронтъ.

Въ Добруджѣ попытки противника атаковать наши передовыя части были остановлены огнемъ.

Военный обозрѣватель журнала „Land and Water“ Белокъ дѣлаетъ подсчетъ о силѣ германскихъ армій и запасѣ людей въ Германіи на основаніи сообщенныхъ ему и допущенныхъ къ напечатанію свѣдѣній¹⁾.

Онъ прежде всего подчеркиваетъ, что союзники согласія въ отношеніи матеріальной части, при условіи взаимной поддержки, превзошли противника или уравнились съ нимъ.

¹⁾ „Рус. Инв.“ 1916 г. № 304.

Въ настоящее время важнѣйшимъ вопросомъ является оцѣнка живой силы у противниковъ и притомъ главнымъ образомъ Германіи, такъ какъ Австро-Венгрію, послѣ разгрома ея арміи войсками генерала Брусилова, при чемъ она потеряла около 800.000 человекъ, изъ коихъ половину—плѣнными, надо считать истощенною; Турція, какъ показалъ опытъ, можетъ выставить на главныхъ центрально-европейскихъ фронтахъ только слабые контингенты, а Болгарія—достаточно занята на Балканскомъ полуостровѣ.

Ко времени начала наступленія армій генерала Брусилова 22 мая, на всемъ юго-восточномъ фронтѣ Европы отъ Припяти до Эгейскаго моря находилось только 3 германскихъ дивизій: 48-я на Стрыпѣ у Ботмера, 101-я въ Македоніи съ болгарами и 105-я была разбросана вдоль Дуная и къ югу отъ него. Но затѣмъ, чтобы спасти свою союзницу и позднѣе съ цѣлью раздавить Румынію, германцы сдѣлали чрезвычайныя усилія, и теперь на упомянутомъ фронтѣ, вмѣсто прежнихъ 3-хъ, находится 41 германскихъ дивизій. Для осуществленія такого усилія пришлось сформировать новыя дивизіи; большая часть ихъ образована выдѣленіемъ частей изъ имѣвшихся уже дивизій, и отъ этого общая численность германской арміи не увеличилась. Эта система давала лишь одно преимущество, что дивизіи становились болѣе подвижными и маневренность ихъ увеличилась. Съ другой стороны небольшая часть новыхъ дивизій составлена изъ свѣжихъ элементовъ, не бывшихъ еще въ строю, и пополнялась нижними чинами запаса, подготовленными въ запасныхъ частяхъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ германская армія теперь состоитъ изъ 203 дивизій, изъ коихъ 129 находятся на западно-европейскомъ фронтѣ и 74 на восточномъ.

Хорошо освѣдомленная о положеніи дѣлъ въ Германіи газета „Suisse“ обращаетъ вниманіе на то, что Германія, тщательнo скрывавшая до сихъ поръ всѣ мѣры, принимавшіяся къ усиленію арміи, теперь почему-то поднимаетъ шумъ по поводу новаго проекта о мобилизаціи гражданскаго населенія. Настоящая цѣль этого проекта, по мнѣнію газеты, двоякая: во-первыхъ, устроить союзниковъ и, во-вторыхъ, что самое главное, ввести во всей странѣ, подъ видомъ этой мобилизаціи, осадное положеніе, чтобы предупредить возможность всякаго проявленія протеста со стороны населенія.

По порученію англійскаго короля Георга великобританскій посоль поспѣтилъ предсѣдателя совѣта министровъ А. Ф. Трепова и вручилъ ему знаки великобританскаго офицерскаго большаго креста св. Михаила и Георгія, по его заслугамъ для общаго дѣла какъ министра путей сообщенія при постройкѣ Мурманской желѣзной дороги. Добрый знакъ.

Англійская печать объясняетъ отставку Штюмерера и назначеніе А. Ф. Трепова премьеръ-министромъ, какъ признакъ окончательнаго подавленія германфильской агитаціи въ Россіи ¹⁾.

Посланники центральныхъ державъ и союзныхъ съ ними державъ выѣхали 9 ноября въ 11 часовъ утра изъ Афинъ на суднѣ „Мукалі“ въ Кавалу. Ихъ провожали на пристани министръ иностранныхъ дѣлъ, гофмаршалъ Меркати и Теотокисъ. При ихъ отбытіи присутствовали лишь нѣсколько любопытныхъ. Никакихъ сочувствующихъ манифестацій не произошло. Скатертью дорога.

14—19 ноября. Предсѣдатель чрезвычайной слѣдственной комиссіи первоприсутствующій сенаторъ А. Н. Кривцовъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что, по словамъ допрошеннаго въ комиссіи бѣжавшаго изъ плѣна рядового Антона Пташинскаго, на работахъ въ германскихъ каменноугольныхъ шахтахъ близъ гор. Линихъ, германцы принуждали обезсиленныхъ отъ голода плѣнныхъ работать слѣдующими мѣрами: травили собаками, кололи штыками и, наконецъ, запирали въ пустую комнату, которую наполняли вырабатываемымъ угольными печами газомъ. Брошенный въ эту комнату плѣнный „желтѣль“ и быстро лишился сознанія, при чемъ нѣмцы черезъ окно наблюдали за заключеннымъ и когда послѣдній былъ уже близокъ къ смерти, тогда его на носилкахъ выносили на свѣжій воздухъ; послѣ такого наказанія человѣкъ 3—4 дня болѣетъ—у него появляются головокруженіе, рвота, боль въ желудкѣ и слабость.

Приѣхавшій съ фронта офицеръ рассказывалъ, что на Волыни противъ нашихъ войскъ находятся исключительно германцы, развѣ гдѣ-нибудь на участкѣ вкрапляютъ одинъ или два баталіона австрійцевъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1916 г., № 14 167.

„Русскій Инвалидъ“ сообщаетъ ¹⁾): По полученнымъ въ послѣднее время совершенно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, въ Германіи и Австро-Венгріи до сихъ поръ еще примѣняется по отношенію къ нашимъ плѣннымъ одно изъ самыхъ жестокихъ наказаній—„подвѣшиваніе“.

Считаясь въ названныхъ странахъ законной дисциплинарной мѣрой, подвѣшиваніе практикуется также въ германской и австро-венгерской арміяхъ, но тамъ наказаннаго подвѣшиваютъ къ столбу такимъ образомъ, чтобы ноги его имѣли на полу твердую опору, а связанные за спиной руки находились на высотѣ 1 метра. Между тѣмъ военноплѣнныхъ подвѣшиваютъ такъ, что ноги подвергаемыхъ наказанію почти не касаются земли, а руки подтянуты за спиной къ столбу такъ высоко, что плѣнные висятъ на нихъ всей тяжестью своего тѣла, вслѣдствіе чего отъ сильнаго напряженія и неправильнаго кровообращенія изъ горла и носа показывается кровь, и наказанные теряютъ сознание. Тогда ихъ отпускаютъ, приводятъ въ чувство и снова подвѣшиваютъ. Это повторяется до тѣхъ поръ, пока плѣнные не отбудутъ положеннаго срока наказанія, послѣ чего ихъ въ обморочномъ состояніи относятъ въ баракъ, а часто и въ больницу. Очевидно, такое подвѣшиваніе является уже далеко не законнымъ наказаніемъ, а жестокой пыткой, влекущей за собой тяжелыя физическія послѣдствія, а иногда и психическое разстройство.

Кромѣ подвѣшиванія въ Германіи примѣняется также „подвязываніе“, заключающееся въ томъ, что плѣннаго туго притягиваютъ за руки, въ распятомъ положеніи, къ перекладинѣ такъ, чтобы ноги его едва касались земли, и въ такомъ положеніи подвязанный обыкновенно долженъ пробыть не менѣе двухъ часовъ, что влечетъ за собою такія же тяжелыя послѣдствія, какъ и подвѣшиваніе.

Столь мучительныя наказанія, налагаемыя на нашихъ воиновъ, находящихся въ плѣну во вражескихъ странахъ, совершенно не соотвѣтствуютъ тѣмъ гуманнымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ въ видѣ обычныхъ принятыхъ въ войскахъ видовъ ареста, коимъ подвергаются находящіеся у насъ въ плѣну чины германской и австрійской арміи за совершаемые ими проступки, а потому военное министерство считаетъ своимъ долгомъ обратиться нынѣ дипломатическимъ путемъ къ непріятельскимъ военнымъ властямъ съ категорическимъ

¹⁾ 1916 г. № 312.

требованіемъ о безотлагательной и полной отмѣнѣ указанныхъ выше жестокихъ наказаній въ отношеніи плѣнныхъ, заявивъ при этомъ, что въ случаѣ неудовлетворенія такового требованія, Императорское Правительство вынуждено будетъ ввести наказаніе розгами въ число взысканій, налагаемыхъ на германскихъ и австро-венгерскихъ военноплѣнныхъ.

Наконецъ таки, послѣ 28 мѣсяцевъ войны у насъ додумались до того, чтобы въ возмездіе за пытки нашихъ плѣнныхъ пороть нѣмцевъ. Къ этому надо было непременно прибавить, что отвѣтъ Австро-Германіи ожидается непременно черезъ трое сутокъ, а то нѣмцы будутъ безконечно тянуть отвѣтъ.

При чемъ мнѣ невольно вспоминаются эти лопающіяся отъ жиру щеки плѣнныхъ нѣмцевъ, которыхъ я видѣлъ въ одномъ изъ нашихъ лагерей. Приходитъ на память мой разговоръ, вдали отъ лагеря, на шоссе, съ однимъ изъ нашихъ унтеръ-офицеровъ, завѣдывавшимъ плѣнными.

На мой вопросъ, какъ обращаются въ лагерѣ съ плѣнными нѣмцами,—унтеръ-офицеръ, оглядываясь во всѣ стороны, отвѣтилъ: такъ что не только не позволяютъ дать ему въ морду, а даже запрещаютъ произнести какую-нибудь угрозу.

Кн. Зоя Голицына въ „Развѣдчикѣ“ передаетъ интересныя картины перевязочнаго пункта ¹⁾:

„Среди ночи была небольшая передышка и наши сестры съ врачомъ поѣхали домой. Въ госпиталѣ вѣдь тоже работа. Черезъ часъ къ намъ навезли еще раненыхъ. Рукъ стало меньше, приходилось разрываться, не поспѣвали на всѣ нужды...

Одного не могли захлороформировать! не засыпалъ, бился, вырывался, пробовалъ встать... А надо было непременно вынуть куски раздробленной кости въ ступнѣ и остановить кровотеченіе изъ вены. Легла своимъ тѣломъ поперекъ него, одной рукой держала маску, другой пульсъ, санитаръ за руки и ноги. Тошнило отъ сладкаго запаха, наполнявшаго палатку, брызгало кровью въ лицо и на руки... Несчастный крѣпко заснулъ, когда операція была кончена.

Я вышла изъ перевязочной къ дереву, гдѣ былъ привѣшенъ рукомойникъ, чтобы помыться. Свѣтало уже...

Пошла въ палатку. Крайнимъ направо лежитъ одинъ. Руки разбросаны, сжаты судорожно пальцы... Весь бѣлый, сѣрый даже, въ неясномъ предразсвѣтномъ освѣщеніи. Глаза зака-

¹⁾ „Развѣдчикъ“ 1916 г. № 1355.

тились, еще видно, что голубые, смотрятъ куда-то вверхъ и не видятъ тутъ уже ничего, вѣрно, узрѣли что-то иное, неземное, не ужасы войны и страданія людей, а тихое и радостное и безконечно грустное и жалостливое къ тѣмъ, кто остался... Мольба въ нихъ, и покорность, и радость. Въ нихъ такъ много, въ этихъ закаченныхъ глазахъ, что нельзя отъ нихъ оторваться... Слабо икаетъ, пульса нѣтъ уже... Покрываемъ его одѣяломъ съ лицомъ. Долго потомъ, теперь еще, вижу передъ собой эти закаченные глаза, выраженія которыхъ намъ, живымъ, не понять и не описать...

Въ другую палатку принесли только-что молодого добровольца. Красивый мальчикъ, тонкія интеллигентныя черты лица, волосы курчавые, три Георгія на груди... Лежитъ въ соломѣ, головой оперся о столбъ, грудь вдавилась, неловко, вѣрно... Шевелить губами. Становлюсь на колѣни, ухомъ наклоняюсь совсѣмъ близко къ нему, косынку отстраняю, чтобы лучше слышать.

— Пить... Пить...—рукой показываетъ на грудь.

Иду за кружкой воды. Возвращаюсь назадъ и вижу: весь корчится, скребетъ землю ногтями, глаза закатились, зубы скрипятъ, бьется головой... Лечу за докторомъ: подъ впечатлѣніемъ недавней смерти, боюсь за мальчика...

Докторъ выслушиваетъ.

— Ничего, раны нѣтъ, контузія, вспрысните морфій, пройдетъ...—Бѣлую тонкую руку, съ часами у кисти и компасомъ у другой, обнажили до плеча, игла шприца впиалась... Судороги кончились, голова безпомощно повисла въ сторону, въ углу рта появилась легкая пѣна... Вотъ открылъ глаза полные ужаса, видимо узналъ, понялъ и успокоился... Укрываемъ его, спить.

Захожу часа черезъ полтора. Мой добровольчикъ, слава Богу, совсѣмъ окрѣпъ. Улыбается. Опять шевелить губами; наклоняюсь къ нему и теперь почти ясно разбираю:

— Болитъ тутъ...—показываетъ на желудокъ и грудь,—дайте капель... сестрица...—Опій успокаиваетъ боль.

Самъ сѣлъ, уперся спиною о столбъ. Попросилъ умыться. Улыбался, пока мыла ему лицо и руки какъ маленькому, прошепталъ:

— Вотъ теперь хорошо, спасибо, сестрица...

Напоила его чаемъ. И завязался между нами оригинальный разговоръ: онъ оглохъ отъ контузіи; я показывала ему знаками и губами. Понялъ все, отвѣчалъ. Доброволецъ, въ командѣ

развѣдчиковъ, семнадцать лѣтъ. Контузія снарядомъ. Пошли въ развѣдку, подползли подъ самыя окопы непріятели, хотѣли возвратиться, все разсмотрѣвъ, что надо было, успѣлъ отослать донесеніе уже, какъ лопнуло снарядомъ. Улыбается, когда показали на три Георгія.

— Можетъ быть, дадутъ четвертый за донесеніе... Нашель минную галлерею..—И опять улыбается радостно, глаза блеснули.

— Сестрица... Можно написать?

— Куда?

— Товарищамъ въ полкъ.

— Можно.

Подтянулся еще къ столбу, досталъ изъ походной сумки толстую клеенчатую тетрадь съ надписью: „Записки развѣдчика добровольца Георгія Евстафіевича Сержантъ. Владивостокъ, 1915—1916 г.“

Министръ иностранныхъ дѣлъ Германіи фонъ-Яговъ неожиданно получилъ отставку, и его мѣсто заступилъ Циммерманъ, прошедшій хорошую школу на востокѣ.

„Русское Слово“ ¹⁾ передаетъ слѣдующіе подвиги купечества: *Красноярскъ*. Депутація отъ мѣстнаго купечества явилась къ губернатору и просила его назначить осмотръ ихъ складовъ въ цѣляхъ успокоенія населенія.

— Если на складахъ купечества обнаружится хотя пудъ припрятаннаго товара,—заявила депутація,—сошлите насъ въ Туруханскій край или посадите въ тюрьму на годъ и 4 мѣсяца.

На второй день послѣ этого заявленія чинами полиціи на складѣ миллионера Севастьянова, входившаго въ составъ депутаціи, были обнаружены припрятанные въ большомъ количествѣ сахаръ, махорка и другіе товары.

Сумы. По распоряженію губернатора, арестованъ на мѣсяцъ гласный думы Н. Богатыревъ за продажу пшена выше твердыхъ цѣнъ.

Ярославль. Ростовскій купецъ Владиміровъ оштрафованъ на 3.000 руб. за чрезмѣрное повышеніе цѣнъ на товары.

Красноярскъ. Рядъ торговцевъ за спекуляцію съ мясомъ енисейскимъ губернаторомъ оштрафованъ на разныя суммы.

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Рус. Сл.“ 1916 г. № 261.

Воспоминанія И. В. Е. отъ дѣтства до смерти. (1841—1869 г.).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) ¹⁾.

На праздникъ Рождества Христова я уѣхалъ въ Р. вмѣстѣ съ тремя товарищами, которые жили недалеко отъ Р. На третій день нашего путешествія мы прибыли въ имѣніе Б., принадлежащее родителямъ моихъ спутниковъ. Здѣсь мы отдохнули немного и оправились отъ вліянія морозовъ, такъ жестоко преслѣдовавшихъ насъ во всю дорогу. Въ субботу вечеромъ передъ праздникомъ Николая, я на извозчикѣ, привезшемъ насъ въ Б., поѣхалъ дальше: до Р. было еще 60 верстъ, которыя мы проѣхали довольно скоро, ибо въ 2 часа ночи я былъ уже въ Р. Пріѣхавъ въ городъ, я велѣлъ извозчику подъѣхать къ нашему дому, въ которомъ жилъ нашъ родственникъ Я. Н. Б. Несмотря на всѣ наши усилія, зовъ и крикъ, мы не могли разбудить ни одной спавшей въ домѣ души. Видя, что наши дѣйствія напрасны, я принужденъ былъ перелѣзть черезъ заборъ и, такимъ образомъ, достучался въ дверь. Мнѣ отворили. Я велѣлъ вносить свои вещи, къ удивленію служанки, которая не могла себѣ объяснить моего появленія. Произведенный нами шумъ разбудилъ жену Я. Н., его же самого не было дома. Она, выйдя въ ту комнату, гдѣ я расположился, остановилась отъ удивленія, и только мой привѣтъ вывелъ ее изъ этого положенія. Мы просидѣли всю остальную часть ночи въ бесѣдѣ. Съ наступленіемъ дня я началъ собираться къ Л. С. Е., но, желая сдѣлать маленькій сюрпризъ его дочери М. Е., которую я не видѣлъ пять лѣтъ, я рѣшился идти прямо въ церковь, надѣясь тамъ встрѣтить ее. Но это мнѣ не удалось. Едва я подошелъ къ церковной оградѣ, какъ передо мной явился Л. С. Гримаса его мнѣ не

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль-іюнь 1917 г.

понравилась, а холодный, совершенно не родственныи пріемъ и почти несообразная встрѣча меня сильно озадачили. Онъ, видимо, чѣмъ-то былъ недоволенъ и встрѣтился со мной такъ, какъ будто-бы мы вчера только съ нимъ разстались. Отъ него я узналъ, что М. Л. Е. нездорова, что заставило меня измѣнить планъ моихъ намѣреній и отправиться прямо въ домъ, что я и сдѣлалъ. Съ взволнованнымъ настроеніемъ приближался я къ дому, въ которомъ мнѣ предстояло радостное свиданіе съ существомъ, которое я любилъ нѣжною братскою любовью. Я вошелъ въ первую комнату и былъ встрѣченъ служанкой, которая, не зная меня, ушла въ отдѣльную комнату, гдѣ было собрано все домашнее общество, чтобы доложить о моемъ прибытіи, принимая меня за чиновника. Не удовлетворившись ея поступкомъ, я самъ отправился вслѣдъ за ней. Въ пріемной комнатѣ я засталъ за письменнымъ столомъ барышню, которая была мнѣ незнакома. Я ее принялъ за сестру и хотѣлъ братски ее привѣтствовать, но она, предугадавъ мои желанія, оставила занимаемое ею мѣсто и ушла въ ту комнату, гдѣ была вся семья. За собою она оставила растворенную дверь, противъ которой сидѣла тетушка Э. Е. Она, завидя меня, произнесла мое имя. Это явленіе такъ сильно подѣйствовало на мою сестру, которая, будучи нездорова, лежала въ кровати, что съ нею сдѣлалось дурно, и она начала плакать. Послѣ перваго привѣтствія, она попросила меня выйти въ другую комнату, чтобы самой одѣться. Удовлетворивъ ея желанію, я расположился на диванѣ въ залѣ и началъ разсказывать Э. Е. о своей прошедшей жизни. Черезъ полчаса вышла М. Л., и мы начали забрасывать другъ друга нѣжными выраженіями. Мы не замедлили проявить взаимное упрямство своихъ характеровъ. Она думала найти во мнѣ поборника ея каждой мысли, подобно моему старшему брату М., но на первыхъ же шагахъ должна была разстаться съ своими предположеніями и ограничиться только нѣкоторыми уступками съ моей стороны по причинѣ первой встрѣчи послѣ столь продолжительной разлуки. Вечеромъ, этого же дня, зашла къ намъ молодая наша родственница, которую я тоже не зналъ, но ея фамиллярное обращеніе при первой встрѣчѣ, озадачивъ меня сначала, дало возможность на первыхъ же порахъ съ нею сблизиться и войти въ дружественныя отношенія.

Послѣ ея прихода явилась та же барышня, которая при моемъ появленіи такъ быстро скрылась. Въ ней я узналъ

А. Ж., подругу сестры. Ея видъ мнѣ понравился, и я съ перваго же дня составилъ себѣ планъ атаки, словомъ, я рѣшился за нею ухаживать. Ея голубые глаза, часто обращаемые на меня съ первой минуты нашего знакомства, убѣждали меня въ возможности моего намѣренія. Между нами не замедлила установиться дружба, и мы поступали во взаимныхъ обращеніяхъ, какъ родные. Съ какимъ упоеніемъ я проводилъ вечера въ ея присутствіи, съ какимъ восторгомъ я по временамъ въ уединеніи цѣловалъ ея алыя щеки и съ какимъ увлеченіемъ я смотрѣлъ и любовался ея прекрасными глазами. Я былъ влюбленъ и былъ любимъ. Все это довершало пріятность, съ какою я провелъ эти праздники. Съ чрезвычайнымъ чувствомъ восторга я всегда наслаждался воспоминаніемъ объ одномъ довольно странномъ случаѣ, но вполне лстящемъ моему самолюбію. Случай этотъ былъ слѣдующій. Въ одинъ праздничный день, мы, выйдя изъ церкви, зашли къ Ч., нашимъ родственникамъ, куда пришли и многіе наши знакомые, между которыми и одинъ молодой человекъ А. Д., страстно влюбленный въ предметъ моего обожанія. Обрадовавшись случаю, доставившему ему возможность ее видѣть, онъ неоступно преслѣдовалъ ее своими чувствительными выраженіями, отъ которыхъ она видимо убѣгала, и на ея лицѣ выразилась досада. Это меня побудило принять на себя роль явнаго соперника, пользующагося ея расположеніемъ. Мое дружеское обращеніе съ нею, веселый разговоръ его озадачили и взволновали. Но я рѣшился взбѣсить его окончательно и придумывалъ средства, какъ бы осуществить свои желанія. Въ эту минуту въ моей головѣ блеснула самая смѣлая и поразительная мысль, которая могла быть только оправдана тѣмъ, что общество состояло только изъ нашихъ родныхъ. Тамъ были три сестры и молодая тетушка, которыя составляли кружокъ молодежи. Я затѣялъ съ ними цѣловаться, къ чему онѣ большія охотницы. Совершивъ такимъ образомъ обрядъ лобзанія съ ними, я обратился къ А. Ж., объясняя свой поступокъ тѣмъ, что я ее считаю тоже своею сестрою. Она долго отказывалась по своей скромности, но присутствіе дяди моего К. Д. помогло мнѣ достигнуть своего намѣренія. Я поцѣловалъ ее и въ эту минуту почувствовалъ, что А. Д. своими глазами старается пронзить меня и уничтожить на мѣстѣ. Я торжествовалъ. Онъ же, видя такой быстрый успѣхъ моего чувствительнаго проявленія, оставилъ все въ покоѣ и пришелъ къ тому заключенію, что въ теченіе моей бытности

въ Р. всё его поиски будутъ напрасны. Между тѣмъ я все время своей бытности въ Р. наслаждался эстетическимъ чувствомъ преданности лица, къ которому я сильно былъ расположенъ.

Кромѣ домашнихъ развлеченій, которыя происходили отъ благопріятной обстановки, я еще предавался удовольствію, бывая ежедневно на вечерахъ, гдѣ складно и гармонически сложенное общество не давало возможности скучать. Въ половинѣ этихъ каникулъ, я, воспользовавшись открывшимся случаемъ, уѣхалъ въ М. Вся дорога прошла въ воспоминаніяхъ о недавно оставленномъ мною образѣ жизни. Всѣ лица, окружавшія меня, чередовались попеременно въ моемъ воображеніи, и чѣмъ разстояніе отъ нихъ дѣлалось больше, тѣмъ грустнѣе становилось на душѣ. Одно только меня успокаивало и примиряло съ моимъ отъѣздомъ—это желаніе видѣться съ родителями и родными, а также видѣть лицъ, съ которыми общеніе было немалымъ для меня наслажденіемъ, потому что и тамъ чувствованія находили для себя пріютъ.

Я пріѣхалъ въ М. совершенно неожиданно, при чемъ, пользуясь поздною порою моего вѣзда, я хотѣлъ сдѣлать для родителей маленькій сюрпризъ. Для этого я велѣлъ извозчику вѣхать тихо во дворъ и отправился самъ во флигель, гдѣ кромѣ служанки никого больше не нашель. Я сейчасъ же затѣялъ одѣваться, чтобы нечаянно войти въ залъ занимаемаго родителями дома, который былъ занятъ гостями, и тѣмъ всѣхъ удивить. Но мнѣ это не удалось: служанка сейчасъ же побѣжала въ домъ и объявила, что пріѣхалъ какой-то чиновникъ. Братъ мой, М. В., сейчасъ же прибѣжалъ во флигель, удивился моему присутствію и едва успѣлъ поздороваться, какъ нетерпѣніе сообщить всѣмъ о моемъ пріѣздѣ заставило его убѣжать снова въ домъ, послѣ чего явились мать и сестра и, давъ мнѣ нѣсколько минутъ, чтобы немножко измѣнить свой костюмъ, увлекли меня въ домъ, гдѣ я нашель отца съ истинно родительскимъ привѣтомъ и мадамъ К. съ дочерью, предметомъ моихъ грезъ и мечтаній. М-ле М. К. видимо довольна была своему прибытію въ нашъ домъ, имѣя первая возможность меня видѣть, такъ какъ она была ко мнѣ равнодушна. Послѣ нѣсколькихъ обоюдныхъ фразъ, сказанныхъ мною и всѣми присутствующими, я съ м-ле М. К. отдѣлились въ укромный уголокъ и начали уноситься мыслями въ волшебную область воспоминаній. Мы, бесѣдуя, чувствовали какое-то непонятное довольство души и не замедлили

высказать нашего взаимнаго расположенія. Въ эту минуту все прошедшее вспомнилось, только въ иныхъ формахъ. Воображеніе мое рисовало недоконченную прядь юношескихъ чувствъ, и, казалось, эта минута была одною изъ тѣхъ, которыя даются природою человѣку въ вознагражденіе всѣхъ невзгодъ и неприятностей, перенесенныхъ въ періодъ прошедшей жизни.

Пріятно, весело и съ полнымъ удовлетвореніемъ юношескимъ моимъ стремленіямъ пролетѣли дни, проведенные мною въ М. Мы съ братомъ уговорили отца поѣхать въ Р., на что онъ, къ нашему полному удовольствію, согласился. На третій день послѣ новаго года мы выѣхали изъ М. и по дорогѣ заѣхали къ родственнику нашему П., гдѣ общество трехъ молодыхъ дѣвицъ, веселаго старика и добродушной старушки до такой степени насъ расположили къ себѣ, что мы не хотѣли даже уѣзжать изъ ихъ дома и съ особеннымъ удовольствіемъ провели бы у нихъ еще нѣсколько дней. На второй день послѣ выѣзда изъ ихъ дома мы пріѣхали въ Р. и заѣхали въ свой домъ, занимаемый Я. Н. Б. Хозяина и хозяйки мы не нашли дома, а потому я, какъ болѣе знакомый со всѣми домашними, распорядился на счетъ чая, который былъ для насъ необходимъ послѣ столь непріятнаго по причинѣ холода путешествія, неудобство котораго сдѣлалось для насъ болѣе ощутительнымъ, когда мы выѣхали въ поля, окружавшія городъ. Вѣтеръ и морозъ производили на насъ довольно замѣтное ощущеніе.

Черезъ нѣсколько часовъ явились хозяева, и мы, откушавъ вмѣстѣ съ ними чай, отправились къ Л. С. Е. Было уже темно. Голоса пѣвицъ, встрѣчаемыхъ нами подъ окнами почти cadaго дома, разнообразили нашъ путь. Все это невольно напомнило намъ наше прошедшее пребываніе здѣсь. И вотъ почти цѣлый родъ соединился въ одинъ кружокъ въ томъ городѣ, который считался мѣстомъ рожденія всѣхъ живыхъ членовъ этого рода. При всемъ стараніи продолжить время, наполненное пріятными минутами, оно летитъ и влечетъ за собою новыя картины жизни. Отецъ съ братомъ послѣ трехдневнаго пребыванія въ Р. уѣхали, оставивъ меня, собирающагося тоже въ дорогу. Спустя нѣсколько дней послѣ ихъ выѣзда уѣхалъ и я въ Кіевъ, полонъ разнообразныхъ воспоминаній и съ запасомъ новыхъ силъ для своей дѣятельности.

Разставаясь съ товарищами, съ которыми я ѣхалъ въ Р., мы условились и назадъ ѣхать вмѣстѣ. По этой причинѣ я вмѣстѣ съ тетушкою Э. И., которая желала погостить немного

въ деревнѣ у В., отправились на нанятыхъ лошадяхъ къ нимъ. Тамъ я пробылъ всего одинъ день, и, распрощавшись съ окружавшею мѣстностью, лицами, напоминавшими мнѣ свѣжопрошедшее время, вмѣстѣ съ К. В. уѣхалъ въ Кіевъ. По прїѣздѣ въ этотъ городъ, мы нашли еще одного товарища и, занявъ довольно выгодную квартиру, предалися всѣмъ существомъ своимъ наукѣ, развлекаясь только позднею порой пѣснями, которыя мы любили пѣть для успокоенія напряженнаго ума.

Въ домѣ, въ которомъ мы квартировали, жила какая-то загадочная личность. Это былъ нѣкто П., именовавшій себя надзирателемъ въ отставкѣ. Ежедневно въ окошкѣ его комнаты, выходящемъ на улицу, была приклеена роспись вещамъ, продаваемымъ имъ за очень сходную цѣну, по причинѣ необходимости скоро оставить городъ К., какъ было сказано въ его объявленіи. Однако, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, которые онъ прожилъ съ нами въ одномъ домѣ, онъ ни разу не затѣвалъ уѣзжать. Грубое обращеніе съ нимъ хозяина, его подозрительные поступки, изобиліе разныхъ мелочныхъ вещей, которыми были завалены его комнаты, неволью возбуждали въ насъ подозрѣніе, вслѣдствіе котораго мы потеряли къ нему всякое уваженіе. Впрочемъ, до вызваннаго имъ же нижеозначеннаго случая мы не имѣли съ нимъ никакого столкновенія. Этотъ случай былъ слѣдующій: однажды ночью, мы, по обыкновенію своему, послѣ занятій, начали пѣть различныя пѣсни. Это, какъ видно, вывело его изъ терпѣнія, и онъ черезъ стѣну началъ осыпать насъ дерзкими словами. Это была искра, брошенная въ ящикъ съ порохомъ. Перебранка была жестокая, послѣ чего мы начали его преслѣдовать на каждомъ шагу и ввели его въ такое состояніе, что онъ долженъ былъ сидѣть взаперти въ своей комнатѣ и только въ случаѣ надобности черезъ окошко пробираться на улицу.

Такое обращеніе съ нимъ заставило его прибѣгнуть къ покровительству нашего начальства. Онъ жаловался на насъ попечителю округа, который командировалъ субъ-инспектора Б. для изслѣдованія этого дѣла. Однажды утромъ мы, неотдѣтые совершенно, занимались однимъ изъ факультетскихъ предметовъ. Въ это время является къ намъ субъ-инспекторъ. Съ самаго начала онъ довольно вѣжливо разговорился съ нами о предметахъ, которые далеко были отъ цѣли его посѣщенія, но потомъ онъ безъ всякихъ распросовъ началъ укорять насъ въ нашемъ неприличномъ поведеніи относи-

тельно чиновника и вдругъ вывелъ такія заключенія, что, сличивъ самое дѣло съ заключеніями, нельзя было не удивиться столь гиперболическому представленію. Это насъ разсмѣшило, и мы не могли дать на его вопросы удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Это заставило его отправиться къ П., гдѣ онъ просидѣлъ болѣе часа. Что онъ дѣлалъ у него, для насъ осталось неизвѣстнымъ, но этотъ его поступокъ вполнѣ далъ намъ возможность торжествовать надъ нимъ. Когда онъ вышелъ изъ квартиры П. и вошелъ въ нашу комнату, мы отказались отвѣчать ему на его вопросы, основываясь на томъ, что онъ не хотѣлъ прежде выслушать насъ, а отправился къ П. Этотъ нашъ поворотъ дѣла такъ его озадачилъ, что онъ, вопреки своему желанію, принялъ нашу сторону и, оправдавъ насъ въ глазахъ высшаго начальства, заставилъ хозяина отказать П. въ квартирѣ, если онъ только желаетъ, чтобы у него квартировали студенты.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1917 г.

ТОМЪ СТО СЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

ЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. Изъ записокъ Н. В. Исакова. Сообщилъ П. Н. Исаковъ	1—22
II. Мимоходомъ. Моя губернаторская эпопея. Сообщ. В. И. Мерцаловъ	38—89
III. Университетъ пятидесятихъ годовъ. (Изъ вос- поминаній Н. Леваковского). Сообщила О. Н. Леваковская	110—118
IV. Воспоминанія И. В. Е. отъ дѣтства до смерти (1841—1869 г.).	152—158

Изслѣдованія. — Историческіе и біографиче- скіе очерки. — Переписка. — Разказы. — Мате- ріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. И. Г. Головинъ. Императоръ Николай I. Со- общилъ Б. Колюбакинъ	23—32
II. Александръ Дмитріевичъ Свербеевъ. Елены Пономаревой	33—34
III. Ревизоръ. Изъ записной книжки. Сообщилъ Д. П. Проскурнинъ	35—37
IV. Вел. кн. Алексѣй Александровичъ выражаетъ въ 1892 г. сомнѣніе въ успѣшности карьеры наслѣдника цесаревича Николая Але- ксандровича. П.	90

	СТРАН.
V. Греческій король Константинъ и императрица Александра Феодоровна. II.	90
VI. Неизданныя письма Н. И. Пирогова. Сообщ. С. Я. Штрайхъ	91—96
VII. Матеріалы о Всероссийской Этнографической выставкѣ и о Славянскомъ Създѣ въ Москвѣ въ маѣ 1867 г.	97—109
VIII. Дневныя записки генерала Патрика Гордона. Сообщ. П. М. Майковъ	119—128
IX. Запѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны. В. П.	129—151

Приложенія.

Часть 47 орудій, взятыхъ у германцевъ, на рижскомъ фронтѣ, войсками Радко-Дмитріева въ концѣ декабря 1916 г.

Библіографическій листокъ (на обложкѣ).

- I. Баронъ де-Бай. Франко-русскія мысли. Петроградъ. 1917 г.
- II. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива собственной Е. В. Канцеляріи. Подъ редакціей приватъ-доцента В. Строева. Вып. 16-й Петроградъ. 1917 г.
- III. Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго. Редакція П. Щеголева. **Н. Г.**
- IV. Открытіе сенаторскихъ дѣлъ историческаго архива Таврической ученой архивной комиссіи. Составилъ П. В. Никольскій. Симферополь. 1917 г.

Записки графа Е. О. Комаровскаго. Ред. П. Щеголева. Издательство „Огни“ СПТ. 1914 г. Стр. 278+ХІ. Цѣна 2 р. 25 к.

Эти интереснѣйшіе мемуары печатались въ 60-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ разныхъ историческихъ журналахъ.

Теперь они изданы отдѣльной книгой съ указателемъ личныхъ именъ, составленнымъ очень полно и внимательно.

Записки графа Комаровскаго, начавшаго свою карьеру при Екатеринѣ Великой и окончившаго ее въ царствованіе Николая I, отражаютъ эпоху русской жизни, полную великихъ событій и движеній. За два года до Великой Французской Революціи восемнадцатилѣтній Комаровскій былъ посланъ курьеромъ въ Парижъ, и должно удивляться серьезной наблюдательности этого сдержаннаго юноши, котораго тогда уже называли „le très sage m-g Komarowsky“.

Позднѣе, въ свитѣ великаго князя Константина Павловича, онъ продолжалъ знаменитый Италійскій походъ Суворова.

Въ царствованіе Александра I, графъ Комаровскій въ качествѣ генераль-адъютанта близко стоялъ къ гесударю и исполнялъ значительныя служебныя порученія.

Въ сдержанномъ и скромномъ разсказѣ его угадываются черты большой добросжелательности къ людямъ и мудрой хозяйственной распорядительности. Особенно поучительна дѣятельность гр. Комаровскаго въ качествѣ полномоченнаго для оказанія помощи жителямъ Петербургской стороны, пострадавшимъ отъ наводненія 1824 года.

Достоѣна упоминанія также слѣдующая черточка (стр. 121): объѣзжая деревни своей жены и „входя въ каждый крестьянскій домъ“, графъ Комаровскій встрѣтилъ семью, въ которой остались только бабы, т. к. всѣ мужики перемерли отъ горячки. „Сіе тотчасъ подало мнѣ мысль имѣть лѣкаря и учредить въ Городищѣ лазаретъ, чѣмъ я немедленно занялся и скоро привелъ въ исполненіе“, пишетъ этотъ человекъ, у котораго, повидимому, никогда не расходилось слово съ дѣломъ.

Эти подробности дѣятельности графа Комаровскаго, черты быта той эпохи и часто весьма любопытныя упоминанія крупныхъ историческихъ личностей дѣлаютъ записки гр. Комаровскаго очень цѣннымъ вкладомъ въ литературу мемуаровъ. Ихъ можно рекомендовать всѣмъ любителямъ родной старины и слѣдуетъ признать полезными для ученическихъ библиотекъ при средне-учебныхъ заведеніяхъ.

Н. Г.

Описаніе сенатскихъ дѣлъ историческаго архива Таврической ученой архивной комиссіи. Составилъ П. В. Никольскій. Симферополь. 1917 г.

Въ большомъ по объѣму томѣ напечатаны сенатскія дѣла историческаго архива Таврической ученой архивной комиссіи, касающіяся самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни Новороссійскаго края и Крыма съ 1797 по 1841 г.г. Здѣсь приведены дѣла самага разнообразнаго содержанія, какъ разнообразна была самая жизнь края.

Составителю книги надо приписать въ особую заслугу, что въ этомъ большомъ имъ составленномъ сборникѣ и историкъ, и бытописатель, и юристъ найдутъ высокоцѣнный матеріалъ для своихъ научныхъ изслѣдованій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1917 года.

СОРОКЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ОДИНАДЦАТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ТРИНАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается, какъ для городскихъ, такъ и иногороднихъ подписчиковъ, въ конторѣ журнала „Русская Старина“ **Петроградъ**, Фонтанка, 18, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. **По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ**, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Г.г. иногородніе подписчики, желающіе получить счетъ въ уплатѣ денегъ за выписанный ими журналъ, должны предварительно оплачивать всѣ расходы за свой счетъ, т. е. пересылку по почтѣ и надлежащій гербовый сборъ.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для напечатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „**РУССКУЮ СТАРИНУ**“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1878 и 1880 г.г. по 8 рублей; 1884, 1885, 1888, 1889, 1890, 1892—1908, 1910 и 1911, и 1913, 1914 г.г. по 9 рублей, 1915 и 1916 г.г. — 10 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА
Михаиль Ивановичъ Семевскій.
ЕГО ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Съ предисловіемъ и подъ редакціей Н. К. Шильдера. Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Съ требованіемъ обращаться: Петроградъ, Б. Подъяческая ул., 7.

